

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

На правах рукописи

Голубцов Иван Александрович

**Институты развития как инструмент стимулирования
социально-экономической устойчивости
приграничных территорий Российской Федерации**

Специальность 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
(региональная экономика)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель:
доктор экономических наук, профессор
Леонтьева Лидия Сергеевна

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ.....	18
1.1. Институты развития приграничных территорий: сущность, функции и место в региональной экономике.....	18
1.2. Инструменты стимулирования социально-экономического развития приграничных территорий.....	34
1.3. Подходы к институциональной поддержке развития приграничных территорий.....	44
ГЛАВА 2. ДИАГНОСТИКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	54
2.1. Методический подход к оценке экономической динамики и институциональной готовности приграничных территорий к реализации мер развития	54
2.2. Сравнительная диагностика экономического и институционального состояния приграничных территорий.....	66
2.3. Точки роста и направления институционального развития приграничных территорий Российской Федерации.....	75
ГЛАВА 3. ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОЦЕНКА ЕГО РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ.....	87
3.1. Социально-экономический профиль приграничных территорий как основа выбора инструментов институтов развития.....	87
3.2. Спецификация институциональных моделей развития приграничных территорий Российской Федерации.....	117
3.3. Оценка результативности институционального воздействия на устойчивость приграничных территорий Российской Федерации	130
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	138
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	141
Приложение А. Институты развития в условиях бюджетных ограничений и инфраструктуры пунктов пропуска: приграничные территории.....	164
Приложение Б. Точки роста приграничных субъектов Российской Федерации как объекты адресного использования инструментария и ресурсных возможностей институтов развития в регионах	167

Приложение В. Обобщающая матрица социально-экономической обстановки в приграничных регионах	178
Приложение Г. Индекс экономической активности приграничных регионов	180
Приложение Д. Результаты расчета индекса состояния институтов развития и распределение по типам моделей	183
Приложение Е. Расчет и интерпретация корреляционных взаимосвязей ключевых социально-экономических показателей приграничных регионов по федеральным округам	186
Приложение Ж. Методические подходы к оценке результативности институтов развития и приграничных экономических отношений	195

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Российская Федерация, обладая самой протяженной в мире государственной границей, насчитывающей более 60 тысяч километров, включает в свой состав 41 приграничный субъект. Приграничные территории обладают особыми перспективами и одновременно сталкиваются со специфическими вызовами социально-экономического развития. Они выполняют важную функцию как в рамках внутреннего пространственного развития государства, так и в сфере международных экономических взаимодействий, служа платформами для трансграничного сотрудничества и установления экономических контактов с сопредельными государствами. Приграничные территории не только способствуют экономической интеграции, но и способны выступать драйверами экономического роста за счет использования природных ресурсов, развития транспортных и логистических коридоров и создания специальных экономических зон. Вместе с тем они сталкиваются с такими проблемами, как экономическая изоляция, недостаток инфраструктуры, низкая плотность населения и политические вызовы, что создает необходимость выработки комплексных решений.

Институты развития и применяемые ими инструменты государственной поддержки следует рассматривать не только как совокупность финансовых механизмов, но и как системный инструмент стимулирования социально-экономической устойчивости приграничных территорий, обеспечивающий согласование экономических, социальных и институциональных факторов развития. Значимость соответствующих инструментов обусловлена тем, что они позволяют стимулировать развитие сектора малого и среднего предпринимательства, модернизировать региональную инфраструктуру, повышать адаптивность территорий к внешним шокам и формировать благоприятные условия для реализации инновационно-ориентированных инициатив. Государственная политика в данной сфере реализуется через совокупность федеральных и региональных мер поддержки предпринимательства,

инвестиционной активности, инфраструктурного развития и внешнеэкономического взаимодействия, включая субсидирование, налоговые преференции, режимные инструменты и упрощение отдельных процедур хозяйственной деятельности. Практика ряда субъектов Российской Федерации демонстрирует значимость таких мер для стимулирования предпринимательской активности и устойчивого развития территорий.

Тем не менее отсутствуют универсальные подходы и единая методическая основа оценки результативности институтов развития с позиции их вклада в социально-экономическую устойчивость приграничных территорий, что ограничивает возможности адресного применения соответствующих инструментов.

Современные геополитические изменения, включая введение антироссийских санкций и ограничение традиционных форм трансграничного сотрудничества с недружественными государствами, усиливают нагрузку на приграничные территории. Указанные изменения привели к необходимости переориентации внешнеэкономических связей на страны Содружества Независимых Государств (СНГ), Китай, Монголию и другие дружественные государства. В новых условиях ключевую роль начинают играть институциональные механизмы поддержки торговли, инвестиций и локализации производств, адаптированные к изменившейся внешней среде.

Недостаточная проработанность вопросов оценки и использования инструментов институтов развития в приграничных территориях сдерживает разработку конкретных мер по совершенствованию процессов стратегического планирования и мониторинга. В исследовательской литературе слабо представлены сопоставимые подходы к анализу результативности таких институтов с учетом территориальной дифференциации приграничных субъектов.

В этих условиях обеспечение социально-экономической устойчивости приграничных территорий Российской Федерации возможно при разработке комплексной теоретико-методической базы, направленной на всесторонний анализ функционирования институтов развития в пространственном контексте

и оценку их способности компенсировать экономические, социальные и институциональные риски. Такое исследование позволит не только выявить наиболее результативные инструменты, соответствующие региональной специфике, но и предложить наиболее результативные возможности их применения в контексте стимулирования устойчивости приграничных территорий в соответствии с текущими задачами и долгосрочными стратегическими перспективами.

Таким образом, актуальность темы исследования определяется необходимостью научного обоснования таких институтов развития и их инструментов, которые позволяют учитывать неоднородность приграничных территорий, снижать инфраструктурные, инвестиционные, институциональные и внешнеэкономические барьеры и обеспечивать устойчивость их социально-экономического развития.

Степень разработанности темы. Проблема развития приграничных регионов разрабатывается в русле исследований пространственной, региональной и институциональной экономики с учетом трансграничного сотрудничества. Теоретические основы пространственного и регионального развития представлены в трудах А.С. Воронова, Г.Ю. Гагариной, С.Ю. Глазьева, Е.А. Коломак, В.А. Крюкова, М.В. Кудиной, В.Н. Лексина и А.Н. Швецова. Однако в рамках данных подходов приграничность преимущественно рассматривается как частный пространственный фактор. Недостаточно раскрыты механизмы, посредством которых приграничное положение, трансформация внешнеэкономических связей и неоднородность институциональной среды совместно воздействуют на устойчивость регионального развития. Не сформирована целостная теоретическая рамка, позволяющая перейти от общего анализа пространственных диспропорций к выбору дифференцированных институтов развития для различных типов приграничных территорий Российской Федерации.

Вопросы территориальной дифференциации, экономического роста и пространственной неоднородности раскрыты в работах Е.М. Бухвальда, Н.В. Зубаревич, О.Б. Иванова, А.С. Кузавко, Т.С. Новиковой, В.М. Полтеровича,

В.В. Попова, С.Г. Сафронова, В.И. Сулова, Г.М. Федорова, А.А. Цыплакова и В.А. Якимовой. Вместе с тем в указанных исследованиях не получила достаточного развития сопоставимая диагностика именно приграничных субъектов, объединяющая динамику валового регионального продукта, инвестиций и численности населения с оценкой качества институционального каркаса. В меньшей степени исследована возможность использовать такую диагностику для выявления территорий динамичного, стабильного и слабого развития, определения зон повышенного риска и последующего выбора адресных мер, учитывающих точки роста конкретных приграничных регионов.

Институциональные аспекты регионального развития и механизмы государственного регулирования исследованы В.Л. Абрамовым, Н.А. Григорьевым, В.В. Климановым, В.В. Комлевой, Л.С. Леонтьевой, Л.Н. Чайниковой и В.А. Яговкиной. Однако применительно к приграничным регионам недостаточно разработан инструментарий, позволяющий измерять институциональную готовность территории к устойчивому развитию и трансграничному взаимодействию. Не в полной мере раскрыты такие параметры, как адаптивность институтов к внешним шокам, вовлеченность локальных акторов и институционально-пространственная плотность. Это ограничивает возможности сопоставления регионов, формирования их институциональной типологии и настройки механизмов поддержки с учетом различий между моделями точечного роста, функционального насыщения и интеграционной плотности.

Самостоятельное направление исследований образуют работы, посвященные институтам развития как особому элементу региональной политики. Теоретические и прикладные аспекты формирования и использования инструментария институтов развития раскрыты в работах В.А. Дербеденева, Т.А. Зотовой, С.М. Казаковой, М.В. Калугиной, Г.Б. Клейнера, В.В. Климанова, Л.С. Леонтьевой, В.М. Полтеровича, В.В. Попова, Н.Ю. Сорокиной, Л.Н. Чайниковой и В.А. Яговкиной. Институты развития трактуются как организационно закреплённая система субъектов, норм, процедур

и инструментов, обеспечивающая отбор, финансирование, сопровождение и мониторинг проектов территориального развития. Недостаточно раскрытым остается вопрос дифференцированной настройки данной системы применительно к неоднородным приграничным территориям.

Проблемы инвестиционного, налогового и инфраструктурного стимулирования регионального роста рассмотрены в работах Н.К. Атагулыевой, А.В. Котова, Н.А. Маслюк и Н.В. Медведевой. Вместе с тем недостаточно подробно раскрыта взаимосвязь финансово-экономических, инфраструктурных, институционально-правовых, организационно-управленческих и внешнеэкономических инструментов в единой системе стимулирования приграничной экономики.

Приграничные регионы как особый тип пространственных систем исследованы К.А. Атышовым, А.С. Гордой, А.С. Кузавко, А.В. Кузнецовым, О.В. Кузнецовой, М.В. Курниковой, Л.Р. Рустамовой и П.А. Черномазом. В их работах раскрываются особенности приграничного положения, внешнеэкономических связей, еврорегионального взаимодействия и трансграничного сотрудничества. Однако сопоставимая диагностика экономической динамики и институционального развития приграничных регионов представлена фрагментарно. Не в полной мере прослеживается переход от выявления специфики приграничного положения к формированию измеримой системы мониторинга и к обоснованию дифференцированных управленческих решений для конкретных групп территорий.

Вопросы международного и трансграничного взаимодействия получили развитие в трудах Р. Бальма, Э. Брюне-Жайи, В.В. Зазерской, Е.В. Заречной, В.В. Комлевой, Д. Ньюмана, А. Пааси, М. Перкманна и Л.Р. Рустамовой. Вместе с тем разработанные подходы требуют адаптации к современным российским условиям, связанным с изменением геополитической обстановки, переориентацией внешнеэкономических связей.

Несмотря на значительный научный задел, недостаточно разработанными остаются вопросы комплексной оценки состояния приграничных экономических

отношений, сопоставления экономической динамики приграничных регионов с параметрами институционального развития и формирования системы принципов и инструментов, позволяющих использовать институты развития как средство стимулирования социально-экономической устойчивости приграничных территорий с учетом российской специфики. Указанные обстоятельства обусловили выбор темы, цели и задач диссертационного исследования.

Цель диссертационного исследования заключается в разработке теоретико-методического подхода и практических рекомендаций по использованию инструментария институтов развития для повышения социально-экономической устойчивости приграничных территорий Российской Федерации на основе выявления факторов, определяющих особенности их функционирования и развития, и обоснования дифференцированных механизмов государственной поддержки.

Для достижения поставленной цели сформулированы следующие **задачи диссертации:**

1) определить теоретико-методические основы функционирования институтов развития приграничных территорий, уточнить их содержание, функции и место в региональной экономике, а также систематизировать инструменты стимулирования социально-экономического развития приграничных территорий;

2) раскрыть механизм формирования точек роста приграничных территорий и определить взаимосвязанные контуры снятия ограничений и стимулирования экономических процессов в региональных экономиках;

3) разработать методический подход к диагностике экономической динамики и институциональной готовности приграничных территорий на основе индекса экономической активности (ИЭА) и индекса состояния институтов развития (ИСИР);

4) сформировать типологию институциональных моделей развития приграничных территорий и обосновать состав инструментария институтов развития, обеспечивающих повышение результативности их функционирования;

5) разработать интегральную методику оценки результативности институционального воздействия на устойчивость приграничных территорий и выявить территориальные диспропорции их развития на основе сопряжения показателей экономической динамики и институциональной готовности.

Объектом исследования являются приграничные территории Российской Федерации как пространственные социально-экономические системы, характеризующиеся специфическими условиями хозяйственного развития, особенностями пространственного положения и влиянием трансграничных факторов.

Предметом исследования являются организационно-экономические механизмы и использование инструментария институтов развития, обеспечивающие повышение социально-экономической устойчивости приграничных территорий Российской Федерации.

Теоретическая основа исследования сформирована на базе научных трудов отечественных и зарубежных авторов, посвященных разработке и обоснованию подходов к созданию, функционированию и повышению результативности институтов развития приграничных территорий Российской Федерации. Указанные обстоятельства обусловили необходимость систематизации исследований, направленных на раскрытие роли институциональных структур в обеспечении социально-экономического развития приграничных регионов, разработку моделей оценки их влияния на экономический потенциал, анализ факторов формирования благоприятной институциональной среды, классификацию и определение ключевых компонентов институтов развития. В диссертационном исследовании применены концепции институционального развития приграничных территорий, подходы к анализу трансформации экономических процессов в пространстве приграничного взаимодействия и базовые принципы экономической теории, раскрывающие механизмы функционирования институтов развития в Российской Федерации.

Информационная база исследования сформирована на основе общедоступных статистических данных Федеральной службы государственной статистики и ее территориальных органов, Единой межведомственной

информационно-статистической системы, данных Федеральной таможенной службы об экспорте, импорте и внешнеторговом обороте приграничных субъектов Российской Федерации, а также сведений ФГКУ «Дирекции по строительству и эксплуатации объектов Росграницы» о пунктах пропуска через государственную границу. Дополнительно использовались нормативные правовые документы, регулирующие деятельность организаций, обеспечивающих поддержку экономических процессов и стратегическое развитие приграничных территорий, материалы научных публикаций российских и зарубежных авторов и сведения из открытых электронных источников.

Методология исследования. Для достижения цели исследования и решения поставленных задач применялся комплекс общенаучных и специальных методов, выбор которых определялся логикой диссертации. Исторический метод позволил систематизировать этапы формирования подходов к исследованию приграничных территорий и институтов их развития; системный и междисциплинарный подходы обеспечили комплексное рассмотрение факторов, условий и ограничений развития экономических процессов в приграничных территориях Российской Федерации. Для оценки состояния приграничных экономических отношений были использованы диагностические методы исследования, а обоснование выводов базировалось на индексном методе. Дополнительно применялся контент-анализ документов стратегического планирования и нормативных правовых актов, что позволило выявить особенности институционального регулирования и механизмы поддержки развития приграничных территорий Российской Федерации. Особое внимание в исследовании уделено обоснованию концептуальной взаимосвязи между действием институтов развития и формированием устойчивой, социально и экономически сбалансированной региональной среды. На прикладном этапе были использованы специальные методы анализа, в том числе статистические инструменты, охватывающие корреляционное и индексное моделирование, визуальные средства представления данных в табличные и графические форматы. Применение указанных методов позволило осуществить всестороннюю оценку

текущего состояния институциональной инфраструктуры поддержки и выработать обоснованные рекомендации, направленные на оптимизацию ее функционирования в контексте обеспечения социально-экономической устойчивости приграничных территорий Российской Федерации.

Научная новизна исследования заключается в развитии теоретико-методических положений использования возможностей институтов развития в обеспечении социально-экономической устойчивости приграничных территорий Российской Федерации, а также в разработке методического инструментария их применения на основе оценки экономической динамики, параметров приграничной территории и отраслевой неоднородности.

Автором **лично получены** следующие результаты, имеющие признаки научной новизны:

1. Уточнено содержание институтов развития приграничных территорий как организационно закреплённой системы публичных, квазипубличных и партнерских субъектов, норм, процедур и инструментов, обеспечивающей снижение инфраструктурных, инвестиционных, институциональных и внешнеэкономических барьеров территориального развития. Систематизированы финансово-экономические, инфраструктурные, институционально-правовые, организационно-управленческие и внешнеэкономические инструменты стимулирования приграничной экономики, что позволяет рассматривать институты развития как согласованный механизм территориального воздействия.

2. Раскрыт механизм формирования точек роста приграничных территорий как объектов адресного использования инструментария и ресурсных возможностей институтов развития в регионах. Обосновано, что точки роста формируются под воздействием пространственных факторов, связанных с транспортными коридорами, пунктами пропуска и логистическими узлами, и отраслевых факторов, отражающих специализацию территории; воздействие институтов развития реализуется через взаимосвязанные контуры снятия ограничений и стимулирования экономических процессов в региональных экономиках.

3. Разработан и апробирован методический подход к диагностике экономической динамики приграничных территорий, объединяющий индекс экономической активности (ИЭА) и индекс состояния институтов развития (ИСИР). ИЭА характеризует экономическую динамику через изменение валового регионального продукта, инвестиций в основной капитал и численности населения, а ИСИР оценивает институциональную готовность территории по параметрам адаптивности институтов, вовлеченности локальных акторов и институционально-пространственной плотности. Сопряжение указанных индексов позволяет выявлять институциональные ограничения устойчивости и формировать типологию территорий.

4. Сформирована типология институциональных моделей развития приграничных территорий с учетом социально-экономического профиля, уровня влияния приграничного положения на развитие региона и состояния институциональной среды. Выделены модели точечного роста, функционального насыщения и интеграционной плотности; для каждой модели определены типовые ограничения и обоснован соответствующий инструментарий институтов развития, включающий проектные, инфраструктурные, регуляторные и координационные инструменты, ориентированные на повышение результативности функционирования институтов развития в конкретных типах территорий.

5. Разработана интегральная методика оценки результативности институционального воздействия на устойчивость приграничных территорий. Ее интегральный характер определяется сопряжением экономической динамики (ИЭА), институциональной готовности (ИСИР) и пограничной институциональной модели социально-экономической динамики региона (ПИМСЭД). Методика позволяет разграничивать экономическую динамику и институциональное закрепление ее результатов, выявлять территориальные диспропорции их развития на основе сопряжения показателей экономической динамики и институциональной готовности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Институты развития приграничных территорий представляют собой организационно закреплённую систему субъектов, норм, процедур и инструментов, обеспечивающую снижение инфраструктурных, инвестиционных, институциональных и внешнеэкономических барьеров развития. Их воздействие на социально-экономическую устойчивость приграничных территорий определяется степенью согласованности финансово-экономических, инфраструктурных, институционально-правовых, организационно-правовых, внешнеэкономических инструментов.

2. Механизм формирования точек роста приграничных территорий обусловлен воздействием пространственных и отраслевых факторов, при этом сами точки роста выступают объектами адресного применения инструментария институтов развития. Воздействие институтов развития реализуется через взаимосвязанные контуры снятия ограничений и стимулирования экономических процессов в региональных экономиках.

3. Методический подход к сопоставимой диагностике приграничных территорий должен основываться на сопряжении индекса экономической активности (ИЭА) и индекса состояния институтов развития (ИСИР). Диагностика экономической динамики дополняется оценкой институциональной готовности территории: ИСИР, включающий адаптивность институтов, вовлечённость локальных акторов и институционально-пространственную плотность, позволяет выявлять институциональные ограничения и формировать типологию территорий.

4. Дифференцированная настройка институтов развития должна осуществляться с опорой на типологию институциональных моделей развития приграничных территорий, включающую модели точечного роста, функционального насыщения и интеграционной плотности, а также учитывать уровень приграничной экспозиции территории. Каждой модели соответствует собственный инструментарий институтов развития, основанный на конфигурации проектных, инфраструктурных, регуляторных и координационных инструментов, обеспечивающий повышение результативности функционирования институтов развития.

5. Интегральная методика оценки результативности институционального воздействия основана на сопряжении индексов экономической активности (ИЭА), состояния институтов развития (ИСИР) и пограничной институциональной модели социально-экономической динамики региона (ПИМСЭД) и дополнена индексом результативности институциональной динамики (ИР-ИД). Методика позволяет разграничивать экономическую динамику и институциональное закрепление ее результатов, выявлять территориальные диспропорции, оценивать влияние институтов развития на устойчивость приграничных территорий и обосновывать адресные направления совершенствования государственных и региональных программ поддержки приграничной экономики.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии теоретико-методологических основ приграничной экономики и уточнении роли институтов развития как системного инструмента стимулирования социально-экономической устойчивости приграничных территорий Российской Федерации. В исследовании уточнено понятие институтов развития применительно к приграничным территориям: они рассматриваются как совокупность взаимосвязанных финансово-экономических, инфраструктурных, институционально-правовых и организационно-управленческих механизмов, обеспечивающих адаптацию регионов к внешним шокам и воспроизводство их потенциала. Разработаны теоретические положения о влиянии инвестиционной активности, институциональной адаптивности и вовлеченности локальных акторов на устойчивость приграничных регионов. Обосновано действие институциональных и инфраструктурных механизмов как компенсаторных инструментов сглаживания социально-экономической неоднородности приграничных территорий и повышения их конкурентоспособности.

Практическая значимость исследования состоит в том, что разработанная методика, аналитические процедуры и прикладные рекомендации могут быть использованы в практике государственного и муниципального управления при оценке социально-экономической устойчивости приграничных территорий Российской Федерации и определении результативности реализуемых

мер государственной поддержки. Предложенный инструментарий ориентирован на преодоление институциональных барьеров, активизацию инвестиционных процессов, расширение условий для устойчивого развития малого и среднего предпринимательства и формирование дифференцированных пакетов мер с учетом специфики приграничного положения территорий Российской Федерации. Реализация сформулированных рекомендаций может способствовать укреплению хозяйственных связей с дружественными сопредельными государствами, снижению масштабов социально-экономической неоднородности приграничных территорий и повышению устойчивости их развития в долгосрочной перспективе.

Степень достоверности и апробация результатов. Основные положения диссертационного исследования докладывались и обсуждались в период с 2022-2025 гг. на следующих научных, научно-практических конференциях и научно-методологических семинарах: Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (г. Москва, 2023-2025); Ежегодная общеуниверситетская научная конференция «Ломоносовские чтения» (г. Москва, 2023-2025); Международная конференция «Государственное управление в условиях новых вызовов» (г. Москва, 2022, 2024); Научная конференц-сессия «Государственное управление и развитие России: новые горизонты и образ будущего» (г. Москва, 2024) и Всероссийская научно-практическая конференция «Взаимодействие бизнеса и государства» (г. Москва, 2023).

Результаты исследования апробированы в Министерстве экономического развития и промышленности Республики Тыва, Департаменте стратегического развития и инноваций Министерства экономического развития Российской Федерации, ООО «Управляющая компания "Коммершиал Проперти Траст"». Отдельные положения диссертации теоретико-методологического характера внедрены в учебный процесс магистратуры факультета государственного управления МГУ имени М.В.Ломоносова в рамках преподавания дисциплин «Межрегиональное и межмуниципальное сотрудничество» и «Стратегическое региональное управление» по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление».

Публикации автора по теме исследования. По теме диссертационного исследования опубликовано 11 работ общим объемом 11,57 п.л. (авторский объем составляет 8,36 п.л.), из них 8 статей (объемом 10,29 п.л.) в рецензируемых изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук; 3 публикации в иных изданиях.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Диссертационное исследование соответствует п. 1.3. «Региональное экономическое развитие и его факторы. Проблемы сбалансированности регионального развития. Сбалансированность региональных социально-экономических комплексов» и п. 1.9. «Проблемы региональной социально-экономической дифференциации. Инструменты сглаживания региональных диспропорций в национальной экономике» паспорта научной специальности 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (региональная экономика).

Структура и объем работы. Структура диссертации обусловлена логикой исследования и состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, включающего 220 наименований и 7 приложений. Диссертация изложена на 199 страницах машинописного текста, содержит 77 таблиц и 41 рисунок.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

1.1. Институты развития приграничных территорий: сущность, функции и место в региональной экономике¹

Институты развития приграничных территорий рассматриваются как организационно закрепленная система публичных, квазипубличных и партнерских субъектов, норм, процедур и инструментов, обеспечивающая снижение инфраструктурных, инвестиционных, институциональных и внешнеэкономических барьеров территориального развития. Функционирование данной системы основано на согласовании деятельности органов публичного управления, корпораций развития, фондов, организаций инфраструктурного и проектного сопровождения, территорий с преференциальными режимами и иных участников региональной экономики. Содержание институтов развития раскрывается через взаимосвязь механизмов финансирования, налогового регулирования, инфраструктурного обеспечения, правового сопровождения и организационной координации с процедурами отбора проектов, распределения ответственности, мониторинга реализации и оценки достигнутых результатов. Такая трактовка позволяет рассматривать институты развития как целостный механизм целенаправленного воздействия на социально-экономическую устойчивость приграничной территории.

Терминологический аппарат исследования строится на содержательном разграничении взаимосвязанных категорий. Институты развития образуют базовый уровень анализа и характеризуют систему субъектов, норм, процедур и устойчивых механизмов целенаправленного воздействия на территориальное

¹ При работе над данным параграфом диссертации использована следующая публикация автора, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Голубцов И.А. Обоснование возможных направлений развития приграничной экономики // Региональная экономика: теория и практика. 2024. Т. 22, № 9 (528). С. 1615-1627.

развитие. Инструменты стимулирования представляют конкретные способы реализации функций институтов развития. Точки роста выступают объектами адресного применения соответствующих механизмов. Приграничные экономические отношения формируют среду функционирования институтов развития и оценки результативности их воздействия на социально-экономическую устойчивость территории.

Для полноценного осмысления важности приграничного сотрудничества, сущностного взаимодействия между смежными государствами необходим глубокий научный анализ. Теоретические модели экономических отношений в приграничных территориях базируются на концепции приграничного сотрудничества и ее уникальных характеристиках. Указанные характеристики проявляются в двойственной природе приграничного сотрудничества, которая обусловлена совмещением национальных и международных аспектов социально-экономических отношений.

Развитие приграничных регионов характеризуется усилением роли внутренних ресурсов и адаптационных механизмов. Изменения во внешней политике страны напрямую отражаются на жизни и экономике приграничных регионов. Особенно заметно это на территориях, граничащих с Беларусью, Украиной и Казахстаном. Меняются правила пересечения границы, объем людей и грузов, пересекающих государственную границу, а также возрастает нагрузка на социальную инфраструктуру в регионах. Для приграничных регионов недостаточно просто адаптироваться к новым условиям, нужны четкие правовые механизмы, рабочее взаимодействие с соседними государствами и поиск новых экономических связей, которые позволят сократить транзакционные издержки и наладить экономический профиль регионов, оказавшихся в наиболее уязвимом положении за счет уровня своей приграничности.

Федеральная политика в отношении Дальнего Востока характеризуется формированием самостоятельного направления государственного регулирования, реализуемого при участии Министерства по развитию Дальнего Востока и Арктики. Расширение системы мер государственной поддержки сопровождалось

внедрением специализированных инструментов социально-экономического развития макрорегиона, включая концептуальные подходы к развитию приграничных территорий субъектов Дальневосточного федерального округа¹.

Руководство приграничных регионов рассматривает географическое положение у государственной границы как фактор экономического развития, обеспечивающий выход на внешние рынки, расширение каналов сбыта и привлечение зарубежных технологий, оборудования и производственных материалов.

Регулирование развития приграничных регионов осуществляется на основе Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 октября 2020 г. № 2577-р². В документе определены приоритеты и формы участия органов государственной власти и местного самоуправления в организации приграничного взаимодействия, под которым Зубаревич Н.В. понимает «приоритет сохранения целостности страны и усиления контроля за стратегически важными территориями»³.

Сотрудничество России с другими странами в рамках международных сообществ (например, СНГ, ЕАЭС) и двусторонних соглашений базируется на активной деятельности приграничных территорий. Приграничные территории играют ключевую роль в развитии экономических, культурных и гуманитарных связей между странами, обеспечивая более тесное взаимодействие и обмен опытом. Важность приграничных территорий заключается также в их потенциале для создания совместных проектов, увеличения торговли и инвестиций, и в то же время укрепления сотрудничества в сферах туризма, образования и науки. Преодоление вызовов в реализации потенциала на новых участках российской приграничной территории затруднено из-за неоконченного процесса установления государственных границ и недостаточного развития

¹ Кузнецов А.В., Кузнецова О.В. Изменение роли приграничных регионов в региональной политике стран ЕС и России // Балтийский Регион. 2019. Т. 11, № 4. С. 65.

² О Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации : распоряжение Правительства Российской Федерации от 7.10.2020 г. № 2577-р.

³ Зубаревич Н.В. Эволюция приоритетов региональной политики России // Вопросы географии. 2016. № 141. С. 152.

соответствующей инфраструктуры. Указанные обстоятельства создают острое противоречие между огромным потенциалом и ограниченными возможностями сотрудничества, дополнительно усугубляемое масштабом данной проблемы: более половины протяженности сухопутной границы России (51,6 %) – с СНГ (в том числе 13,8 % – белорусско-украинский участок, 5,2 % – грузино-азербайджанский и 32,6 % – казахстанский) и 33,5 % – с Китаем и Монголией¹.

Существенное значение для настоящего исследования имеет вывод Абрамова В.Л. и Алексеева П.В. о том, что устойчивые конкурентные преимущества государств – членов ЕАЭС в инвестиционной сфере формируются при сочетании макроэкономической устойчивости, институциональной предсказуемости и согласованной интеграционной политики². Данный тезис представляется особенно важным применительно к приграничным территориям, где качество инвестиционного режима и уровень межгосударственной координации непосредственно влияют на интенсивность хозяйственных связей и на устойчивость пространственного развития.

В марте 2022 года Еврокомиссия приостановила все программы приграничного сотрудничества Европейского инструмента соседства, включая инициативы вроде «Россия – Юго-Восточная Финляндия», «Россия – Эстония», «Россия – Латвия», «Россия – Литва» и «Россия – Польша», в которых активно участвовали исследуемые российские регионы на Балтике. Также было прекращено участие России в программе транснационального сотрудничества «Регион Балтийского моря», а совместные проекты с партнерством «Северное измерение»³ были остановлены. Эти решения были вызваны недружественной политикой Еврокомиссии. В ответ на это в мае Россия вышла из Совета государств Балтийского моря. Одновременно закрытие границ и ухудшение соседских отношений с Финляндией, Норвегией, Польшей и странами Балтии могут привести к серьезным негативным последствиям для

¹ Вардомский Л.Б. Пояс соседства России. Развитие и взаимодействие в условиях глобального кризиса // Россия и современный мир. 2010. № 4. С. 127.

² Абрамов В.Л., Алексеев П.В. Формирование устойчивых конкурентных преимуществ государств – членов ЕАЭС в инвестиционной сфере // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21, № 4. С. 116-125.

³ Зверев Ю.М. Три российских региона на Балтике в условиях противостояния России и Запада // Балтийский регион. 2023. Т. 15, № 4. С. 32.

сотрудничества в регионе. В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 года №430-р¹ в перечень иностранных государств, действия которых признаны недружественными к Российской Федерации, ее юридическим и физическим лицам, вошли все страны Балтийского региона. С учетом актуальной геополитической обстановки были инициированы меры, ориентированные как на сознательное сворачивание двустороннего сотрудничества, так и на реализацию ответных ограничительных стратегий, направленных на сдерживание экономического развития государств, находящихся в состоянии политико-экономической конфронтации. Указанные меры сопровождаются существенным ограничением трансграничного обмена не только товарами и услугами, но также культурными и туристическими потоками, что, в свою очередь, способно оказать деструктивное влияние на темпы социально-экономического развития приграничных территорий.

Дополнительно физическое и административное закрытие государственных границ чревато эрозией взаимного доверия между странами и может стать значительным препятствием для конструктивного диалога, затрудняя реализацию механизмов международного сотрудничества в долгосрочной перспективе. Следовательно, деградация межгосударственных отношений, особенно в сопредельных районах, способна существенно притормозить процессы трансграничной интеграции и ослабить потенциал достижения устойчивого взаимовыгодного развития, подрывая тем самым основы приграничного взаимодействия и региональной стабильности.

В регионах, примыкающих к Монголии, Китаю и КНДР, взаимодействие на приграничных территориях осложнено из-за недостаточной экономической активности вдоль границы, что приводит к низкой плотности населения и ограниченности транспортной инфраструктуры. Указанные обстоятельства создают препятствия для разнообразного обмена и сотрудничества. Агломерационная модель приграничной кооперации на российско-китайском

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц недружественные действия» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 14.02.2024).

направлении имеет ограниченный характер, что связано с недостаточной сформированностью урбанизированной среды в приграничной зоне. В отличие от российско-украинского приграничья, где до 1991 года существовали единые хозяйственные связи и предпосылки для формирования агломераций, российско-китайская граница не обладала сопоставимой историко-экономической базой. Модель городов-близнецов в данном случае характеризуется выраженной асимметрией развития.

«Историческая традиция отношений между Россией, Монголией и Китаем в Евразийском регионе возрождается сегодня в новом контексте в формате трехстороннего сотрудничества. Монгольский “Степной путь”, инициатива России “Евразийский экономический союз” и проект Китая “Пояс – путь”, согласованные в 2016 году на встрече глав государств трех стран, и к тому же усилия по их реализации выступают одним из примеров этого сотрудничества. Любое крупное внешнеполитическое действие совершается с опорой на исторический фундамент, а таких традиций более чем достаточно для развития отношений России, Монголии и Китая»¹.

Российская Федерация, обладая обширной территорией и протяженными приграничными зонами, сталкивается со специфическими вызовами в процессе организации и поддержания трансграничного взаимодействия. Данные вызовы обусловлены не только значительными географическими расстояниями, но и существенными различиями в экономических, социокультурных и политических условиях, формирующих контекст приграничных территорий. Особенности, такие как пространственная изоляция отдельных регионов, и при этом недостаточный уровень развития транспортной и социальной инфраструктуры, существенно ограничивают возможности эффективного сотрудничества, порождая комплекс взаимосвязанных проблем.

Приграничные территории, как правило, характеризуются периферийным положением, будучи удаленными от ключевых центров экономической и промышленной активности. Основным препятствием для их устойчивого

¹ Железняков А.С., Чулуунбаатар Г. Россия и Монголия в цивилизационной и геополитической парадигмах развития Центральной Евразии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 3. С. 615.

развития выступает зависимость экономического потенциала и уровня благосостояния данных территорий от степени интеграции и сотрудничества с сопредельными государствами. Трансграничное взаимодействие, основанное на принципах кооперации и согласованности действий, играет определяющую роль в обеспечении стабильного социально-экономического прогресса и повышении жизнеспособности этих периферийных зон. Отсутствие или ограничение такого сотрудничества может существенно затруднить достижение экономического роста и социального прогресса в этих регионах. Новые условия развития экономики позволяют регионам развиваться, находя новые векторы сотрудничества, ориентируясь на партнерство со странами ЕАЭС, Ближнего и Дальнего Востока, наращивая объемы внешнеторгового оборота и увеличивая темпы его роста¹.

Согласно подходу Хмелевой Г.А., Курниковой М.В. и Гришанина М.В., конкурентоспособность приграничного региона определяется не только общими параметрами ресурсной обеспеченности, но и способностью использовать ресурс «граница» как специфическое факторное преимущество. Авторы обосновывают необходимость учета национального приоритета, финансовой привлекательности и геостратегических детерминант при разработке документов стратегического планирования².

Трансформация условий внешней торговли обуславливает необходимость корректировки внешнеэкономических стратегий и расширения взаимодействия с государствами, не поддерживавшими санкционные ограничения в отношении России. Приоритетными направлениями выступают страны БРИКС+, ШОС, АСЕАН, ЕАЭС и Латинской Америки, развитие торговых связей с которыми способствует снижению последствий санкционного давления³.

¹ Савенкова И.В., Добродомова Т.Н. Оценка развития приграничных регионов РФ в новых условиях развития экономики // Экономика устойчивого развития региона: инновации, финансовые аспекты, технологические драйверы развития в сфере туризма и гостеприимства : Материалы X Международной научно-практической конференции. В 2-х ч., Ялта, 28–31 марта 2023 года / Отв. редактор А. В. Олифиров. Том Часть 1. Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал». 2023. С. 84.

² Хмелева Г.А., Курникова М.В., Гришанин М.В. Повышение конкурентоспособности и устойчивости развития приграничного региона // Вестник Евразийской науки. 2023. Т. 15, № 2. С. 1-12.

³ Рощина Л.Н., Таранов П.В. Внешнеэкономическая деятельность Российской Федерации в условиях санкций: анализ и перспективы // Прогрессивная экономика. 2023. № 11. С. 187.

На начало 2024 года Российская Федерация имела 50 недружественных стран. В настоящее время среди стратегических партнеров России, которые показывают значительный рост товарооборота, находятся только те, которые смежны с приграничными территориями, включая Китай, Монголию, КНДР, Казахстан и Беларусь. С целью поддержки экономики Правительство Российской Федерации упростило таможенные процедуры и разрешило параллельный импорт. Важно отметить, что до введения первых антироссийских санкций основным торговым партнером России был Евросоюз, на который приходилось 36 % российского товарооборота. Внешнеторговый оборот со странами АТЭС составлял 33,3 %, с СНГ – 12,2 %, а с членами ЕАЭС – 8,8 %¹.

Россия сталкивается с военной угрозой не только на своей территории в целом, но особенно это касается ее приграничных регионов. Сложившееся положение связано с проведением специальной военной операции, которая может включать в себя различные действия, например, проведение военных учений или наращивание военного присутствия со стороны соседних государств.

Анализируя данные, в аспекте внешнеторговых операций приграничных территорий по экспорту и импорту следует отметить, что наибольший объем экспорта среди таких регионов приходится на Ленинградскую область: в 2018 году – 7109,0 млн. долл. США, в 2021 году – 8369,9 млн. долл. США; Челябинская область: в 2018 году – 5253,1 млн. долл. США, в 2021 году – 7362,8 млн. долл. США; Самарская область: в 2018 году – 5045,4 млн. долл. США, в 2021 году – 5182,8 млн. долл. США; Краснодарский край: в 2018 году – 8439,4 млн. долл. США, в 2021 году – 7567,7 млн. долл. США; Саратовская область: в 2018 году – 1591,8 млн. долл. США, в 2021 году – 2262,5 млн. долл. США².

Значительный рост внешнеторгового оборота отмечен в регионах Северо-Кавказского федерального округа: в 2018 году – 1290,7 млн. долл. США, в

¹ Дружественная торговля: как изменилась структура экспорта и импорта России в 2022 году // Открытый журнал. Официальный сайт. URL: <https://journal.open-broker.ru/research/druzhestvennaya-torgovlya/> (дата обращения: 15.02.2023).

² Федеральная таможенная служба. Внешняя торговля субъектов Российской Федерации // Официальный сайт Федеральной таможенной службы. URL: <https://customs.gov.ru/folder/527> (дата обращения: 15.02.2023).

2021 году – 1768,8 млн. долл. США, положительная динамика наблюдалась также в Забайкальском крае и Республике Бурятия, которые увеличили свои показатели соответственно в 6 и 9 раз по сравнению с 2018 годом¹. Анализ фактических данных указывает на дальнейшее укрепление торговых связей России с Китаем, Монголией и Казахстаном в ближайшем будущем. Наблюдаемый тренд важен не только для экономического роста, но и для укрепления политических и культурных связей между странами. Объединяясь в рамках различных инициатив и соглашений, эти государства могут способствовать созданию стабильного регионального экономического сообщества, что будет взаимовыгодно для всех участников и поможет выстроить долгосрочные торговые отношения.

Лидерами по импортным поставкам на конец 2021 года являлись: Приморский край (7216,1 млн. долл. США); Калининградская область (8758,8 млн. долл. США); Ленинградская область (4353,9 млн. долл. США) и Краснодарский край (5624,2 млн. долл. США)².

Важную роль в формировании развития региона и внешней торговли играет преобладание экспорта над импортом. Проведенный анализ статистических данных за 2021 год по всем приграничным регионам выявил значительное преобладание экспорта над импортом: в Мурманской области (5052,3 млн. долл. США экспорта / 1478,9 млн. долл. США импорта), Еврейской автономной области (395,2 млн. долл. США экспорта / 10,9 млн. долл. США импорта), Республике Бурятия (1333,7 млн. долл. США экспорта / 88,1 млн. долл. США импорта) и Оренбургской области (2628,9 млн. долл. США экспорта / 294,7 млн. долл. США импорта)³.

Для анализа приграничных регионов, смежных с дружественными России странами, целесообразно оценить экономические и торговые взаимосвязи. Прежде всего, следует рассмотреть объемы импорта и экспорта между этими регионами, странами дальнего зарубежья и странами СНГ. В целях комплексного осмысления процессов, протекающих в приграничных экономиках, целесообразно осуществить многоаспектный анализ торго-

¹ Там же. (дата обращения: 15.02.2023).

² Там же. (дата обращения: 15.02.2023).

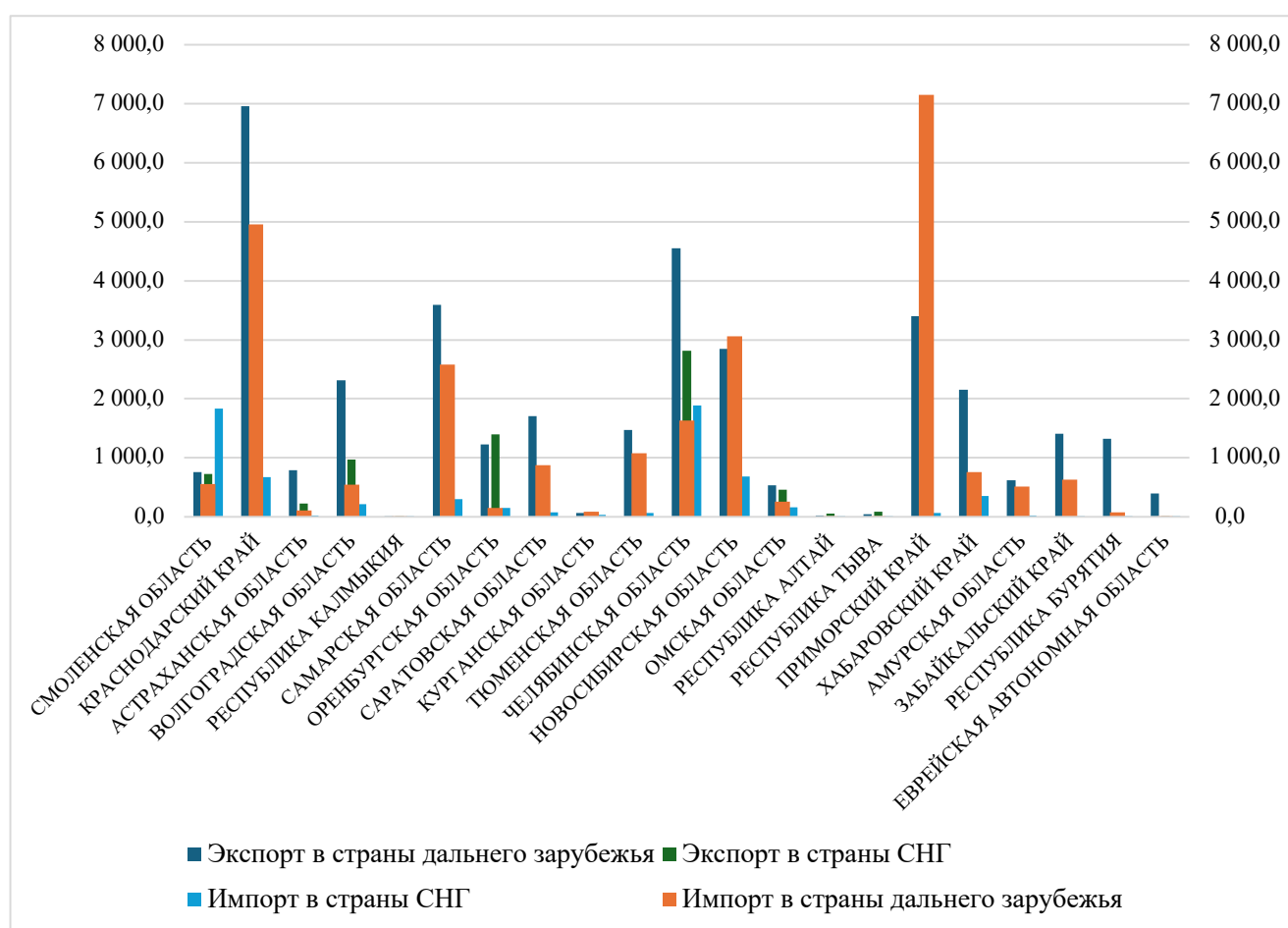
³ Федеральная таможенная служба. Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации за 2021 год // Официальный сайт Федеральной таможенной службы. URL: <https://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 22.06.2025).

экономических потоков, включающий в себя изучение таможенной статистики, инвестиционных параметров и товарооборота, что позволит установить степень взаимозависимости и определить характер их влияния на социально-экономическую динамику сопредельных территорий. Рассматриваемая исследовательская стратегия способствует формированию структурированного представления о ключевых направлениях развития, выявлению институциональных и структурных дисфункций и формулированию стратегических ориентиров, направленных на интенсификацию трансграничного сотрудничества и стимулирование социально-экономической устойчивости приграничных территорий.

Актуализация анализа экономических и торговых взаимосвязей между приграничными субъектами Российской Федерации и государствами, характеризующимися дружественным политическим курсом, имеет первостепенное значение в контексте осмысления их вклада в макроэкономические процессы на общенациональном уровне. Углубленное изучение указанных связей позволяет не только локализовать перспективные зоны экономического роста, но и объективно оценить уязвимости, обусловленные монозависимостью от ограниченного круга внешнеторговых партнеров и маршрутов. Это приобретает особую значимость в условиях волатильности глобальных рынков и трансформации международной политической архитектуры, оказывающих непосредственное влияние на устойчивость и адаптационный потенциал внешнеэкономической активности регионов. Внимание к инвестиционным показателям и торговым потокам позволяет более точно оценить потенциал развития приграничных регионов, что, в свою очередь, помогает формировать стратегии, направленные на диверсификацию экономики, повышение конкурентоспособности и укрепление экономических позиций России на международной арене.

По данным рисунка 1.1 видно, что подавляющая часть экспорта направляется в дальнее зарубежье, преобладающими странами-партнерами являются Китай, ЕС и другие крупные экономики, где Россия экспортирует

промышленные и энергетические товары. В отношении стран СНГ экспорт также значителен, но в меньшей степени по сравнению с дальним зарубежьем, скорее всего, из-за исторических связей и сотрудничества в рамках бывшего СССР. Общий объем экспорта составляет 491 580,3 млн. долл. США. Почти 87 % этой суммы (427 001,7 млн. долл. США) направлены в дальнее зарубежье, в то время как на страны СНГ приходится около 13 % (64 578,7 млн. долл. США)¹.

Примечание – Составлено автором на основе: Федеральная таможенная служба. Данные об экспорте-импорте России за январь-декабрь 2021 года // Официальный сайт Федеральной таможенной службы. URL: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/325325> (дата обращения: 15.02.2023).

Рисунок 1.1 – Динамика внешней торговли приграничных регионов с дружественными странами (Казахстан, Китай, Монголия, Беларусь, Абхазия, КНДР)

¹ Федеральная таможенная служба. Экспорт России важнейших товаров за январь-декабрь 2021 года // Официальный сайт Федеральной таможенной службы. URL: <https://customs.gov.ru/folder/527> (дата обращения: 15.02.2023).

С импортом ситуация аналогичная: подавляющая часть импорта поступает из дальнего зарубежья, что указывает на зависимость от импорта высокотехнологичных товаров, машин и оборудования и некоторых видов продукции, которые не производятся в достаточном объеме в России. Импорт из стран СНГ составляет значительно меньшую долю, что также может быть связано с недостаточным разнообразием товаров и услуг оттуда. Общий объем импорта составляет 293 420,1 млн. долл. США. Примерно 89 % этой суммы (262 076,7 млн. долл. США) приходится на товары из дальнего зарубежья, а около 11 % (31 343,4 млн. долл. США) – из стран СНГ¹. Следовательно, Россия имеет высокую зависимость от экспорта и импорта в дальнее зарубежье, но важно также отметить значимость торговли со странами СНГ, хотя ее объем ниже по сравнению с дальним зарубежьем.

Значительный рост оборота торговли между Россией и Китаем за период с января 2021 года по январь 2022 года является важным индикатором укрепления экономических связей между двумя странами. Увеличение общего объема торговли на 49,7 % с 8697,6 млн. долл. США до 13009,4 млн. долл. США свидетельствует о высоком уровне взаимной заинтересованности в сотрудничестве². Указанный рост в основном определяется динамичным развитием как экспорта из России в Китай, так и импорта товаров из Китая в Россию.

Важно отметить, что несмотря на более низкий темп роста импорта по сравнению с экспортом, его значительное увеличение на 64,7 % с 4376,0 млн долл. США до 7204,9 млн. долл. США³ свидетельствует о растущем спросе на китайские товары на российском рынке. Доля Китая в обороте с Россией остается высокой, что подчеркивает стабильность торговых и партнерских отношений. С учетом специфики приграничных регионов это создает дополнительные возможности для обслуживания внешнеторговых операций,

¹ Федеральная таможенная служба. Импорт России важнейших товаров за январь-декабрь 2021 года // Официальный сайт Федеральной таможенной службы. URL: <https://customs.gov.ru/folder/527> (дата обращения: 15.02.2023).

² Федеральная таможенная служба. Данные об экспорте-импорте России за январь-декабрь 2021 года // Официальный сайт Федеральной таможенной службы. URL: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/325325> (дата обращения: 15.02.2023).

³ Федеральная таможенная служба. Итоги внешней торговли с основными странами // Официальный сайт Федеральной таможенной службы. URL: <https://customs.gov.ru/folder/511> (дата обращения: 17.02.2023).

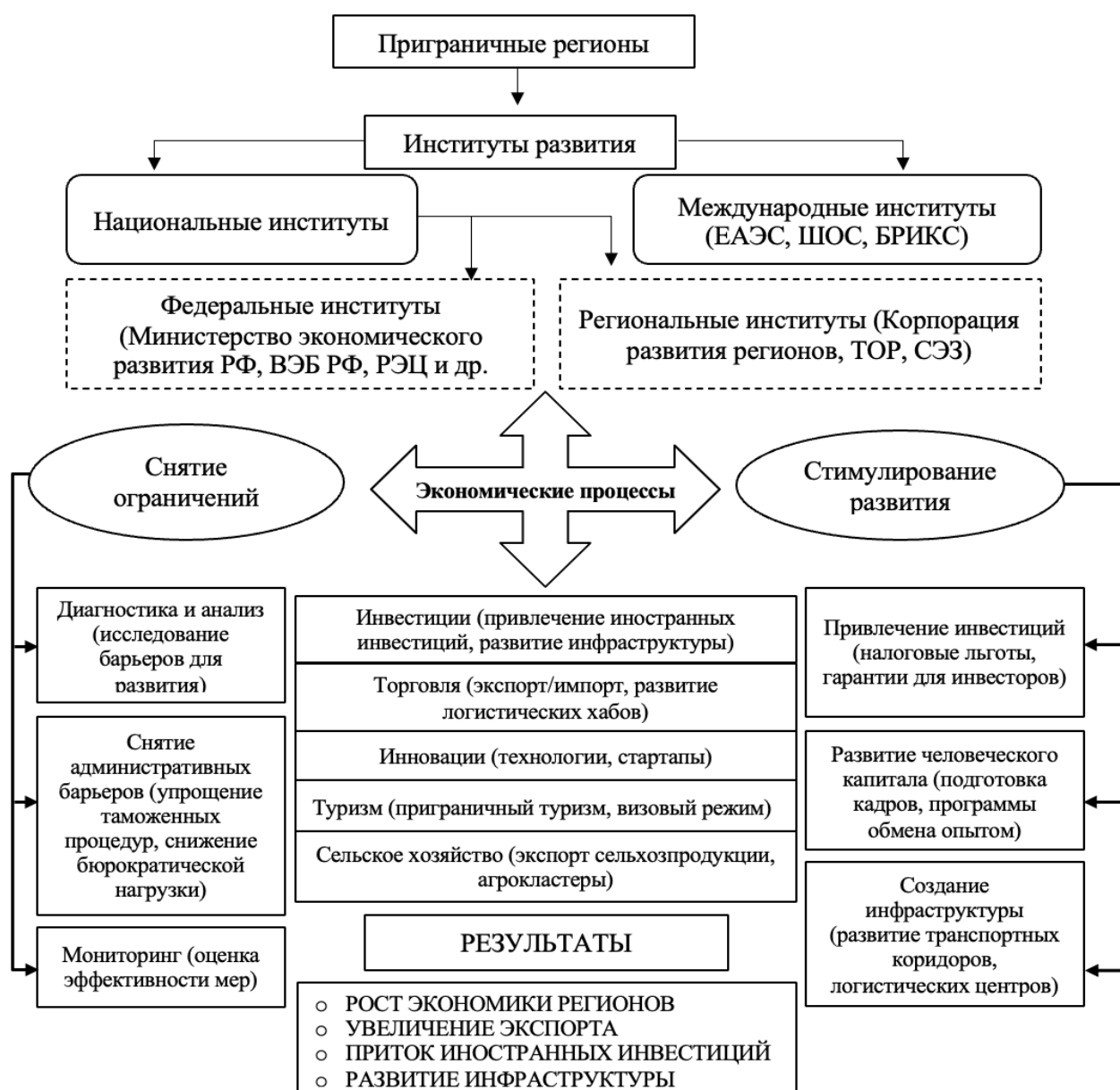
диверсификации расчетных инструментов и формирования более адаптивной финансовой среды, способной оперативно реагировать на изменения внешнеэкономической конъюнктуры.

Санкционные ограничения изменили не только товарную, но и расчетную инфраструктуру трансграничного взаимодействия. В исследовании Ленкова И.Н., Голубцова И.А. и Ожогина В.В. показано, что в 2022 г. российско-китайские расчеты в большей степени стали опираться на альтернативные каналы SWIFT, прежде всего на использование CIPS и платежей в женьминьби, тогда как скорость и устойчивость исполнения переводов зависели от санкционного комплаенса банков и наличия корреспондентских связей. Для приграничных регионов этот вывод имеет прикладное значение, поскольку развитие внешнеэкономических связей определяется не только объемами торговли, но и доступностью устойчивых механизмов трансграничных расчетов, способных снижать транзакционные издержки и поддерживать непрерывность поставок¹.

Дополнительный аспект трансформации внешнеэкономических расчетов связан с ростом интереса к цифровым финансовым инструментам. Как отмечают Ленков И.Н. и Голубцов И.А., санкционные ограничения на доступ к SWIFT, зарубежным резервам и традиционным инвестиционным инструментам усилили спрос на альтернативные способы сбережения и платежа, включая цифровые финансовые активы и иные технологические решения для проведения трансграничных операций². В контексте приграничных территорий данный вывод важен тем, что адаптация расчетной инфраструктуры все в большей степени зависит не только от банковских каналов, но и от способности хозяйствующих субъектов использовать новые цифровые механизмы взаиморасчетов и сохранения ликвидности. Графическое представление соответствующих результатов приведено на рисунке 1.2.

¹ Ленков И.Н., Голубцов И.А., Ожогин В.В. Трансграничные платежи в условиях санкций // Финансы, деньги, инвестиции. 2022. №. 2 (82). С. 30-34.

² Ленков И.Н., Голубцов И.А. Цифровые финансовые инструменты как средство сбережения и платежа // Сберегательное дело за рубежом. 2022. №. 1. С. 34-38.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 1.2 – Цикл экономического развития приграничных территорий

Прозрачные и простые институциональные нормы позволяют предприятиям быстрее реагировать на новые возможности и вступать в деловые отношения с новыми партнерами. Действия этих институциональных норм продемонстрировано на примере государств, которые ведут предпринимательскую деятельность на территориях, где действует «Договор о зоне свободной торговли» от 18 сентября 2011 года (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан и Украина). В отдельном порядке к Договору, направленному на упрощение торговых отношений между государствами-участниками, присоединился Узбекистан.

Беларусь получает эффект от зоны свободной торговли через расширение торговых потоков благодаря снижению торговых барьеров и гармонизации технических издержек, что в свою очередь, стимулирует спрос на белорусскую продукцию – машиностроение, продовольствие, химию и др. Наращивание темпов экспортных поставок расширяет внутреннюю производственную базу и повышает национальную добавленную стоимость в секторах глубокой переработки.

Китай поставляет широкий спектр товаров – от потребительской продукции до высокотехнологичных компонентов, – в то время как Россия обеспечивает Китай энергоресурсами, древесиной, полезными ископаемыми и продовольствием. Приграничная зона создает эффект интенсивного «межрегионального обмена», усиливаемого функционированием международных центров приграничного сотрудничества, промышленных парков и свободных экономических зон северо-восточных регионов КНР. При всей масштабности торговых потоков наблюдается структурный дисбаланс: российская сторона остается преимущественно сырьевым поставщиком, что снижает устойчивость дальневосточных регионов. Развитие российских технопарков, ориентированных на глубинную переработку леса, морепродуктов и минеральных ресурсов, является стратегически необходимой мерой для формирования полноценного интеграционного узла на Дальнем Востоке¹.

Экономическое взаимодействие России и Монголии базируется на пространственной близости и взаимной энергетической, транспортной и аграрной зависимости. Институтами развития приграничья выступают Улан-Удэнский машиностроительный кластер, транспортный узел Кяхта–Алтанбулаг и энергетические объекты Тувы и Бурятии обеспечивают переработку монгольского сырья и снабжение Монголии российскими промышленными товарами и горюче – смазочными материалами. Приграничные территории служат ядрами цепочек «скотоводческое производство, переработка и экспорт», позволяя российским

¹ Голубцов И.А., Милькина И.В. Факторы инвестиционной привлекательности городов Дальнего Востока // Государство, власть, управление и право : материалы X Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 27 ноября 2019 года / Государственный университет управления. Москва: Государственный университет управления. 2019. С. 57-59.

регионам включаться в монгольские агропромышленные цепочки. Взаимодействие Российской Федерации с Монголией обладает значительным нереализованным потенциалом: институциональная структура слабее, чем в казахстанском или китайском направлениях. Создание совместных агропромышленных кластеров, и одновременно межрегиональной системы переработки шерсти, мяса и кожи позволило бы усилить экономическую устойчивость Сибири и интегрировать ее в региональные производственные цепочки.

Экономическое взаимодействие Российской Федерации и Абхазии развивается через институциональные узлы туристического, сельскохозяйственного и строительного профиля. Приграничные территории Краснодарского края служат основными логистическими воротами для экспорта абхазской сельхозпродукции (цитрусовые, орехи, виноград) и импорта строительных материалов, топлива и технологий. Институтами развития приграничья выступают туристические кластеры Сочи и инфраструктурные проекты вдоль побережья, оказывающие мультипликационное воздействие на абхазскую экономику, включая занятость и субъекты малого и среднего предпринимательства (МСП).

Анализ трансграничных экономических взаимодействий показывает, что потенциал приграничных территорий Российской Федерации раскрывается преимущественно через институциональные структуры, способные интегрировать ресурсные, логистические и производственные циклы соседних государств в единый экономический контур. Каждое направление: казахстанское, китайское, монгольское, белорусское, абхазское и корейское обладает собственными доминирующими специализациями, которые формируют разные типы цепочек добавленной стоимости. Чтобы обеспечить устойчивый рост, требуются целевые институты развития, синхронизирующие эти специализации с экономическими интересами российских регионов.

1.2. Инструменты стимулирования социально-экономического развития приграничных территорий¹

Приграничные территории в современной региональной экономике рассматриваются как особый тип пространственных социально-экономических систем, отличающийся повышенной степенью открытости, институциональной сложности и чувствительности к внешним воздействиям. Крюкова В.А. и Коломак Е.А. высказываются о том, что территории отличаются по своему экономическому потенциалу, географии, демографии и прочим условиям, и в силу этого они располагают весьма различными возможностями для достижения отмеченной выше цели. Поэтому решения и подходы к достижению данной цели предполагают учет местных условий, а также различную роль основных участников – государства, бизнеса и общества². Зубаревич Н.В. подчеркивает, что в России на протяжении почти всей ее истории воспроизводилась жесткая сверхцентрализованная система управления, которая казалась оптимальной для сохранения территориальной целостности огромной страны. Но сейчас все более очевидно, что сверхцентрализация становится институциональным барьером развития³. Аналогичные выводы содержатся в зарубежных исследованиях институциональной экономики и пространственного развития, где подчеркивается роль институтов в снижении неопределенности и формировании устойчивых траекторий роста⁴. В то же время представляется методологически важным уточнить, что для приграничных территорий Российской Федерации институциональный фактор проявляется не только через общие правила и ограничения, но и через специфику трансграничных

¹ При работе над данным параграфом диссертации использована следующая публикация автора, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Леонтьева Л.С., Голубцов И.А. Региональные инициативы по государственной поддержке малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2024. Т. 21, № 2. С. 93-108.

² Крюков В.А., Коломак Е.А. Пространственное развитие России: основные проблемы и подходы к их преодолению // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. № 1. С. 96–97.

³ Зубаревич Н.В. Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. 2014. № 4. С. 10–11.

⁴ North D.C. Institutions // Journal of Economic Perspectives. 1991. Vol. 5, № 1. P. 106 ; Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography // Journal of Political Economy. 1991. Vol. 99, № 3. P. 487.

взаимодействий, что требует расширения классических моделей пространственного развития за счет учета пограничного эффекта и асимметрии институциональных режимов. В развитие данного положения следует отметить, что Бородин В.А. и Гагарина Г.Ю. рассматривают экономическую интеграцию регионов как механизм выравнивания и роста их потенциалов, подчеркивая значение координации межрегиональных связей, инфраструктурной сопряженности и институционального согласования для сокращения пространственной неоднородности¹. В методологическом плане данная позиция соотносится и с подходом Глазьева С.Ю., который связывает стратегию экономического развития с активной ролью государства в структурной модернизации, инвестиционной политике и формировании долгосрочных приоритетов роста, что особенно значимо для приграничных территорий, нуждающихся в согласованном институциональном сопровождении². Институты развития приграничных территорий рассматриваются автором не в качестве льготы или отдельного инфраструктурного проекта, а как целостная система, способная объединить участников, правила и процедуры, которые позволят сформировать конкретные меры поддержки и точно решить проблемы конкретных территорий. Главной задачей перед институтами развития автор ставит способность найти механизмы для улучшения условий ведения бизнеса и способность привлекать новые инвестиции в приграничные регионы, что способствует уменьшению территориальных различий и поддержит экономический потенциал региона.

Автор предлагает классификацию инструментов институтов развития (см. табл. 1.1) на основе выделения пяти групп инструментов и разграничения по экономической направленности, с выделением конкретных мер, которые способствуют экономическому росту приграничных территорий Российской Федерации. Полученная классификация легла в основу авторской институциональной модели приграничного развития.

¹ Бородин В.А., Гагарина Г.Ю. Экономическая интеграция регионов как механизм выравнивания и роста их потенциалов // Федерализм. 2020. № 2. С. 76-91.

² Глазьев С.Ю. О стратегии развития российской экономики // Экономика региона. 2007. № 3. С. 28-39.

Таблица 1.1 – Классификация инструментов институтов развития для стимулирования приграничной экономики Российской Федерации

Группа инструментов	Содержание	Экономическая направленность
Финансово-экономические	Субсидии, дотации, налоговые льготы, инвестиционные гранты	Сглаживание пространственной асимметрии
Инфраструктурные	Транспортные коридоры, пункты пропуска, индустриальные парки	Повышение территориальной связности
Институционально-правовые	Особые экономические зоны (ОЭЗ), территории опережающего развития (ТОР), специальные правовые режимы	Формирование благоприятной институциональной среды
Организационно-управленческие	Проектное управление, кластеры, государственно-частное партнерство (ГЧП)	Координация участников развития
Внеэкономические	Таможенные преференции, поддержка экспорта	Интеграция в международные рынки
Примечание – Составлено автором.		

При анализе перечня регионального инструментария и его классификации, помимо академического, особого внимания заслуживает нормативно-правовой подход, характеризующийся фиксацией инструментов стимулирования и их увязкой с конкретными направлениями территориальной и региональной политики в действующем федеральном законодательстве Российской Федерации.

Как отмечают Лексин В.Н. и Швецов А.Н., на сегодняшний день наблюдается отсутствие общепринятого, четкого и правозакрепленного понимания смысла и содержания государственной политики пространственного развития. Отсутствие однозначной трактовки позволяет рассматривать данные инструменты как совокупность прямых и косвенных механизмов государственного воздействия на социально-экономические процессы, имеющие выраженную пространственную обусловленность¹. Бухвальд Е.М. подчеркивает, что дифференцированные целевые индикаторы, адресуемые отдельным регионам, все равно не могут быть достигнуты без той или иной поддержки со стороны федерального центра, причем поддержки, опять-таки дифференцированной по объемам и инструментам сообразно отдельным типам регионов страны².

¹ Лексин В.Н., Швецов А.Н. Естественное и регулятивно-императивное в пространственном развитии России // Федерализм. 2024. Т. 29, № 2. С. 20.

² Бухвальд Е.М. Экономическое пространство как поле реализации национальных целей России // Федерализм. 2024. Т. 29, № 2. С. 43.

Исходя из представленной классификации (см. табл. 1.2) формируется авторская методологическая схема институциональной модели приграничного развития, в которой приграничная территория рассматривается как открытая региональная социально-экономическая система, функционирующая под воздействием многоуровневых институтов и инструментов регулирования. Особое место в данной модели занимают институты развития, которые, по мнению Зотовой Т.А. и Калугиной М.В., для развития страны более значимы, чем географическое положение и культура¹. Новоселов А.С. указывает, что эффективность системы регионального управления определяется ее способностью обеспечивать реализацию приоритетных целей социально-экономического развития региона на основе рационального использования его ресурсного потенциала². Для приграничных регионов адаптационная функция институтов развития имеет особое значение. Специфика их применения определяется различиями в уровне социально-экономического развития сопредельных территорий, интенсивностью трансграничных потоков и характером хозяйственных связей, формирующихся по обе стороны государственной границы.

В системе стимулирования приграничных территорий существенная роль принадлежит финансово-экономическим инструментам. Через бюджетные и иные финансовые механизмы государство перераспределяет ресурсы между территориями с учетом различий в их экономическом потенциале и расходных обязательствах. Как отмечает И.А. Гамарник, законодательно закрепленная самостоятельность бюджетов субъектов Российской Федерации на практике сочетается с высокой зависимостью ряда регионов от федерального финансирования. Собственных доходных источников во многих случаях недостаточно для полного обеспечения принятых расходных обязательств.

¹ Зотова Т.А., Калугина М.В. Институциональные факторы развития региона: внешнеэкономические аспекты // Terra Eсоnomicus. 2012. Т. 10, № 4–3. С. 226.

² Новоселов А.С. Институциональные аспекты управления региональным и муниципальным развитием // Мир экономики и управления. 2024. Т. 24, № 3. С. 119.

Таблица 1.2 – Систематизация инструментов стимулирования социально-экономического развития приграничных территорий как согласованного механизма территориального воздействия

Группа инструментов	Конкретные инструменты стимулирования	Ключевые нормативные правовые акты Российской Федерации	Институты развития – операторы	Значение для приграничных регионов Российской Федерации
Финансово-экономические	Межбюджетные трансферты; субсидии; налоговые льготы; инвестиционные налоговые вычеты; инвестиционные гранты.	ФЗ № 172-ФЗ «О стратегическом планировании»; Налоговый кодекс РФ; государственные программы РФ.	Федеральные и региональные фонды развития; корпорации развития субъектов РФ.	Компенсация периферийности; снижение инвестиционных рисков; выравнивание условий воспроизводства.
Инфраструктурные	Концессионные соглашения; проекты государственно-частного партнерства; развитие транспортных коридоров; пункты пропуска; индустриальные и логистические парки.	ФЗ № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве»; ФЗ № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»; Стратегия пространственного развития РФ.	ВЭБ.РФ; инфраструктурные корпорации; институты проектного финансирования.	Повышение транспортной и экономической связности приграничных территорий.
Институционально-правовые	Особые экономические зоны (ОЭЗ); территории опережающего развития (ТОР); свободный порт Владивосток (СПВ); специальные административные режимы.	ФЗ № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах»; ФЗ № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития».	Управляющие компании ОЭЗ и ТОР; агентства регионального развития.	Снижение институциональной неопределенности; повышение инвестиционной привлекательности.
Организационно-управленческие	Проектное управление; кластерная политика; сопровождение инвесторов; межрегиональные соглашения.	Региональные стратегии и программы социально-экономического развития.	Корпорации развития регионов; агентства инвестиционного развития.	Координация участников; повышение управляемости регионального развития.
Внешнеэкономические	Таможенные преференции; упрощенные процедуры внешнеэкономической деятельности; экспортная поддержка; трансграничные проекты.	Таможенный кодекс Евразийского экономического союза; международные соглашения РФ.	Российский экспортный центр (РЭЦ); институты развития внешнеэкономической деятельности.	Интеграция в трансграничные рынки; развитие экспортной специализации.
Примечание – Составлено автором.				

Существенную роль в формировании региональных бюджетов играют межбюджетные трансферты, что связано с концентрацией основной части налоговых поступлений на федеральном уровне¹. Габдуллина Г.К. и Гафиятов И.З. отмечают, что для приграничных регионов данные инструменты приобретают компенсаторный характер, снижая негативное влияние транспортной удаленности и институциональных барьеров². В то же время, как отмечает Капранова Л.Д., финансовые инструменты дают устойчивый эффект только при их согласовании с инфраструктурной и институциональной политикой³. Данный вывод представляется обоснованным, при этом для приграничных регионов Российской Федерации подобная согласованность выступает не желательным, а необходимым условием, поскольку несбалансированность инструментов усиливает эффект периферийности. С указанной логикой согласуются и выводы Кудиной М.В., Галкина И.В. и Рыжова В.В. о том, что качество региональной инвестиционной среды оказывает системное влияние на параметры экономического поведения и устойчивость финансового развития территории⁴; применительно к приграничным регионам это означает, что инвестиционный климат должен рассматриваться не как фоновая характеристика, а как один из базовых факторов результативности институтов развития и деловой активности.

Инфраструктурные инструменты ориентированы на формирование материальной основы пространственного развития приграничной экономики и выступают ключевым фактором преодоления периферийности. Недостаточная транспортная и логистическая связанность является одним из главных ограничений развития приграничных регионов Дальнего Востока и Сибири⁵. Инфраструктурные инвестиции формируют долгосрочные эффекты, и то и другое

¹ Гамарник И.А. Межбюджетные трансферты и развитие регионов: анализ, направления повышения эффективности // Аудиторские ведомости. 2025. № 2. С. 68.

² Габдуллина Г.К., Гафиятов И.З. Асимметрия социальноэкономического развития российских регионов // Индустриальная экономика. 2021. Т. 2, № 3. С. 53-59.

³ Капранова Л.Д. Современные финансовые инструменты обеспечения экономического развития России // Экономика. Налоги. Право. 2024. Т. 17, № 2. С. 27-28.

⁴ Кудина М.В., Галкин И.В., Рыжов В.В. Влияние региональной инвестиционной среды на управление развитием финансовой культуры России // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2025. Т. 22, № 3. С. 3-43.

⁵ Голубцов И.А. Проблемы развития государственно-частного партнерства на Дальнем Востоке // Роль местного самоуправления в развитии государства на современном этапе : Материалы V Международной научно-практической конференции, Москва, 23-24 апреля 2020 года / Редколлегия: С.П. Косарин, И.В. Милькина. Москва: Государственный университет управления. 2020. С. 445-447.

важно для процесса создания добавленной стоимости, повышения производительности и потенциала экономического роста регионов как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе¹. Зарубежные исследования пространственной экономики подтверждают, что инфраструктура выступает базовым условием интеграции регионов в национальные и международные цепочки создания стоимости². Вместе с тем в работе подчеркивается, что для приграничных регионов Российской Федерации инфраструктурные проекты приобретают дополнительное институциональное измерение, связанное с функционированием пунктов пропуска и трансграничной логистики.

Институционально-правовые инструменты формируют нормативную среду функционирования приграничной экономики и определяют рамочные условия хозяйственной деятельности. Иваненко В.А. указывает, что отсутствие четкой инвестиционной политики на региональном уровне с ориентацией на конкретные приоритеты социально-экономического развития, слабость и ограниченность законодательной базы регулирования иностранных инвестиций могут повлечь серьезный урон экономической безопасности как отдельных приграничных районов, так и страны в целом³. Специальные правовые режимы, включая ОЭЗ и ТОР, снижают транзакционные издержки и повышают институциональную привлекательность территорий при условии эффективного управления. Данный тезис в целом представляется обоснованным, однако в приграничных регионах эффективность специальных правовых режимов в значительной степени зависит от способности институтов развития обеспечить их практическую наполняемость инвестиционными и инфраструктурными проектами. Показательным в данном контексте является вывод Дербеденева В.А., Чайниковой Л.Н. и Сорокиной Н.Ю. о том, что территория опережающего развития способна выступать не формальной преференциальной зоной, а инструментом повышения устойчивости региональной экономики при условии сопряжения институционального режима с задачами занятости, инвестиционной активности и инфраструктурной

¹ Капустина Н.В., Садыков А.И., Подгорский Я. Роль инвестиций в инфраструктуру в экономическом росте и сбалансированном региональном развитии // *Финансы: теория и практика*. 2023. Т. 27, № 2. С. 51-52.

² Krugman P., Venables A.J. Globalization and the Inequality of Nations // *Quarterly Journal of Economics*. 1995. Vol. 110, № 4. P. 876.

³ Иваненко В.А. Некоторые особенности регулирования иностранных инвестиций в приграничных районах // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2007. Т. 18, № 44. С. 125.

модернизации¹. Для приграничных субъектов Российской Федерации этот подход значим тем, что позволяет рассматривать ТОР как механизм закрепления экономической активности в условиях периферийности и повышенных внешних рисков.

Организационно-управленческие инструменты направлены на координацию участников региональных экономических процессов и институционализацию развития приграничных территорий. В работе Суряднова В.А. и Голубцова И.А. основной аспект посвящен выделению гибких управленческих подходов, которые помогают государственным органам оперативнее менять меры регулирования малого и среднего предпринимательства. Для приграничных территорий особенно важно оперативно изменять меры поддержки и подстраиваться под новые внешнеэкономические условия. Необходимо выстроить менее инерционную систему поддержки, ведь от оперативности органов власти, скорости корректировки мер поддержки и сопровождения, зависит возможность адаптации малых и средних предпринимателей к изменениям во внешней торговле и трансграничных связях². Воронов А.С. в своей статье говорит о том, что регионы России нельзя развивать по одной и той же схеме. Из-за своего различия по масштабу экономики, уровню развития и накопленным возможностям они требуют индивидуального подхода и анализа с учетом их индивидуальных особенностей. Необходимо учитывать потенциал регионов, который пока остается нереализованным. Пространственный подход призван повышать эффективность региональной социально-экономической политики за счет использования возможностей соседних регионов и развития формальных и неформальных связей между субъектами Федерации и бизнесом³. Представляется важным, что данные выводы в совокупности подтверждают необходимость комплексного использования инструментов государственной региональной политики и институтов развития в приграничных регионах, где управленческая согласованность и институциональная координация выступают критическими факторами долгосрочного социально-экономического роста.

¹ Дербеденев В.А., Чайникова Л.Н., Сорокина Н.Ю. Роль территории опережающего развития в обеспечении устойчивости развития Чукотского автономного округа // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2019. № 1 (57). С. 1–11.

² Суряднов В.В., Голубцов И.А. Применение гибких подходов управления в государственных органах для регулирования и развития МСП // Инновации и инвестиции. 2022. № 7. С. 58–64.

³ Воронов А.С. Пространственный подход в развитии социально-экономических систем регионов // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 75. С. 251.

Кузнецова Е.А., Русавская А.В. и Сараджева О.В. рассматривают институциональную координацию как необходимое условие устойчивости сложных социально-экономических систем¹. Розин Е.В. отмечает, что механизмы государственно-частного партнерства и проектного управления позволяют повысить управляемость регионального развития и снизить риски реализации инфраструктурных проектов². Применительно к приграничным территориям организационно-управленческий инструментариий целесообразно ориентировать на решение более широкого круга задач, чем сопровождение отдельных проектов. Организационно-управленческий инструментариий приграничных территорий ориентирован на развитие устойчивых межрегиональных и трансграничных связей, согласование интересов участников и поддержание хозяйственного взаимодействия в долгосрочной перспективе.

Основные научные позиции, сформировавшиеся в региональной и приграничной экономике, представлены в таблице 1.3. На основе их сопоставления автор выделяет основные функции инструментов стимулирования, выделяет ключевые научные подходы и раскрывает особенности использования инструментов стимулирования в пространственном развитии территорий.

Таблица 1.3 – Соотнесение инструментов институтов развития их функций и исследовательский подходов к стимулированию приграничной экономики

Инструмент стимулирования	Основные функции инструмента	Ключевые авторы и научные подходы
Финансовые трансферты и субсидии	Выравнивание регионального развития; компенсация периферийности; поддержка воспроизводства	Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г.; Суслов В.И., Цыплаков А.А., Новикова Т.С.
Налоговые льготы и преференции	Стимулирование инвестиций; снижение издержек бизнеса	Полтерович В.М. Попов В.В.; Бухвальд Е.М., Иванов О.Б.; Виндижева Б.Ч.
Инфраструктурные инвестиции	Повышение пространственной связанности; снижение логистических издержек	Атагулыева Н.К.; Медведева Н.В., Маслюк Н.А.;
Особые правовые режимы (ОЭЗ, ТОР, ТОСЭР)	Снижение институциональных барьеров; формирование точек роста	Федоров Г.М.; Котов А.В., Якимова В.А., Хмура С.В.

¹ Кузнецова Е.И., Русавская А.В., Сараджева О.В. Институциональные факторы устойчивости региональных экономических систем и их влияние на обеспечение экономической безопасности // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 1. С. 268-273.

² Розин Е.В. Государственно-частное партнерство как драйвер устойчивого развития регионов Российской Федерации // Аллея науки. 2022. Т. 1, № 10. С. 9.

Инструмент стимулирования	Основные функции инструмента	Ключевые авторы и научные подходы
Организационно-управленческие механизмы	Координация участников; снижение институциональных разрывов; институциональное сопровождение регионального развития	Леонтьева Л.С.; Григорьев Н.А.
Внешекономические инструменты	Интеграция в международные рынки; развитие трансграничных связей	Кузавко А.С.; Комлева В.В.; Зазерская В.В.
Примечание – Составлено автором по: Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Налогово-бюджетная дифференциация регионов России: масштабы и динамика // Региональные исследования. 2023. № 1 (79). С. 31-41 ; Суслов В.И., Цыплаков А.А., Новикова Т.С. Перераспределение ресурсов между частным и общественным сектором пространственной экономики: агент-ориентированный подход // Экономика региона. 2023. Т. 19, № 3. С. 612-628 ; Полтерович В.М., Попов В.В. Стимулирование роста и стадии развития // Модернизация экономики и выращивание институтов. 2005. № 2. С. 137-149 ; Иванов О.Б., Бухвальд Е.М. Санкции и контрмеры в российской экономике (региональный аспект) // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2022. № 4. С. 7-27 ; Виндигева Б.Ч. К вопросу о налоговом стимулировании экономики новых регионов Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. № 8 (114). С. 37-43 ; Атагулыева Н.К. Инфраструктурные проекты как фактор ускорения регионального роста // Образование и наука в XXI веке. 2025. Т. 2, № 67-5. С. 37-43 ; Медведева Н.В., Маслюк Н.А. Новые инструменты привлечения инфраструктурных инвестиций в экономику региона // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 3 (100). С. 87-100 ; Федоров Г.М. Экономическое развитие // Стратегия развития и экономическая безопасность Калининградской области : Аналитический доклад. Калининград : Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. 2023. С. 5-20 ; Котов А.В. Особенности регулирования преференциальных территориальных режимов в странах ЕС // Современная Европа. 2023. № 1 (115). С. 100-112 ; Якимова В.А., Хмура С.В. Детерминанты привлечения инвестиций в точки роста экономики Дальнего Востока России // Экономика региона. 2022. № 3. С. 943-959 ; Леонтьева Л.С. Совокупная организационная культура как управленческий ресурс регионального развития // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. № 1. С. 6-11 ; Григорьев Н.А. Развитие институционального управления Арктическим регионом России // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2024. № 3 (37). С. 108-122 ; Кузавко А.С. Приграничные регионы в условиях интеграции: теоретические оценки и практические результаты // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 2. С. 108-130 ; Комлева В.В. Международное сотрудничество регионов России: институциональные основы и характерные модели // Россия: общество, политика, история. 2022. № 1 (1). С. 10-34 ; Зазерская В.В. Тенденции развития региональных интеграционных союзов: методологический аспект // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2022. Т. 17, № 4. С. 375-390.		

Сопоставление научных позиций позволяет определить общее понимание содержания и основные инструменты стимулирования экономического развития. Автор выделяет различия в задачах, которые решаются с помощью инструментов поддержки институтов развития, а также воздействие на социально-экономическое развитие территорий.

Одновременно она показывает, что в большинстве исследований соответствующие инструменты рассматриваются преимущественно обособленно, без должного учета их взаимосвязи и институциональной согласованности, что приобретает особую значимость применительно к приграничным регионам. Данное обстоятельство подтверждает необходимость комплексного подхода к использованию институтов развития, которые следует рассматривать в качестве механизма, обеспечивающего интеграцию различных инструментов стимулирования в целостную систему регионального и пространственного развития.

1.3. Подходы к институциональной поддержке развития приграничных территорий¹

Классические объяснения экономической динамики на периферии во многом опираются на идеи «центральных мест» и иерархии расселения, где логика обслуживания рынков и доступности услуг позволяет интерпретировать приграничные узлы как опорные пункты распределения потоков и формирования сервисных функций. Исследования приграничной экономики рассматривают, как агломерационные преимущества сочетаются с издержками пересечения государственной границы. Даже небольшое расстояние между территориями не гарантирует высокой интенсивности торговых и хозяйственных связей, если сохраняются формальные и неформальные ограничения. Дж. МакКаллум² эмпирически подтвердил существование такого эффекта. Дальнейшее теоретическое объяснение связано с гравитационной моделью торговли Дж. Андерсона и Э. ван Винкупа³.

Конкурентоспособность приграничного региона зависит от его включенности в международные производственные связи. Устойчивое взаимодействие бизнеса, институтов и инфраструктуры говорит о благоприятной среде для развития инфраструктуры и привлечения новых инвестиций.

Экономическая активность обычно тяготеет к наиболее сильным центрам. Если нет механизмов выравнивания, то именно туда уходят ресурсы инвестиции и деловая активность, а периферийные части региона выступают транзитными территориями без собственного экономического роста.

На основе анализа отечественной и зарубежной литературы автор выделяет три принципиальных момента, характеризующих приграничное развитие (см. рис. 1.3).

¹ При работе над данным параграфом диссертации использована следующая публикация автора, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Голубцов И.А. Анализ мировой практики стимулирования экономики в приграничных территориях // Проблемы теории и практики управления. 2024. № 5-6. С. 58-71.

² McCallum J. National borders matter: Canada–U.S. regional trade patterns // American Economic Review. 1995. Vol. 85, № 3. P. 618.

³ Anderson J.E., van Wincoop E. Gravity with gravitas: A solution to the border puzzle // American Economic Review. 2003. Vol. 93, № 1. P. 183.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 1.3 – Схема моделей и дилемм приграничного развития

Значительное место занимают работы, посвященные деятельности еврорегионов с участием России и ограничениям реализации трансграничных проектов, обусловленным политико-правовыми условиями. Основные научные подходы и позиции авторов представлены в таблице 1.4.

Таблица 1.4 – Научные подходы к развитию приграничных территорий: ключевые тезисы, предложения и расхождения

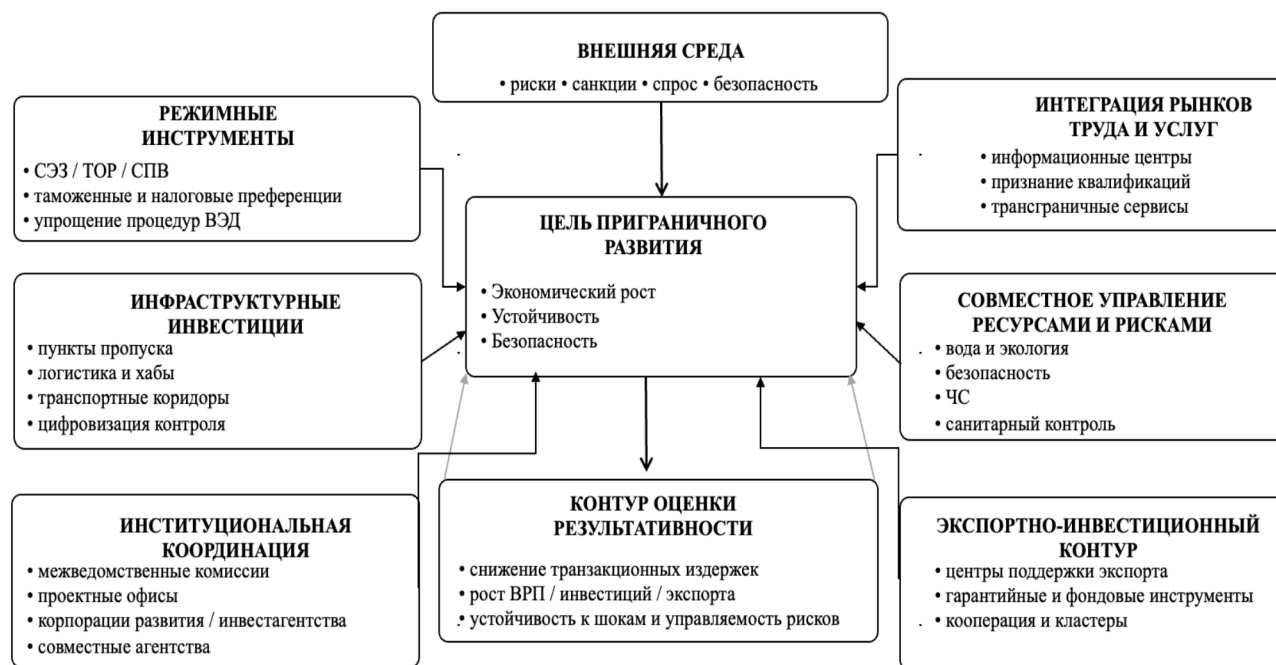
Автор(ы)	Фокус / концепт	Ключевой тезис о приграничье	Предложения и инструменты	Расхождения / ограничения (в сравнении с другими подходами)
А.В. Кузнецов; О.В. Кузнецова (2019)	Региональная политика ЕС и России; роль приграничных регионов.	Роль приграничья меняется в зависимости от моделей региональной политики и интеграционных режимов.	Комбинация «инфраструктура, институтов сотрудничества и поддержка бизнеса»; увязка с программами территориального развития.	Подчеркивают зависимость от политики; в отличие от «чистых» рыночных моделей не считают интеграцию автоматической.

Автор(ы)	Фокус / концепт	Ключевой тезис о приграничье	Предложения и инструменты	Расхождения / ограничения (в сравнении с другими подходами)
Л.Р. Рустамова (2019; 2022)	Еврорегионы с участием России; внешние связи приграничных регионов.	Еврорегионы эффективны как площадки координации, но их результативность ограничена политическим контекстом и ресурсами.	Институционализация проектов, устойчивое финансирование, проектные офисы, снижение барьеров на границе.	Сильный акцент на институциональных рисках; расходится с оптимистичными оценками «европейской модели».
П.А. Черномаз (2009)	Еврорегиональные форматы (на примере «Слобожанщина»).	Трансграничные структуры требуют стратегического планирования и согласования приоритетов по обе стороны границы.	Стратегии еврорегиона, совместные программы инфраструктуры и гуманитарных связей.	Ограничение: зависимость от межгосударственных отношений; слабая переносимость в периоды конфликтов.
А.С. Горда (2021)	Еврорегиональная политика; зарубежный опыт.	Еврорегионы работают как инфраструктура «мягкой интеграции» и канал привлечения ресурсов.	Использование еврорегионов как платформы проектного управления; тиражирование успешных организационных решений.	Недостаточно раскрывает «обратную сторону» – асимметрии и эффекты поляризации.
В.В. Климанов; С.М. Казакова; В.А. Яговкина (2021)	Инструменты межрегионального взаимодействия (в т.ч. финансовые).	Кооперация субъектов возможна через формализованные финансовые и управленческие инструменты, снижающие координационные издержки.	Горизонтальные трансферты / кредиты, нормативное закрепление взаимодействий, оценка эффектов.	Подход ориентирован на внутригосударственные механизмы; требует адаптации к международному приграничью.
Е.В. Зарична (2018)	Экономическая безопасность и трансграничное сотрудничество.	Развитие приграничья необходимо оценивать через призму рисков и экономической безопасности.	Баланс открытости и контроля; сценарный подход к рискам, институциональные фильтры для проектов.	В отличие от интеграционистских подходов усиливает «security lens», что может сужать набор инструментов развития.
А.А. Нурматова (2020)	Потенциал приграничной экономики (пример Кыргызстана).	Пограничная торговля и кластеры могут стать драйвером, если устранены инфраструктурные и координационные разрывы.	Инфраструктурные проекты, организационные модели кластеров, усиление межведомственной координации.	Контекстно-специфично (Центральная Азия); требует сопоставления с иными режимами границы.

Автор(ы)	Фокус / концепт	Ключевой тезис о приграничье	Предложения и инструменты	Расхождения / ограничения (в сравнении с другими подходами)
Р. Бальме; Б. Жуве (1995)	Европеизация региональной политики; структурные фонды.	Европейские финансово-процедурные инструменты могут усиливать роль государства и менять конфигурацию территориальных сетей.	Институциональный дизайн программ, процедурная координация, управление через фонды и правила.	Показывают неоднозначность «Европы регионов»; расходятся с тезисом о безусловной децентрализации через наднац. программы.
Э. Брюне-Жайи (2005)	Интегративная теория границ.	Эффективность приграничья определяется сочетанием рынков, политики, культур и локальных акторов.	Синхронизация четырех измерений: рынки / торговля, гос. политика, культура, локальные сети.	Более комплексный подход; сложнее в операционализации и измерении.
М. Перкманн (2007)	Кроссбордер-регионы и многоуровневое управление.	Еврорегионы – предприниматели политики и институциональные посредники.	Постоянные органы управления, долгосрочные стратегии, проектные портфели.	Фокус на институтах; ограниченно объясняет макрошоки (санкции, конфликты).
А. Пааси (2011); D. Newman (2006)	«Бордеринг»; граница как процесс.	Граница производится практиками и дискурсами; режимы мобильности меняют экономическую географию.	Политики снижения барьеров должны сопровождаться работой с идентичностями/социальной тканью.	Менее прикладной для инструментов развития; важен для объяснения устойчивости / хрупкости сотрудничества.
McCallum (1995); Anderson & van Wincoop (2003)	«Эффект границы»; торговые издержки.	Даже «мягкая» граница создает существенные скрытые барьеры обмену.	Приоритет – снижение «невидимых» издержек: стандарты, процедуры, доверие, цифровизация.	Эконометрический фокус; слабо учитывает политико-правовые режимы и безопасность.

Примечание – Составлено автором по: Кузнецов А.В., Кузнецова О.В. Изменение роли приграничных регионов в региональной политике стран ЕС и России // *Baltic Region*. 2019. № 4. С. 58–75 ; Рустамова Л.Р. Проблемы и перспективы приграничного сотрудничества еврорегионов с участием России // *Регионоведение*. 2019. № 4 (109). С. 711–733 ; Рустамова Л.Р. Внешние связи приграничных российских регионов // *Вестник МГИМО-Университета*. 2022. Т. 15, № 1. С. 177–206 ; Черномаз П.А. Еврорегион «Слобожанщина»: этапы формирования и перспективы развития // *Международное сотрудничество приграничных регионов: история, экономика, политика, культура : материалы междунар. науч.-практ. конф., Курск, 19–20 сент. 2011 г. Курск. Изд-во VIP*. 2011. С. 160–165 ; Горда А.С. Зарубежный опыт еврорегионального сотрудничества и развития внешнеэкономической деятельности // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление*. 2021. Т. 7, № 3. С. 14–29 ; Климанов В.В., Казакова С.М., Яговкина В.А. Инструменты межрегионального взаимодействия в системе государственного управления // *Регионоведение*. 2021. Т. 29, № 2 (115). С. 250–282 ; Зарична Е.В. Экономическая безопасность в контексте развития трансграничного сотрудничества: проблемы и перспективы // *Формирование рыночных отношений в Украине*. 2018. № 5 (204). С. 98–103 ; Нурматова А.А., Атышов К.А. Система управления экономическим потенциалом приграничных территорий // *Евразийское Научное Объединение*. 2020. № 12-4 (70). С. 292–294 ; Balme R., Jouve B. L'Europe en région : les fonds structurels et la régionalisation de l'action publique en France métropolitaine // *Politiques et Management Public*. 1995. Vol. 13, № 2. Pp. 35–58 ; Brunet-Jailly E. Theorizing borders: An interdisciplinary perspective // *Geopolitics*. 2005. Vol. 10, № 4. Pp. 633–649 ; Perkmann M. Construction of new territorial scales: A framework and case study of the EUREGIO cross-border region // *Regional Studies*. 2007. Vol. 41, № 2. Pp. 253–266 ; Paasi A. Boundaries as social processes: Territoriality in the world of flows // *Geopolitics*. 1998. Vol. 3, № 1. Pp. 69–88; Newman D. The lines that continue to separate us: borders in our “borderless” world // *Progress in Human Geography*. 2006. Vol. 30, № 2. Pp. 143–161.

Обобщение международного опыта позволяет выделить пять взаимодополняющих групп инструментов институтов развития для стимулирования приграничной экономики (см. рис. 1.4).

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 1.4 – Инструменты институтов развития для стимулирования приграничной экономики

Сама по себе концентрация льгот без институтов координации дает краткосрочный эффект и усиливает асимметрии; наиболее устойчивые модели строятся на сочетании режимных мер с проектным управлением и «мягкими» механизмами снятия барьеров. Опыт зарубежных приграничных территорий свидетельствует о различиях в институциональной организации трансграничного взаимодействия. На границе США и Мексики основной упор сделан на производство, специальные экономические режимы и развитие таможенной инфраструктуры. В европейских приграничных регионах сотрудничество чаще строится через совместные программы, еврорегионы и специальные проектные структуры, созданные правительством с целью урегулирования дисбаланса территориального развития. Ярким примером таких отношений выступает германо-польская граница. В северной Европе ярким примером может послужить Эресунна, где в центре находится общий рынок труда, транспортная связанность

и возможность населения и бизнеса свободно пользоваться услугами по обе стороны границы. Единой модели развития приграничных территорий не существует. Набор инструментов зависит от экономической специализации территории и характера связей между соседними странами.

В каждом случае регионы выстраивают собственное сочетание институтов развития и инструментов поддержки. Для выявления схожих признаков и формирования универсальной модели применения институтов развития автором предложена таблица 1.5, где рассмотрены зарубежные кейсы по взаимодействию с соседними государствами. Особое внимание автор уделяет институциональной конструкции и предлагает аналитический вывод по каждому рассмотренному приграничному взаимодействию.

Таблица 1.5 – Сопоставление зарубежных кейсов применения институтов развития в приграничных территориях

№	Кейс	Институциональная конструкция	Инструменты институтов развития	Аналитический вывод
1	Германия, Франция, Швейцария	Верхнерейнский еврорегион	Совместное планирование инфраструктуры, координация рынков труда, трансграничные публичные услуги	Стабильность координационных институтов обеспечивает воспроизводимость межтерриториальных проектов
2	Дания, Швеция	Эресуннский регион	Интегрированный рынок труда, транспортная связанность, межмуниципальная координация	Инфраструктурный проект дает устойчивый эффект при согласовании транспортной и трудовой политики
3	США, Мексика	Приграничные производственные зоны	Интеграция производственных цепочек, специальные таможенные режимы, трансграничная логистика	Режимные инструменты результативны при включении в целостную производственно-логистическую систему
4	Испания, Португалия	Еврогорода	Совместные муниципальные сервисы, развитие туризма, координация локальных рынков труда	Межмуниципальные институты развития позволяют снижать издержки предоставления услуг

№	Кейс	Институциональная конструкция	Инструменты институтов развития	Аналитический вывод
5	Казахстан, Китай	Международный центр приграничного сотрудничества «Хоргос»	Специальный правовой режим, логистическая инфраструктура, торгово-инвестиционная интеграция	Сочетание режимных и инфраструктурных инструментов формирует устойчивый трансграничный узел
6	Финляндия, Швеция	Твин-сити Торнио – Хапаранда	Общие муниципальные услуги, единый рынок труда, пространственная интеграция	Для малых приграничных территорий ключевое значение имеет институционализация совместных сервисов

Примечание – Составлено автором на основе: Perkmann M. Cross-border regions in Europe: Significance and drivers of regional cross-border co-operation // European Urban and Regional Studies. 2003. Vol. 10, № 2. Pp. 153–171 ; Hospers G.-J. Borders, bridges and branding: The transformation of the Øresund region into an imaginary space // European Planning Studies. 2006. Vol. 14, № 8. Pp. 1015–1033 ; Perkmann M. The rise of the Euroregion: A bird's eye perspective on European cross-border co-operation // European Urban and Regional Studies. 2003. Vol. 10, № 2. Pp. 153–171 ; Wilson C. Growing together: Economic ties between the United States and Mexico. Washington, DC: Woodrow Wilson Center, 2011. Pp. 1-40 ; International Joint Commission. A Century of Cooperation. 2009. URL: <https://ijc.org> (дата обращения: 25.03.2024) ; Anderson J.E., O'Dowd L. Borders, border regions and territoriality: Contradictory meanings, changing significance // Regional Studies. 1999. Vol. 33, № 7. Pp. 593–604 ; Liberato D., Alén E., Liberato P. Cross-border tourism development: The case of the Eurocity Chaves–Verín // Tourism Geographies. 2018. Vol. 20, № 4. Pp. 597–617 ; Nurgaliyeva L. Cross-border cooperation between Kazakhstan and China: The Khorgos case // Journal of Eurasian Studies. 2016. Vol. 7, № 2. Pp. 164–174 ; Lundén T. Twin cities: A new form of urban cooperation // GeoJournal. 2007. Vol. 70, № 1. Pp. 25–37 ; Tignino M. Water, international peace, and security // International Environmental Agreements. 2016. Vol. 16, № 4. Pp. 555–572.

Существенную роль в организации такого взаимодействия выполняют еврорегионы и связанные с ними структуры, координирующие проекты в транспортной, экологической, культурной и образовательной сферах. Состав участников и основные направления их деятельности представлены в таблице 1.6.

Таблица 1.6 – Еврорегионы Балтийского моря и их участники по количеству стран (свод по открытым данным AEBr и MOT)

	Еврорегионы
2 страны	Арко (Швеция / Норвегия), Буг (Польша / Беларусь), Комиссия по приграничному сотрудничеству (Россия / Эстония), Бартува (Литва / Латвия), Днепр (Россия / Беларусь)
3 страны	Нордкалоттен (Швеция / Норвегия / Финляндия), Померания (Польша / Германия / Швеция), Страна озер (Литва / Латвия / Беларусь), Сауле (Россия / Литва / Латвия)
4 страны	БЕАК – Совет Баренцева / Евроарктического региона (Россия / Норвегия / Швеция / Финляндия); Нордический совет министров (Дания / Швеция / Норвегия / Финляндия)
5 стран	Балтика (Польша / Россия / Литва / Дания / Швеция)

Примечание – Составлено автором по данным: Ассоциация европейских приграничных регионов (AEBr) // офиц. сайт AEBr. URL: <https://www.aebr.eu> (дата обращения: 23.05.2024) ; Mission Opérationnelle Transfrontalière (MOT) // офиц. сайт MOT. URL: <http://www.espaces-transfrontaliers.org> (дата обращения: 23.05.2024).

Результативность еврорегионального сотрудничества во многом определяется устойчивостью политико-правовых условий, доступностью механизмов софинансирования и качеством проектного управления. Приостановка части программ с российским участием в последние годы показывает, что даже институционально оформленные модели трансграничного взаимодействия сохраняют зависимость от внешнеполитической конъюнктуры.

Проведенный анализ позволяет систематизировать принципы и инструменты применения институтов развития (см. табл. 1.7).

Таблица 1.7 – Принципы и реализация инструментария институтов развития для укрепления социально-экономической устойчивости приграничных территорий

Принцип	Содержание принципа	Инструменты реализации	Институты развития и операторы
Эффективность	Соотнесение затрат с измеримыми результатами, мониторинг и корректировка мер поддержки.	Проектный отбор, КРІ, мониторинг программ, проектное финансирование, механизмы ГЧП.	Федеральные и региональные корпорации развития, фонды развития, проектные офисы.
Структурный баланс	Снижение отраслевой, инфраструктурной и пространственной асимметрии приграничной экономики.	Кластерные проекты, промышленные и логистические парки, развитие транспортной и энергетической инфраструктуры.	Корпорации развития, управляющие компании ОЭЗ и ТОР, инфраструктурные операторы.
Целевая концентрация	Адресное применение ресурсов в точках роста и зонах повышенного риска.	Субсидии, налоговые льготы, инвестиционные гранты, экспортные акселераторы, сопровождение инвесторов.	Региональные фонды, центры «Мой бизнес», центры поддержки экспорта, агентства инвестиционного развития.
Адаптивность к внешним шокам	Корректировка инструментов при изменении внешнеэкономических условий и конфигурации трансграничных потоков.	Сценарное планирование, диверсификация логистики, цифровизация процедур на пунктах пропуска, механизмы управления рисками.	Органы власти, таможенные и инфраструктурные операторы, институты внешнеэкономического развития.

Принцип	Содержание принципа	Инструменты реализации	Институты развития и операторы
Согласование региональных инициатив с федеральными стратегиями	Увязка региональных проектов с приоритетами пространственного развития и отраслевой политики.	Межведомственные регламенты, проектные офисы, соглашения о сопровождении проектов, комплексные программы развития.	Федеральные органы власти, органы власти субъектов Российской Федерации, корпорации развития.
Примечание – Составлено автором.			

Сопоставление зарубежных и отечественных подходов, результаты которого обобщены в таблице, дает основание уточнить методологические принципы применения институтов развития в приграничных территориях. Эффективность соответствующих моделей определяется прежде всего состоянием институциональной среды, а не самим фактом использования отдельных мер стимулирования. Наибольшее значение приобретают устойчивость правил взаимодействия, снижение транзакционных издержек и возможность воспроизводить принятые проектные решения в долгосрочном периоде. При сопоставимых исходных условиях именно качество институциональной организации во многом определяет результативность режимных и инфраструктурных инструментов. Рассмотренные примеры одновременно выявляют ограничения фрагментарного воздействия на приграничную экономику. Изолированное применение отдельных мер вне согласованной системы регулирования чаще дает локальный либо краткосрочный результат и не устраняет существующие территориальные и структурные диспропорции. Более устойчивый эффект формируется при согласованном использовании режимных инструментов, инфраструктурных инвестиций, механизмов институциональной координации и решений, направленных на интеграцию рынков труда и услуг.

Выводы по первой главе:

1. Полученные автором в ходе анализа зарубежного опыта выводы, демонстрируют необходимость рассмотрения приграничных территорий в единой связке с соседними государствами. Экономика таких территорий напрямую зависит от обстановки в приграничном государстве. Различия в правилах, порядках и ограничениях во взаимодействии быстро отражаются на хозяйственной деятельности внутри региона. Приграничные территории сильнее реагируют на внешние изменения и чаще сталкиваются с дополнительными издержками. Автор обосновывает необходимость собственной методики оценки, так как существующие подходы не всегда учитывают пространственные, институциональные и экономические особенности таких регионов.

2. Обоснована концепция пространственно-экономического развития приграничных регионов Российской Федерации, исходящая из причинно-следственных связей их внутренней неоднородности; доказана необходимость перехода от универсальных мер к адресным институциональным решениям, ориентированным на устранение диспропорций и повышение устойчивости роста.

3. Выявлены ключевые факторы приграничного развития (инфраструктурные, институциональные и экономические) и показано, что их совместное действие формирует потенциал приграничья как драйвера национальной экономики за счет синергии трансграничной кооперации, интеграции рынков и развития логистических коридоров.

4. Систематизированы принципы и инструменты применения институтов развития в приграничной экономике (режимные, финансовые, инфраструктурные и внешнеэкономические) и на основе мировой практики обоснован переход к целостному институциональному дизайну «двухконтурного» типа, сочетающему цели роста и требования социально-экономической устойчивости приграничных территорий (безопасность, стабильность цепочек поставок, правовая определенность).

ГЛАВА 2. ДИАГНОСТИКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2.1. Методический подход к оценке экономической динамики и институциональной готовности приграничных территорий к реализации мер развития¹

Особенности развития приграничной экономики в различных странах обусловлены уникальными географическими, политическими, экономическими и культурными условиями, что требует разработки специализированных методов оценки ее вклада в национальное и региональное развитие. Данный вопрос является предметом активного изучения как в работах отечественных, так и в работах зарубежных исследователей, что подчеркивает его актуальность и значимость для современной экономической науки. В условиях глобализации и усиления интеграционных процессов приграничные территории становятся важными точками роста, способствуя укреплению международного сотрудничества и развитию трансграничных связей. В связи с этим разработка методики оценки приграничных отношений представляется необходимым шагом для понимания их роли в экономике и выработки эффективных стратегий управления приграничными территориями.

В последние годы в научной литературе получили развитие и специальные методики, ориентированные именно на анализ приграничных и трансграничных процессов. В работах по оценке устойчивости приграничного взаимодействия используется комплексный анализ внешнеторговых потоков, транспортной связанности и институциональных ограничений. В научной литературе рассматриваются различные подходы к оценке развития приграничных

¹ При работе над данным параграфом диссертации использована следующая публикация автора, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Леонтьева Л.С., Голубцов И.А. Разработка методики оценки системы приграничных отношений // Вестник РГТУ. Серия «Экономика и управление». 2025. № 4. С. 89-106.

территорий. Выделяют методики ориентированы на анализ результатов государственных программ и на оценку экономических и пространственных характеристик территорий. Автор в работе сопоставляет эти подходы и выделяет три группы факторов, которые необходимо учитывать при оценке приграничного развития. Особое внимание уделяется особенностям территорий и институциональным особенностям, а также оценке управленческих решений.

Для систематизации указанных подходов и выделения их ключевых методических направлений в таблице 2.1 обобщены основные группы концепций, инструментов и авторских разработок, применяемых в данной области.

Таблица 2.1 – Методические подходы к оценке программ институтов развития и приграничных экономических отношений

Теоретико-аудиторские основы – Скривен М. (1966) – безцелевая оценка; – Терехов А.Г., Тихонов Р.М., Серебрянников В.В. (2008) – аудит эффективности; – Павлов К.В. и др. (2011) – управление межрегиональными проектами	Международные программно-бюджетные инструменты – Европейская комиссия (2007) – инструменты приграничного сотрудничества; – Гилмор Дж. Б. (2007) – PART; – Пикок С. (2008) – программное бюджетирование; – Бариллари А., Бувье М. (2010) – новая финансовая архитектура; – Белый дом США (2014) – оценка результативности программ	Российские методики оценки госпрограмм – Шаш Н.Н., Бородин А.И., Киселева Н.Н. (2011); – Юсупов Р.М., Бостанова А.И. (2014); – Волков Д.Г. (2014); – Комарова А.В. (2014) – Бреусова А.Г. (2015); – Гусев М.А. (2016) – Зверев К.Л. (2018); – Беланова Н.Н. и др. (2019)
Сравнительные и интегральные подходы – Клисторин В.И., Седипкова С.В. (2021); – Афанасьев М.П., Шаш Н.Н. (2022); – Макаров Д.Н. (2022); – Бай Т.О. (2025)	Приграничные и институциональные подходы – Хмелева Г.А., Костромин К.О., Скреблов Н.И. (2023); – Фурсов В.А., Алиева З.М., Мальсагова Х.С. (2024); – Себенцов А.Б. (2024)	Современные комплексные рамки – OECD (2024); – Команда CrossQuality / ITEM (2024); – ESPON (2024); – Макаров В.Л., Бахтизин А.Р. и др. (2025)
Примечание – Составлено автором на основе: таблицы Ж.1, приложение Ж.		

После обобщения методических подходов к оценке программ институтов развития и приграничных экономических отношений целесообразно перейти к рассмотрению факторов, определяющих устойчивость межгосударственного сотрудничества в приграничном пространстве. Если таблица 2.1 систематизирует

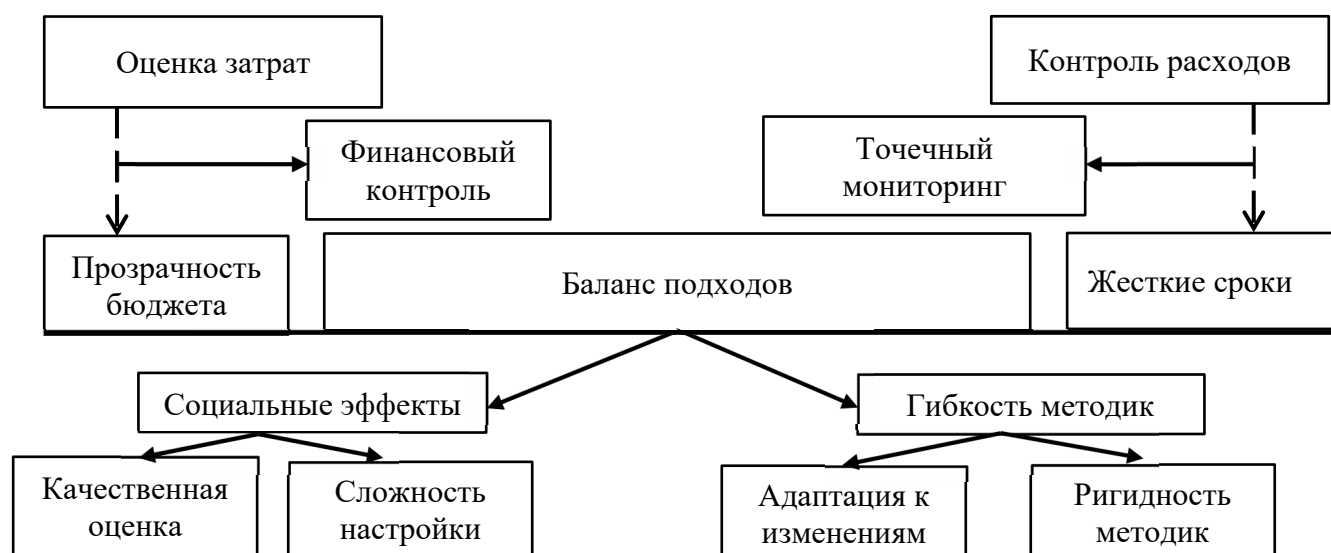
основные исследовательские и оценочные рамки, то рисунок 2.1 позволяет наглядно представить взаимосвязь политических, экономических, социальных и институциональных условий, формирующих стабильность взаимодействия государств. Визуализация этих факторов важна для понимания того, что межгосударственное сотрудничество развивается под воздействием не одного, а совокупности взаимосвязанных процессов и механизмов.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 2.1 – Факторы межгосударственного сотрудничества и стабильности

Обобщение представленных подходов и анализ факторов межгосударственного сотрудничества и стабильности позволяют сделать вывод о том, что дальнейшая разработка методики оценки приграничных отношений должна опираться не на одну универсальную формулу, а на сочетание взаимодополняющих процедур. На уровне количественного анализа целесообразно использовать динамические и структурные показатели, на уровне институционального анализа – характеристики включенности акторов, согласованности решений и плотности механизмов координации, на уровне качественной верификации – экспертные методы и оценку устойчивости трансграничных практик. Выделенные автором четыре аспекта показывают, как различные методики стремятся обеспечить системный и всесторонний анализ эффективности программ, но при этом проявляют некоторые ограничения и слабые стороны (см. рис. 2.2).

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 2.2 – Подходы к оценке реализации программ

Каждый методический подход имеет как сильные, так и слабые стороны, что также отражено в формулировках показателей. Далее представлена таблица 2.2, обобщающая преимущества и недостатки различных методик.

Таблица 2.2 – Преимущества и недостатки существующих методик оценки

Методика	Сильные стороны	Слабые стороны
Социально-экономическое развитие Арктической зоны	– Учет показателей реализации каждого мероприятия программы; – Использование плановых значений для оценки эффективности средств	– Ограниченная применимость для более комплексных проектов; – Малая гибкость при изменении финансирования и распределения средств
Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона	– Опора на контрольные события для отслеживания прогресса; – Комплексная оценка показателей затрат и эффективности	– Зависимость от плановых затрат и временной оценки, что не всегда позволяет учесть экстренные корректировки
Развитие Северо-Кавказского федерального округа	– Коэффициенты значимости для ключевых показателей; – Оценка кассового исполнения для точного отражения расходования средств	– Высокая зависимость от значений показателей национальных проектов; – Ограниченная применимость к долгосрочным проектам

Методика	Сильные стороны	Слабые стороны
Социально-экономическое развитие Калининградской области	– Оценка реализации с учетом выполнения мероприятий подпрограмм; – Системный учет затрат и контроль за исполнением бюджета	– Неполное отражение социальных эффектов от выполнения программы; – Риск перепланирования из-за зависимости от бюджетных лимитов
Социально-экономическое развитие Крыма и Севастополя	– Комплексная оценка с учетом выполнения непосредственных результатов; – Использование корректирующих коэффициентов	– Требуется сложной калькуляции коэффициентов и индикаторов; – Ограничения в гибкости при изменении приоритетов программы
Примечание – Составлено автором на основе: Об утверждении Методики оценки эффективности реализации государственной программы Российской Федерации "Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации" : приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 10.07.2018 г. № 359. П. 2, п. 1 ; Об утверждении Методики оценки эффективности государственной программы Российской Федерации "Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона" и признании утратившим силу приказа Минвостокразвития России от 20 апреля 2017 г. № 94 "Об утверждении Методики оценки эффективности государственной программы Российской Федерации "Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона"" : приказ Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики от 17.12.2018 г. № 233. П. 1, п. 2 ; Об утверждении Методики оценки эффективности реализации государственной программы Российской Федерации "Социально-экономическое развитие Калининградской области" : приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 10.07.2018 г. № 360. П. 3, п. 1 ; Об утверждении Методики оценки эффективности реализации государственной программы Российской Федерации "Развитие Северо-Кавказского федерального округа" : приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 07.10.2020 г. № 653. П. 4, п. 1 ; Об утверждении Методики оценки эффективности реализации государственной программы Российской Федерации "Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя" : приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 15.04.2020 г. № 228. П. 2, п. 1.		

Для расширения методического инструментария оценки приграничных экономических отношений и результативности институтов развития целесообразно использовать методы сравнительной эффективности (см. табл. 2.3), сетевой анализ взаимодействий и гравитационные модели миграции, позволяющие учитывать пространственные издержки и масштаб территорий при анализе трансграничной мобильности населения.

Таблица 2.3 – Дополнительные методики оценки приграничных экономических отношений для настройки институтов развития

Методика	Единица анализа и результат	Показатели / параметры для приграничья
Анализ сравнительной эффективности	Сравнение эффективности приграничных регионов на основе границы эффективности; результат: оценка технической эффективности (0–1) и ранжирование	Входы: бюджетные расходы на инфраструктуру / пункты пропуска, инвестиции, численность занятых; выходы: объем внешней торговли, грузооборот, рост валового регионального продукта, приток инвестиций, уровень занятости
Сетевой анализ взаимодействий	Оценка структуры трансграничных связей (узлы: институты / муниципалитеты / компании; связи: проекты, соглашения, торговые и миграционные потоки); результат: центральность, плотность, кластеры / модули	Плотность сети соглашений и проектов, центральность региональных институтов, коэффициент кластеризации, устойчивость сети
Гравитационные модели миграции	Моделирование интенсивности (валовых / чистых) миграционных потоков между регионами и странами; результат: эластичности по «массе» (население / доход) и дистанции	Факторы притяжения / выталкивания: население, уровень доходов / занятости, доступность инфраструктуры; пространственный фактор: расстояние / время в пути, режим границы, визовые / таможенные барьеры

Примечание – Составлено автором по: Farrell M.J. The measurement of productive efficiency // Journal of the Royal Statistical Society. Series A (General). 1957. Vol. 120, № 3. Pp. 253-290 ; Charnes A., Cooper W.W., Rhodes E. Measuring the efficiency of decision making units // European Journal of Operational Research. 1978. Vol. 2, № 6. Pp. 429-444 ; Freeman L.C. Centrality in social networks: Conceptual clarification // Social Networks. 1979. Vol. 1, № 3. Pp. 215-239 ; Greenwood M.J. Research on internal migration in the United States: A survey // Journal of Economic Literature. 1975. Vol. 13, № 2. Pp. 397-433 ; Poot J., Alimi O., Cameron M.P., Maré D.C. The gravity model of migration: the successful comeback of an ageing superstar in regional science // Investigaciones Regionales – Journal of Regional Research. 2016. № 36. Pp. 63-86.

Идентификация ключевых индикаторов для оценки состояния приграничных экономических отношений и настройки институтов развития требует комплексного подхода, учитывающего политические, экономические, социальные и экологические аспекты (см. рис. 2.3). Рассматриваемые аспекты затрагивают многоуровневые процессы, влияющие на приграничное взаимодействие и устойчивость регионов.

Примечание – Составлено автором на основе: Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона. ИСЭРТ РАН. 2014. 438 с. ; Куприянов С.В., Трошин А.С. Необходимость системного и комплексного исследования развития приграничных территорий // Пространственное развитие территорий : сборник научных трудов международной науч.-практ. конф. Белгород, ООО «ЭПИЦЕНТР», 2018. С. 20-25 ; Павлов К.В. Приграничная экономика как перспективный раздел регионалистики // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2022. № 12. С. 66-72.

Рисунок 2.3 – Комплексная система оценки состояния приграничных экономических отношений для настройки институтов развития

Следовательно, визуально такая система индикаторов создает комплексную схему, включающую политические меры безопасности, экономическую эффективность бюджета, социальную стабильность и экологическую защищенность. Алгоритм оценке в ходе написания исследования выстраивается поэтапно. Автором сформирована исходная база, по которой проводится анализ и ее дальнейшая интерпретация, которая отражена в выводах и рекомендациях (см. табл. 2.4). Учет всех четырех этапов позволяет учитывать особенности конкретного региона и при необходимости корректировать отдельные этапы независимо друг от друга, с учетом изменения условий приграничного взаимодействия.

Таблица 2.4 – Алгоритм оценки приграничных экономических отношений для настройки институтов развития

Этап	Описание	Пример индикатора	Формула или расчетный метод
1. Сбор данных	Сбор статистики и отчетов по ключевым индикаторам	Численность мигрантов М	Источник: миграционные службы
		Среднедушевые доходы I	$I = \frac{\text{Общие доходы населения}}{\text{Численность населения}}$
		Уровень занятости E	$E = \frac{\text{Численность трудоспособного населения}}{\text{Число занятых}} \times 100 \%$
		Доля дорог в нормативном состоянии D	$D = \frac{\text{Общая длина дорог}}{\text{Длина дорог в нормативном состоянии}} \times 100 \%$
2. Анализ данных	Сравнение с плановыми значениями, расчет трендов и оценка отклонений	Динамика доходов ΔI	$\Delta I = I \text{ текущий} - I \text{ плановый}$
		Частота наводнений F	Прогноз на основе временных рядов
		Восстановительные затраты R	$R = \frac{\text{Восстановительные затраты}}{\text{Общий объем бюджета}}$
3. Интерпретация результатов	Выявление отклонений и факторов риска	Уровень безработицы U	$U = \frac{\text{Численность трудоспособного населения}}{\text{Число безработных}} \times 100 \%$
		Состояние инфраструктуры D	Анализ доли дорог в нормативном состоянии
4. Формулирование рекомендаций	Разработка мер по улучшению или стабилизации ситуации	Рекомендации по миграции	Усиление контроля при увеличении миграции на X %
		Развитие социальной инфраструктуры	Программа создания рабочих мест
Примечание – Составлено автором.			

Индекс экономической активности (ИЭА) используется автором для сравнения экономической динамики приграничных регионов. Методика расчета представлена в таблице 2.5, где обозначены все компоненты индекса, а также продемонстрирована его дальнейшая классификация по трем группам регионов.

Таблица 2.5 – Методический подход к диагностике экономической динамики приграничных территорий на основе ИЭАА

Блок	Показатель / группа	Расчет / критерий
Компоненты ИЭА	Рост ВРП (2020–2023), $p_{\text{ВРП}}$	$p_{\text{ВРП}} = ((\text{ВРП}_{2023} / \text{ВРП}_{2020}) - 1) \times 100 \%$
Компоненты ИЭА	Рост инвестиций (2020–2024), $p_{\text{Инв}}$	$p_{\text{Инв}} = ((\text{Инв}_{2024} / \text{Инв}_{2020}) - 1) \times 100 \%$
Компоненты ИЭА	Изменение численности населения (2020–2024), измНас	$\text{измНас} = ((\text{Нас}_{2024} / \text{Нас}_{2020}) - 1) \times 100 \%$
Итоговый индекс	Индекс экономической активности, ИЭА	$\text{ИЭА} = (p_{\text{ВРП}} + p_{\text{Инв}} + \text{измНас}) / 3$
Классификация	Динамично развивающиеся	$\text{ИЭА} > 20 \%$
Классификация	Стабильные	$15\% \leq \text{ИЭА} \leq 20 \%$
Классификация	Слабо развивающиеся	$\text{ИЭА} < 15 \%$
Примечание – Составлено автором.		

Для анализа институциональных моделей автором была разработана методика спецификации институциональной модели приграничных регионов (СИМПР). Эта модель позволяет оценить текущее состояние институтов развития и потенциал приграничных субъектов Российской Федерации. Методика основана на анализе трех связанных между собой направлений (см. табл. 2.6). По каждому направлению регион получает значение от 0 до 1. Затем эти три оценки складываются, и рассчитывается итоговый показатель интегральной специфики институционального развития (ИСИР).

Таблица 2.6 – Шкала оценки институциональной готовности территории по компонентам ИСИР

Диапазон значения	АИ – адаптивность институтов	ВЛА – вовлеченность локальных агентов	ИПП – институционально-пространственная плотность
0,00–0,20	Реакция на внешние изменения эпизодическая; отсутствуют устойчивые механизмы мониторинга и корректировки политики; преобладает «реактивное» управление.	Участие бизнеса / НКО / муниципалитетов минимально; решения принимаются преимущественно административно; публичные консультации носят формальный характер.	Инфраструктура и институты редки и разрознены; ограниченное число пунктов пропуска и сервисов; слабая координация вдоль границы.
0,21–0,40	Имеются отдельные адаптивные практики (рабочие группы, разовые изменения регуляторики), но без системности; скорость реагирования низкая.	Наблюдается частичное вовлечение отдельных акторов (точечные проекты / инициативы), но без устойчивых платформ участия.	Наличие базовых институтов и объектов инфраструктуры, но их покрытие и функциональность недостаточны; плотность ниже средней.
0,41–0,60	Функционируют регулярные механизмы мониторинга и межведомственного взаимодействия; нормативные и организационные решения принимаются в обозримые сроки.	Устойчивые форматы участия (советы, проектные офисы, процедуры общественного обсуждения); участие локальных агентов носит регулярный характер.	Сформирована сеть институтов развития (агентства развития, логистические сервисы, таможенная / пограничная инфраструктура) с приемлемой доступностью по территории.
0,61–0,80	Высокая способность к адаптации: быстрые корректировки политики и инструментов; работают механизмы управления рисками и сценарного планирования.	Высокая кооперация и совместное проектирование решений; развиты кластеры / ассоциации, межмуниципальные и межсекторные форматы управления.	Высокая плотность институтов и инфраструктуры на ключевых участках границы; наличие специализированных структур и устойчивых каналов координации.

Диапазон значения	АИ – адаптивность институтов	ВЛА – вовлеченность локальных агентов	ИПП – институционально-пространственная плотность
0,81–1,00	Институциональная гибкость максимальна: проактивное управление, интеграция в межрегиональные / международные режимы; высокая устойчивость к шокам.	Системная и массовая вовлеченность локальных агентов; совместное управление программами, высокий уровень доверия и социальной поддержанности решений.	Институционально зрелая и «плотная» граница: развитая сеть пунктов пропуска, сервисов, координационных центров; высокое качество функционирования и масштабируемость практик.
Примечание – Составлено автором.			

Если ИСИР находится в диапазоне от 0 до 0,40, это модель точечного роста. Значения от 0,41 до 0,60 относятся к модели функционального насыщения. Диапазон от 0,61 до 0,80 характерен для модели интеграционной плотности. Если ИСИР выше 0,80, регион относят к модели устойчивого взаимодействия.

Погранично-институциональная модель социально-экономической динамики региона (далее – ПИМСЭД) используется для сопоставления траекторий развития приграничных субъектов Российской Федерации. Модель учитывает степень контакта территории с государственной границей и инфраструктурой ее пересечения, наряду со способностью региональных институтов развития использовать особенности приграничного положения для экономического роста и поддержания социальной устойчивости (см. табл. 2.7). ПИМСЭД отражает двойственный характер влияния государственной границы на региональную экономику, где приграничное положение формирует возможности для развития торговли, логистики, производственной кооперации и транзита. Наличие режимных ограничений, дополнительных барьеров и внешних рисков одновременно способно сдерживать реализацию данного потенциала. Количественная оценка строится на показателях протяженности границы L , числа действующих пунктов пропуска K , их плотности и степени приграничности B , который характеризует масштаб вовлечения населения и муниципальных образований в процессы, связанные с приграничным положением территории.

Таблица 2.7 – Показатели приграничной экспозиции и доступности в методике ПИМСЭД (граница, пункты пропуска, степень приграничности)

Показатель	Обозначение	Формула расчета	Пояснение / единицы измерения
Протяженность государственной границы региона	L _{гр}	$L_{гр} = \sum L_{уч}$	$\sum L_{уч}$ – сумма протяженностей участков госграницы в пределах субъекта РФ; км.
Количество действующих пунктов пропуска без учета воздушных объектов	K _{пп}	$K_{пп} = N(\text{ППфункц.})$	Число функционирующих автомобильных, железнодорожных, морских, речных, пешеходных и смешанных пунктов пропуска; ед.
Плотность действующих пунктов пропуска (на 100 км границы)	D _{пп}	$D_{пп} = (K_{пп} / L_{гр}) \times 100$	Характеризует обеспеченность участка границы функционирующей инфраструктурой пересечения; пунктов на 100 км.
Примечание – Составлено автором.			

ПИМСЭД включает количественные характеристики приграничной экспозиции региона. Для оценки используются протяженность государственной границы L, число действующих пунктов пропуска K без учета воздушных объектов по каталогу ФГКУ «Росгранстрой» и показатель их плотности D_{пп}. Соотношение данных параметров позволяет точнее характеризовать фактические условия приграничного взаимодействия. Регионы с одинаковым формальным статусом могут существенно различаться по доступности границы и интенсивности трансграничных связей. Значительная протяженность границы при небольшом числе действующих пунктов пропуска ограничивает обмен. Более развитая инфраструктура пересечения способствует сокращению транзакционных издержек, ускорению логистических процессов и повышению связанности рынков.

2.2. Сравнительная диагностика экономического и институционального состояния приграничных территорий

В методике приграничность характеризуется совокупностью пространственных, инфраструктурных и институциональных параметров территории. Их сочетание отражает фактические условия взаимодействия через государственную границу и связано с различиями в социально-экономическом развитии приграничных регионов. В отечественной и зарубежной литературе подчеркивается, что приграничный регион включает территорию, примыкающую к сухопутной границе либо к пограничным морским акваториям и содержащую участки пограничной зоны; при этом типология приграничья может строиться по «старым / новым» границам, географическому типу границы и уровням приграничности (что важно для последующей дифференциации инструментов развития). Нами приграничность операционализируется через два наблюдаемых параметра: протяженность государственной границы в пределах субъекта РФ и наличие пунктов пропуска, которые отражают проницаемость границы и фактическую возможность трансграничных потоков.

Разработанный алгоритм (см. табл. 2.8) задает целостную структуру доказательного анализа, в которой табличное представление количественных данных, их последующая индексная интерпретация в форме диаграмм и дальнейшее сведение в аналитические матрицы образуют единую систему обоснования выводов о факторах, ограничениях и драйверах развития приграничных территорий Российской Федерации. Тем самым появляется возможность перейти от констатации динамики к выделению точек приложения институтов развития и к последующей увязке с институциональными показателями (СИМПР) и пригранично-институциональными коэффициентами.

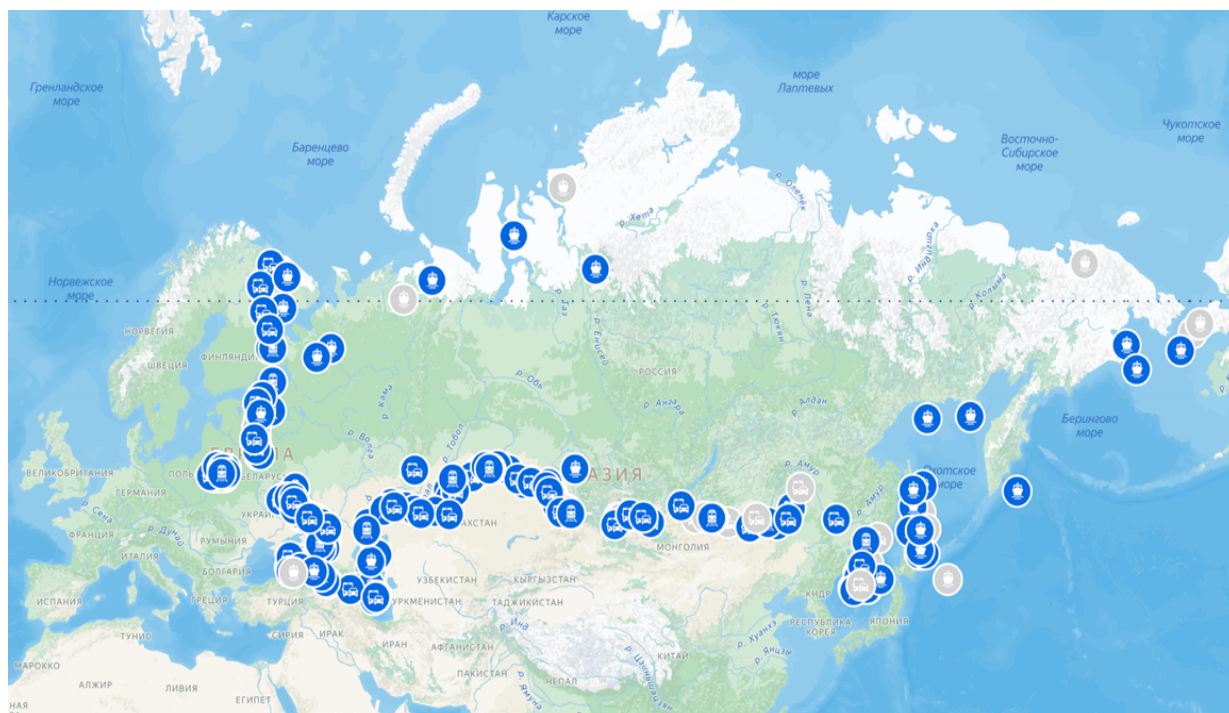
Таблица 2.8 – Этапы сравнительной диагностики приграничных территорий для настройки институтов развития

Этап	Содержание (вход)	Результат (выход)
1	Формирование набора показателей и временных рядов (Росстат)	Единая база данных по регионам / округам
2	Приведение показателей к сопоставимому виду (индексы, темпы, на душу населения)	Сопоставимые динамические ряды
3	Расчет изменений и построение графиков (индекс 2015=100 или актуализированный профиль 2023/2024 гг.)	Визуализация трендов и различий
4	Сводная интерпретация и выявление ограничений / драйверов приграничного развития	Матрица сильных / слабых сторон и выводы
Примечание – Составлено автором.		

Анализ пространственного распределения пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации (см. рис. 2.4) позволяет выявить выраженную территориальную неоднородность пограничной инфраструктуры. По актуальному перечню Минтранса России по состоянию на сентябрь 2025 г. учтено 314 пунктов пропуска: автомобильные (107), воздушные (84), железнодорожные (57), морские (55), смешанные (7), речные (3) и пешеходный (1)¹. Перечень используется для актуализации количества объектов; фактический статус функционирования каждого пункта требует отдельной верификации по каталогу ФГКУ «Росгранстрой». Пространственный анализ карты показывает, что наибольшая концентрация пунктов пропуска характерна для западного и юго-западного направлений – границ с государствами Европы, Закавказья и Центральной Азии, что отражает исторически сложившуюся плотность экономических, миграционных и транспортных связей и высокий уровень хозяйственного освоения этих территорий. На северных и арктических рубежах России, как и на значительной части восточной границы, пункты пропуска расположены на больших расстояниях друг от друга. Существенную долю здесь составляют морские и специализированные объекты. Особенности размещения пограничной инфраструктуры связаны с природно-климатическими условиями, низкой плотностью населения и ограниченной транспортной доступностью приграничных территорий.

¹Минтранс России. Перечень пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации // Официальный сайт : ФГКУ Росгранстрой. URL: <https://rosgranstroy.ru/checkpoints?ysclid=msf3ocx1db212407526> (дата обращения: 10.09.2025).

В таблицах 2.9–2.15 для анализа используется количество действующих пунктов пропуска без учета воздушных объектов. Сведения об их числе сформированы по каталогу ФГКУ «Росгранстрой».

Примечание – Составлено автором по: Минтранс России. Перечень пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации // Офиц. сайт : ФГКУ Росгранстрой. URL: <https://rosgranstroy.ru/checkpoints?ysclid=msf3ocx1db212407526> (дата обращения: 10.09.2025).

Рисунок 2.4 – Пункты пропуска на территории Российской Федерации

Карта и схема расположения пунктов пропуска хорошо показывают, что в разных регионах пограничная инфраструктура развивается неравномерно. На их размещение влияют сразу несколько факторов: уровень социально-экономического развития территории, интенсивность международных контактов и природно-географические условия. Если учитывать эти различия между территориями, можно точнее оценивать транспортно-логистический потенциал приграничных регионов и более обоснованно выбирать направления развития пограничной инфраструктуры.

В Дальневосточном федеральном округе обеспеченность границы пунктами пропуска заметно различается от региона к региону (см. табл. 2.9). В Хабаровском крае на один действующий пункт пропуска приходится примерно 120 км границы, то есть инфраструктура пересечения здесь развита сравнительно плотно. В Забайкальском крае этот показатель достигает около 322 км. Чем больше расстояние между пунктами пропуска, тем сложнее добираться

до границы, а логистические и транзакционные издержки могут увеличиваться. Из-за таких внутренних различий в округе складываются разные условия для внешнеэкономической деятельности.

Таблица 2.9 – Дальневосточный федеральный округ: протяженность границы и действующие пункты пропуска

Субъект Российской Федерации	Протяженность государственной границы, км	Количество действующих пунктов пропуска без учета воздушных, ед.	Плотность действующих пунктов пропуска, км границы на 1 пункт пропуска
Приморский край	~3000	12	~250
Хабаровский край	~600	5	~120
Амурская область	>1230	4	~308
Еврейская автономная область	~600	2	~300
Республика Бурятия	~1214	3	~405
Забайкальский край	~1930	6	~322
Чукотский автономный округ	–	3	–
Примечание – Составлено автором на основе: данных ФГКУ «Росгранстрой». Пункты пропуска // Росгранстрой. URL: https://www.rosgranstroy.ru/checkpoints (дата обращения: 22.06.2025).			

В Северо-Кавказском федеральном округе действующие пункты пропуска сосредоточены преимущественно в Республике Дагестан и Республике Северная Осетия Алания. В Дагестане функционируют четыре пункта пропуска без учета воздушных объектов, в Северной Осетии–Алании два. В остальных субъектах, включенных в таблицу 2.10, действующие пункты пропуска отсутствуют. Территориальная концентрация инфраструктуры пересечения границы формирует существенные различия в доступности внешних связей и требует учета региональной специфики при выборе инструментов развития.

Таблица 2.10 – Северо-Кавказский федеральный округ: протяженность границы и действующие пункты пропуска

Субъект Российской Федерации	Протяженность государственной границы, км	Количество действующих пунктов пропуска без учета воздушных, ед.	Плотность действующих пунктов пропуска, км границы на 1 пункт пропуска
Республика Дагестан	~531	4	~133
Чеченская Республика	~84	0	–
Республика Ингушетия	~47	0	–
Республика Северная Осетия – Алания	~92	2	~46

Субъект Российской Федерации	Протяженность государственной границы, км	Количество действующих пунктов пропуска без учета воздушных, ед.	Плотность действующих пунктов пропуска, км границы на 1 пункт пропуска
Кабардино-Балкарская Республика	~120	0	—
Карачаево-Черкесская Республика	~40	0	—

Примечание – Составлено автором на основе: данных ФГКУ «Росгранстрой». Пункты пропуска // Росгранстрой. URL: <https://www.rosgranstroy.ru/checkpoints> (дата обращения: 22.06.2025).

Наиболее разреженная конфигурация действующей инфраструктуры в Южном федеральном округе характерна для Астраханской области (~146 км на один действующий пункт пропуска при протяженности границы около 730 км и наличии 5 действующих пунктов пропуска). Параметры используются для настройки инфраструктурных и организационно-управленческих инструментов институтов развития (см. табл. 2.11).

Таблица 2.11 – Южный федеральный округ: протяженность границы и действующие пункты пропуска

Субъект Российской Федерации	Протяженность государственной границы, км	Количество действующих пунктов пропуска без учета воздушных, ед.	Плотность действующих пунктов пропуска, км границы на 1 пункт пропуска
Республика Калмыкия	—	0	—
Волгоградская область	~260	2	~130
Краснодарский край	~250	11	~23
Астраханская область	~730	5	~146

Примечание – Составлено автором на основе: данных ФГКУ «Росгранстрой». Пункты пропуска // Росгранстрой. URL: <https://www.rosgranstroy.ru/checkpoints> (дата обращения: 22.06.2025).

По таблице 2.12 фиксируется дифференциация инфраструктурной обеспеченности границы в Северо-Западном федеральном округе. Без учета воздушных объектов в Калининградской области функционируют 9 пунктов пропуска, в Ленинградской области 11, в Псковской области 8, в Мурманской области 4, в Республике Карелия 7. Показатель километров государственной границы на один действующий пункт пропуска используется как индикатор плотности функционирующей инфраструктуры пересечения границы.

Таблица 2.12 – Северо-Западный федеральный округ: протяженность границы и действующие пункты пропуска

Субъект Российской Федерации	Протяженность государственной границы, км	Количество действующих пунктов пропуска без учета воздушных, ед.	Плотность действующих пунктов пропуска, км границы на 1 пункт пропуска
Калининградская область	~330	9	~37
Ленинградская область	~500	11	~45
Псковская область	~600	8	~75
Мурманская область	~510	4	~128
Республика Карелия	~800	7	~114
Примечание – Составлено автором на основе: данных ФГКУ «Росгранстрой». Пункты пропуска // Росгранстрой. URL: https://www.rosgranstroy.ru/checkpoints (дата обращения: 22.06.2025).			

В Уральском федеральном округе вся пограничная инфраструктура сосредоточена на рубеже с Казахстаном и приходится на Курганскую, Тюменскую и Челябинскую области (см. табл. 2.13). Размещение пунктов пропуска во многом определяется тем, насколько развиты транспортные связи и как территория включена в межрегиональные коридоры. Там, где транспортная нагрузка выше, пункты пропуска стоят чаще, поэтому на один объект приходится меньше километров границы. Для УФО по-прежнему основным остается сухопутный формат приграничного взаимодействия, который опирается на автомобильные и железнодорожные линии. В Тюменской области действуют только автомобильные пункты пропуска, что показывает доминирование автодорожных маршрутов. В Курганской и Челябинской областях есть и автомобильные, и железнодорожные пункты пропуска. Такое сочетание двух типов инфраструктуры расширяет возможности для перевозки грузов, поддержания межрегиональных связей и включения территорий в логистические цепочки.

Таблица 2.13 – Уральский федеральный округ: протяженность границы и действующие пункты пропуска

Субъект Российской Федерации	Протяженность государственной границы, км	Количество действующих пунктов пропуска без учета воздушных, ед.	Плотность действующих пунктов пропуска, км границы на 1 пункт пропуска
Курганская область	~740	4	~185
Тюменская область	~200	2	~100
Челябинская область	~1300	6	~217
Примечание – Составлено автором на основе: данных ФГКУ «Росгранстрой». Пункты пропуска // Росгранстрой. URL: https://www.rosgranstroy.ru/checkpoints (дата обращения: 22.06.2025).			

В Сибирском федеральном округе Российская Федерация взаимодействует с рядом приграничных государств, которые выступают стратегическими партнерами и помогают благоприятному развитию границы в меру своей территориальной развитости (см. табл. 2.14). Число действующих пунктов пропуска определяется протяженностью границы и уровнем транспортной освоенности. Большая часть приграничной территории на рассматриваемом направлении сталкивается с дефицитом логистических центров и развитости инфраструктурных объектов.

Таблица 2.14 – Сибирский федеральный округ: протяженность границы и действующие пункты пропуска

Субъект Российской Федерации	Протяженность государственной границы, км	Количество действующих пунктов пропуска без учета воздушных, ед.	Плотность действующих пунктов пропуска, км границы на 1 пункт пропуска
Алтайский край	~850	6	~142
Новосибирская область	~300	3	~100
Омская область	~1000	5	~200
Республика Алтай	~1000	4	~250
Республика Тыва	~1300	2	~650
Примечание – Составлено автором на основе: данных ФГКУ «Росгранстрой». Пункты пропуска // Росгранстрой. URL: https://www.rosgranstroy.ru/checkpoints (дата обращения: 22.06.2025).			

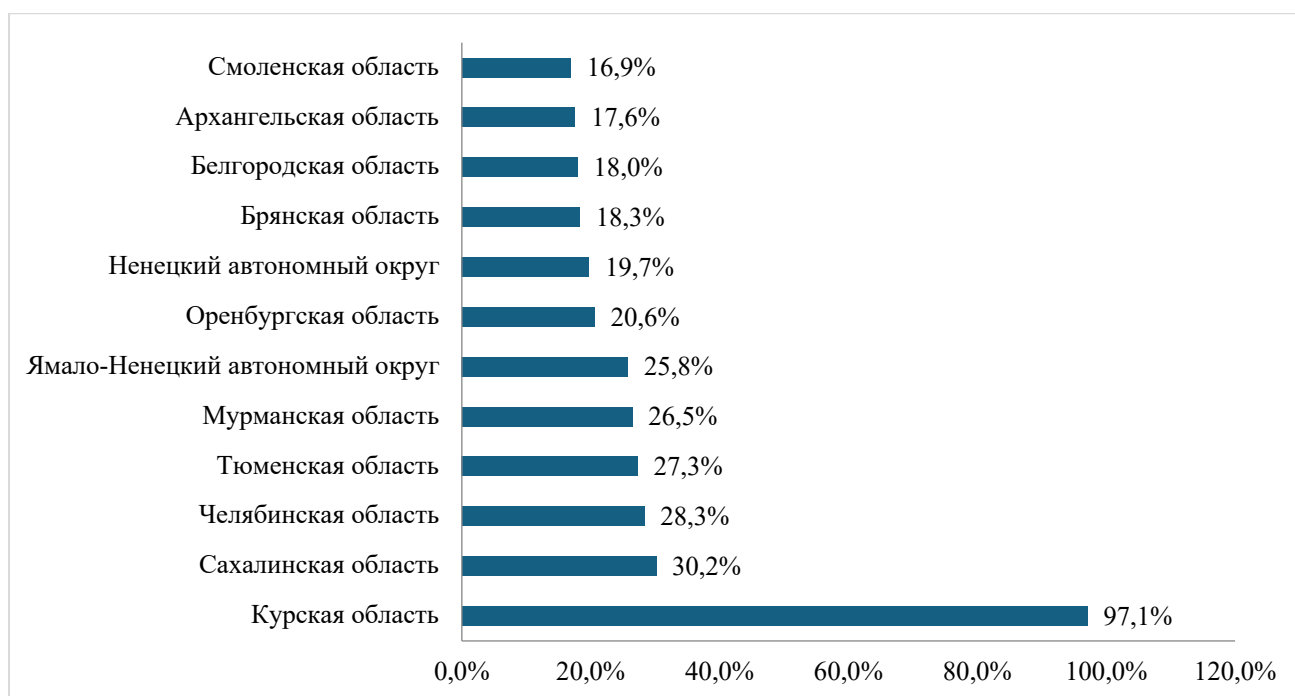
В Центральном Федеральном округе (см. табл. 2.15) приграничная инфраструктура формируется по украинскому и белорусскому направлениям. В современной политической обстановке большинству приграничных территорий приходится сталкиваться с негативными последствиями приграничного положения. Смоленская область ощущает наименьшую долю влияния за счет приграничного положения с Республикой Беларусь, которая выступает торговым партнером и союзным государством.

Таблица 2.15 – Центральный федеральный округ: протяженность границы и действующие пункты пропуска

Субъект Российской Федерации	Протяженность государственной границы, км	Количество действующих пунктов пропуска без учета воздушных, ед.	Плотность действующих пунктов пропуска, км границы на 1 пункт пропуска
Белгородская область	~540	5	~108
Брянская область	~400	4	~100
Курская область	~245	3	~82
Смоленская область	~330	4	~83

Примечание – Составлено автором на основе: данных ФГКУ «Росгранстрой». Пункты пропуска // Росгранстрой. URL: <https://www.rosgranstroy.ru/checkpoints> (дата обращения: 22.06.2025).

Динамика дефицита отражает изменения в состоянии региональных финансов и дает возможность оценить их связь с функционированием пограничной инфраструктуры и ограничениями социально-экономического развития. По результатам проведенного анализа 12 приграничных субъектов (см. рис. 2.5), отобранных по максимальному значению показателя «дефицит к доходам», можно проследить концентрацию фискального напряжения в территориях, где одновременно проявляются снижение или волатильность собственной доходной базы и рост обязательных расходов, связанных с обеспечением функционирования приграничного контура. Высокая доля дефицита в доходах региональных бюджетов отражает несоответствие между текущими расходными

Примечание – Составлено автором на основе: таблицы А.1, приложение А.

Рисунок 2.5 – Бюджетные ограничения, пункты пропуска и направления настройки институтов развития в приграничных регионах

обязательствами и объемом ресурсов, формируемых экономической активностью территории. Для приграничных субъектов причины такого дисбаланса нередко связаны с особенностями институциональной и логистической среды. Региональные бюджеты приграничных территорий чувствительны к изменениям в работе границы. Экономическая активность вокруг пунктов пропуска во многом связана с объемом трансграничных перевозок. Через нее формируется спрос на транспортные, складские, ремонтные, страховые и другие сопутствующие услуги. Если пропускная способность снижается или отдельные направления перестают использоваться, часть потоков уходит на другие маршруты. Для региона это означает сокращение оборотов бизнеса и уменьшение связанных с ними бюджетных поступлений. Одновременно могут возрастать расходы на инфраструктуру и обеспечение работы приграничной территории.

Состояние региональных финансов во многом зависит от работы приграничной инфраструктуры. Изменение маршрутов, снижение пропускной способности и более жесткие требования к контролю отражаются на движении людей и грузов. Вместе с потоками меняется деловая активность в торговле,

транспорте, складском хозяйстве, ремонте и страховании. Перенос части перевозок на другие направления может сопровождаться снижением деловой активности и сокращением налоговых поступлений в бюджет приграничного региона. Дополнительные расходы возникают из-за содержания инфраструктуры, организации работы границы и необходимости решать социальные задачи приграничных территорий.

Для рассматриваемых 12 регионов соотношение бюджетного дефицита и доходов отражает влияние не только внутренней бюджетной политики, но и специфики приграничной экономики. Зависимость от трансграничной логистики при высокой доле трудно сокращаемых расходов повышает риск сохранения дефицита и роста долговой нагрузки. Бюджетное планирование целесообразно увязывать с показателями работы пунктов пропуска, включая пропускную способность, фактические потоки и устойчивость маршрутов. Государственная политика в данной сфере должна предусматривать адресные механизмы выравнивания, модернизацию пограничной инфраструктуры и регулярный мониторинг бюджетных рисков (см. Приложение А).

2.3. Точки роста и направления институционального развития приграничных территорий Российской Федерации¹

Для приграничных территории Российской Федерации характерна высокая степень зависимости от внешних экономических и институциональных условий. Положение в системе транспортных коридоров, доступ к внешним рынкам, возможность межрегионального взаимодействия и режим функционирования государственной границы, оказывают прямое воздействие на развитие приграничных территорий, и рост благосостояния населения, проживающего там. Использование регионами своих конкурентных преимуществ зачастую

¹ При работе над данным параграфом диссертации использована следующая публикация автора, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Голубцов И.А. Оценка экономических интересов участников инвестиционного и инновационного процессов // Экономика устойчивого развития. 2025. № 1 (61). С. 64-69.

ограничивается требованиями к безопасности, нестабильной политической обстановкой, которая способствует изменению трансграничных потоков и правилам пограничного и таможенного регулирования.

Точки роста формируются на территориях, где уже есть основа для дальнейшего развития. Государственная и институциональная поддержка лишь дополняют благоприятный экономический эффект и помогают эффективнее использовать имеющиеся на территории точки роста. Этот экономический эффект способствует привлечению новых инвесторов, появлению новых производств и улучшению логистики на прилегающей к предприятию территории. Точка роста, как правило, не создается с нуля, она формируется на базе уже существующего потенциала территории. При поиске точки роста на приграничных территориях необходимо рассматривать регион не только как звено национальной экономической системы, но и учитывать интересы приграничных территорий, что способствует выходу на новые рынки, привлечению инвестиций в регион и развитию прилегающих территорий внутри самой страны. Отдельного внимания требуют условия для ведения бизнеса и привлечению инфраструктурных проектов. Особые экономические льготы и преференции способствуют привлечению большего числа инвесторов, а особый экономический статус территории позволяет привлекать инвесторов далеко за пределами рассматриваемого региона.

Часть организационных вопросов может решаться через единое окно и цифровые сервисы. Следовательно, институциональная архитектура выступает медиатором между потенциальной конкурентоспособностью приграничной территории и ее фактической траекторией развития.

Институциональная система поддержки развития приграничных регионов в современной практике имеет многоуровневую структуру (см. табл. 2.16). На федеральном уровне она задается профильными ведомствами и институтами развития, обеспечивающими проектное финансирование, субсидирование процентных ставок, экспортную поддержку и страхование рисков (в том числе через инструменты проектного финансирования, промышленного и экспортного

контуров). На региональном уровне в большинстве субъектов функционируют специализированные инвестиционные агентства или корпорации развития, центры поддержки предпринимательства (в частности, инфраструктура «Мой бизнес»), гарантийные и микрофинансовые организации, региональные фонды развития промышленности. Для части приграничных субъектов дополнительно действуют особые режимы хозяйствования (ОЭЗ, территории опережающего развития, свободные порты и иные специальные правовые режимы), которые формируют «институциональные окна возможностей» за счет сочетания налоговых преференций, таможенных процедур и ускоренного подключения к инфраструктуре.

Таблица 2.16 – Институциональный ландшафт поддержки развития приграничных территорий (обобщение автора)

Уровень	Ключевые институты (примеры)	Доминирующие инструменты	Ожидаемый эффект для приграничья
Федеральный	Минэкономразвития РФ; Минтранс РФ; ФТС России; Ространсстрой; ВЭБ.РФ; Фонд развития промышленности; Корпорация МСП / МСП Банк; Российский экспортный центр (РЭЦ).	Проектное финансирование и гарантии; субсидии / льготные займы; поддержка экспорта и страхование рисков; модернизация инфраструктуры и пунктов пропуска.	Снижение стоимости капитала и рисков; рост пропускной способности и предсказуемости цепей поставок; расширение доступа к рынкам.
Региональный	Корпорации развития / инвестицентства; центры "Мой бизнес"; региональные фонды поддержки предпринимательства; региональные ФРП; гарантийные фонды и МФО.	Сопровождение проектов (one-stop shop); подбор площадок и мер поддержки; льготное финансирование МСП; инфраструктурная подготовка индустриальных площадок.	Ускорение запуска проектов; снижение административной нагрузки; локализация цепочек создания стоимости.
Муниципальный	Муниципальные проектные офисы; индустриальные парки и промплощадки; МФЦ / центры услуг для бизнеса.	Подготовка земельно-имущественных решений; подключение к сетям; локальные сервисы для инвестора; сопровождение разрешительных процедур.	Сокращение сроков предпроектной стадии; повышение качества локальной бизнес-среды.

Уровень	Ключевые институты (примеры)	Доминирующие инструменты	Ожидаемый эффект для приграничья
Специальные режимы	Особые экономические зоны (ОЭЗ); территории опережающего развития (ТОР); Свободный порт Владивосток (СПВ); режимы Арктической зоны; специальные экономические режимы отдельных территорий.	Налоговые и таможенные преференции; облегчение регуляторных процедур; инфраструктурное подключение по приоритету; требования к локализации.	Повышение инвестиционной привлекательности; создание кластеров; импортозамещение и экспортная диверсификация.
Кооперационные контуры	Логистические операторы; РЖД / портовые администрации; институты ГЧП; научно-образовательные центры и технопарки.	Инвестиции в логистику и мультимодальность; ГЧП по инфраструктуре; подготовка кадров и технологические сервисы; стандартизация качества.	Снижение издержек перемещения; технологическое обновление; удержание человеческого капитала.
Примечание – Составлено автором.			

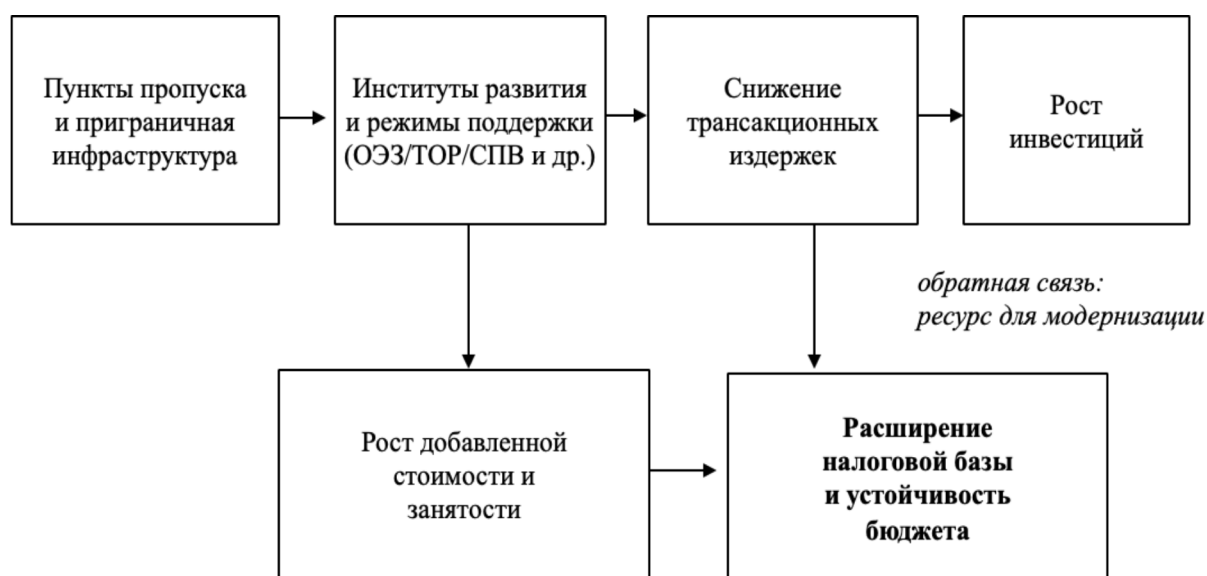
Анализ факторов, препятствующих развитию приграничных регионов, позволяет выделить несколько устойчивых блоков ограничений (см. табл. 2.17). Приграничные регионы сильно зависят от внешней обстановки. Санкции, рост стоимости заемных средств и общая неопределенность делают долгосрочные проекты менее привлекательными для бизнеса. Компании чаще выбирают более короткие и осторожные стратегии. Много зависит и от того, как работает сама граница. Очереди, нехватка складов и таможенной инфраструктуры, слабая связь разных видов транспорта и несогласованные цифровые системы увеличивают издержки и усложняют экспорт. В части регионов сохраняется нехватка кадров, сокращается население и медленно обновляется технологическая база. Работу инвесторов дополнительно усложняет несогласованность мер поддержки. Разные сроки, требования и условия увеличивают административную нагрузку, а также снижают эффект от предоставляемых инструментов.

Таблица 2.17 – Барьеры развития приграничных территорий и институциональные механизмы их преодоления (обобщение автора)

Блок ограничений	Как проявляется	Институциональный ответ	Ключевые исполнители
Геоэкономический риск и неопределенность	Рост премии за риск, удорожание капитала, сокращение горизонта планирования.	Гарантийные и страховые инструменты; проектное финансирование; приоритизация проектов по мультипликативному эффекту.	ВЭБ.РФ; Корпорация МСП; региональные гарантийные фонды; Минэкономразвития РФ.
Ограничения пропускной способности и качества инфраструктуры	Очереди и задержки; низкая мультимодальность; дефицит складских / таможенных мощностей.	Модернизация ПП и подъездных путей; цифровое предварительное декларирование и управление потоками; развитие индустриально-логистических парков.	Росгранстрой; ФТС; Минтранс РФ; регион; концессионеры / ГЧП.
Дефицит кадров и демографические ограничения	Недостаток квалифицированных специалистов; низкая инновационная емкость.	Программы подготовки кадров под проекты; НОЦ и технопарки; привлечение компетенций через межрегиональную кооперацию.	Минобрнауки РФ; региональные вузы; НОЦ; работодатели; институты занятости.
Институциональная фрагментация и избыточная административная нагрузка	Несогласованность мер поддержки; множественность требований; высокие транзакционные издержки.	Единое окно и цифровой кабинет инвестора; регламентирование "пути инвестора"; унификация требований к получателям поддержки.	Региональная корпорация развития / инвестигентство; Минэкономразвития РФ; МФЦ.
Узость производственной базы и зависимость от сырьевых доходов	Низкая глубина переработки; слабая диверсификация; волатильность доходов.	Кластеризация и развитие переработки; инструменты ФРП; поддержка экспорта и стандартизации; стимулирование МСП-кооперации.	ФРП; РЭЦ; региональный ФРП; отраслевые министерства; корпорации развития.
Примечание – Составлено автором.			

Одновременно приграничное положение порождает специфические стимулы роста. Прежде всего, это эффект «коридоров» – включенность в международные транспортные маршруты и евразийскую кооперацию, что стимулирует развитие логистики, складирования, сервисов внешней торговли, промышленной локализации вблизи транспортных узлов.

Существенным драйвером выступает ресурсная и аграрная специализация ряда субъектов, позволяющая формировать цепочки глубокой переработки и экспортные продуктовые ниши при условии развития сертификации, инфраструктуры хранения и логистики. Для северных и дальневосточных приграничных территорий дополнительным стимулом выступает арктическая и тихоокеанская повестка, предполагающая развитие портов, судоремонта, добывающих проектов и сервисной инфраструктуры, формирование компетенций в сфере энергетики и машиностроения для сложных природно-климатических условий. Таким образом, стимулирующие факторы имеют как «пространственную» (коридоры), так и «отраслевую» (специализация) природу (см. рис. 2.6).

Примечание – Составлено автором.

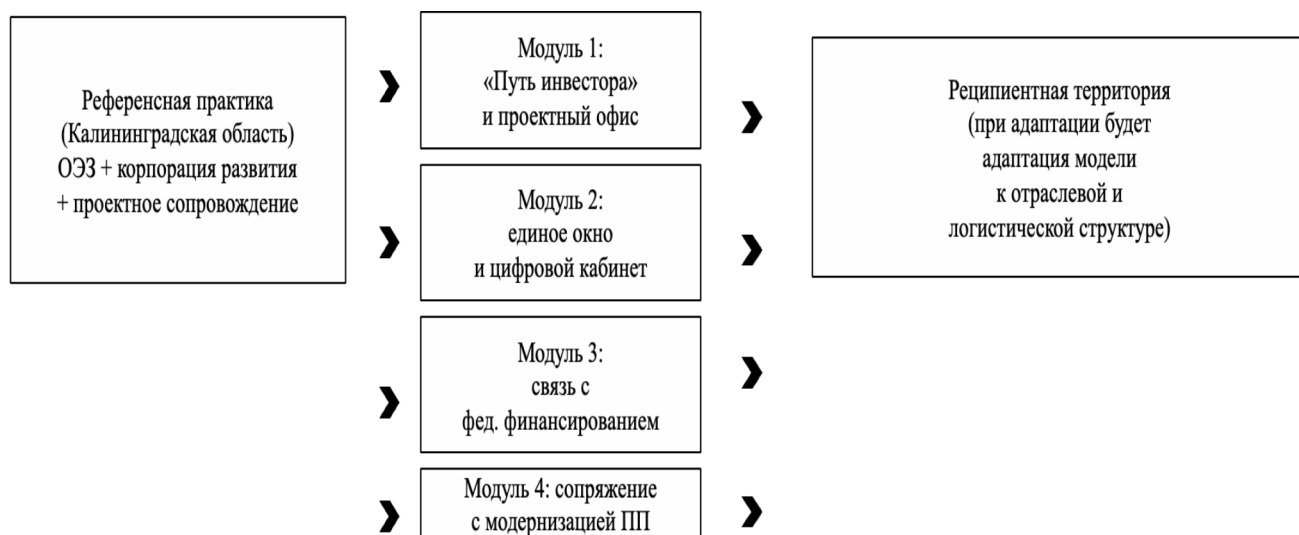
Рисунок 2.6 – Формирование точек роста как объектов адресного воздействия институтов развития в приграничных территориях

Калининградская область представляет интерес для сопоставления институциональных практик развития приграничных территорий. Активное участие в развитие территории оказывает корпорация развития, которая способствует подготовке проектов, их сопровождению и активно взаимодействует с инвесторами, облегчает реализацию и особая экономическая зона, расположенная в пределах области.

Калининградская область показывает, как организация работы с инвесторами влияет на эффективность институтов развития. Проектный офис подключается к проекту уже на этапе подготовки. Специалисты помогают подобрать земельный участок и решить вопрос с подключением к сетям. Затем сопровождают согласования и помогают выбрать доступные меры поддержки. Сотрудничество региона с федеральными институтами развития расширяет возможности финансирования проектов. Инвесторы получают доступ к льготным займам и гарантийным инструментам. Для приграничного региона большое значение имеет состояние логистики. Работа пунктов пропуска и подъездной инфраструктуры напрямую влияет на издержки бизнеса. С учетом их приграничных регионов, можно использовать опыт Калининградской области. Отдельные решения требуют адаптации к структуре экономики и состоянию инфраструктуры. Речь идет о сопровождении инвестора, цифровых сервисах и работе по принципу одного окна.

На практике реализация модели сводится к координации сразу нескольких участников. Это федеральные институты развития, отраслевые фонды, организации экспортной поддержки и управляющие компании территорий с особыми режимами хозяйственной деятельности. Первые занимаются проектным финансированием и гарантиями. Отраслевые фонды кредитуют промышленность на льготных условиях и помогают с обновлением технологий. Экспортные структуры отвечают за сертификацию, страхование рисков и организацию логистики. Управляющие компании ОЭЗ, ТОР, СПВ и СЭЗ, в свою очередь, готовят инфраструктуру и следят за применением регуляторных преференций. Повышение пропускной способности и технологической

оснащенности пунктов пропуска требует согласования региональных инвестиционных программ с деятельностью федеральных операторов и ведомств, отвечающих за развитие пограничной инфраструктуры и проведение контрольных процедур (см. рис. 2.7).

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 2.7 – Модель тиражирования лучшей институциональной практики (Калининградская область) в иные приграничные территории

Представленный на рисунке 2.8 контур проектного сопровождения фиксирует управленческую логику институциональной сборки приграничного развития: от первичного выявления инвестиционного интереса и снятия регуляторных барьеров до сопряжения инфраструктурных решений с режимами поддержки и механизмами софинансирования. Вместе с тем для экономической интерпретации полученных результатов недостаточно описания последовательности процедур и компетенций участников; требуется переход к анализу того, каким образом данная институциональная архитектура трансформируется в измеримые эффекты - расширение налоговой базы, снижение бюджетных рисков и повышение устойчивости региональных финансов.

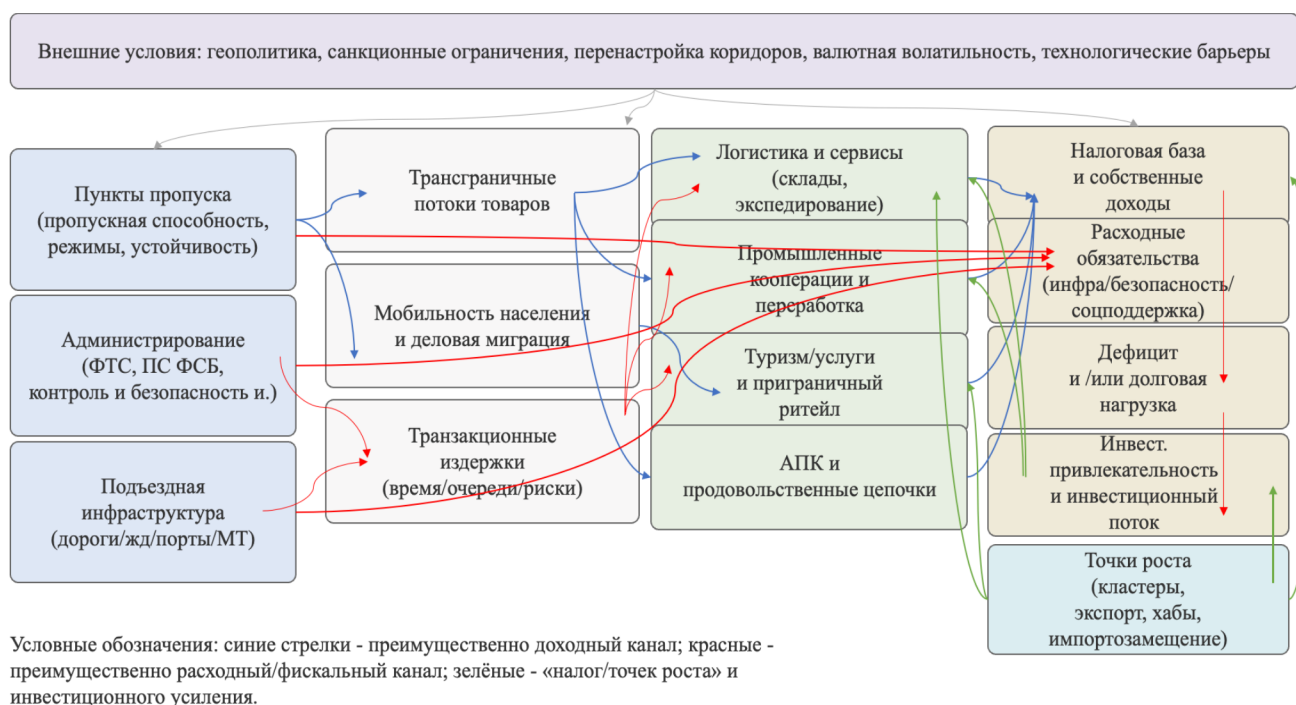

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 2.8 – Контур проектного сопровождения и сопряжения институтов развития с модернизацией пунктов пропуска

Работа пунктов пропуска напрямую связана с экономическими процессами в приграничных регионах. Условия пересечения границы влияют на поведение бизнеса, направление грузовых потоков и финансовые результаты предприятий. Через эти изменения пограничная инфраструктура отражается и на состоянии региональных финансов, поскольку затрагивает доходную базу и уровень обязательных расходов субъектов Российской Федерации (см. рис. 2.9).

Полученные автором в ходе исследования результаты позволяют говорить о том, что наличие пунктов пропуска при соответствующих режимах функционирования, способствует развитию приграничных территорий. Развитые логистические коридоры со свободным пересечением государственной границы соседнего государства приносят в прилегающие территории рост торгового оборота и укрепление логистических маршрутов. Экономическая нестабильность большинства приграничных территорий Российской Федерации связана с нестабильной политической ситуацией в сопредельных государствах. Отрицательный экономический рост, закрытие границы и торговые войны мешают функционированию пунктов пропуска и негативно сказываются на их развитии и укреплении. Стоит не забывать региональную неоднородность территорий

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 2.9 – Модель воздействия пограничной инфраструктуры и трансграничных потоков на формирование точек роста приграничных территорий

Модель отражает связь между параметрами работы пунктов пропуска, трансграничными потоками и экономическими результатами приграничных регионов (см. рис. 2.9). Автор схематически отражает, как инфраструктурные и административные условия влияют на логистику, показатели бюджета в регионе и последующего формирования точек роста.

Типология точек роста, сформированная автором на рисунке 2.10, отражает какие инструменты институтов развития подходят для разных типов точек роста и к каким бюджетным результатам должна приводить их настройка. Слева отражены основные типы точек роста, а справа каждому типу сопоставлены меры поддержки, включая особые режимы, инфраструктурное финансирование и др. Одельным фрагментом изображена необходимость увязки этих мер с модернизацией приграничной инфраструктуры. Автор обращает внимание, что набор мер поддержки должен зависеть от специализации территории и конкретной точки роста, а не применяться одинаково ко всем регионам.

Типология точек роста в приграничных регионах

(логика сопоставления: "точка роста" -> "инструмент" -> "бюджетный эффект")

Пакет инструментов институтов развития и режимов поддержки

Примечание – Стрелочные связи отражают (не исключительные) траектории сопряжения инструментов и типов точек роста. Составлено автором.

Рисунок 2.10 – Типология точек роста в приграничных регионах и сопряжение с инструментами институтов развития и режимами поддержки

Для каждого приграничного региона определены действующие институты развития, существующие и возможные точки роста. Основная задача этих мер заключается в снижении транзакционных издержек. Результаты представлены в таблице Б.1 (см. Приложение Б). Сравнение механизмов по регионам помогает проследить и выявить различия между их спецификацией. Выбор мер государственной поддержки должен происходить с учетом особенностей каждой территории.

Выводы по второй главе:

1. Автором разработана методика оценки приграничных экономических отношений, а также проанализированы основные пространственные и инфраструктурные характеристики территорий. Выделены положительные

и отрицательные стороны приграничного положения регионов. Приграничность трактуется не как формальный признак, а как основа экономического благосостояния региона.

2. Операционализованы показатели приграничной экспозиции (протяженность границы, количество и плотность пунктов пропуска), позволяющие сопоставлять регионы и выявлять источники транзакционных издержек, возникающих вследствие инфраструктурных ограничений и административно-процедурных барьеров.

3. Проведена сравнительная диагностика приграничных субъектов на основе сопряженного анализа динамики ВРП, инвестиций, демографической базы и доходов населения (статистика 2020–2023 гг.), что подтвердило выраженную межрегиональную дифференциацию и необходимость типологизации регионов для последующей настройки мер поддержки.

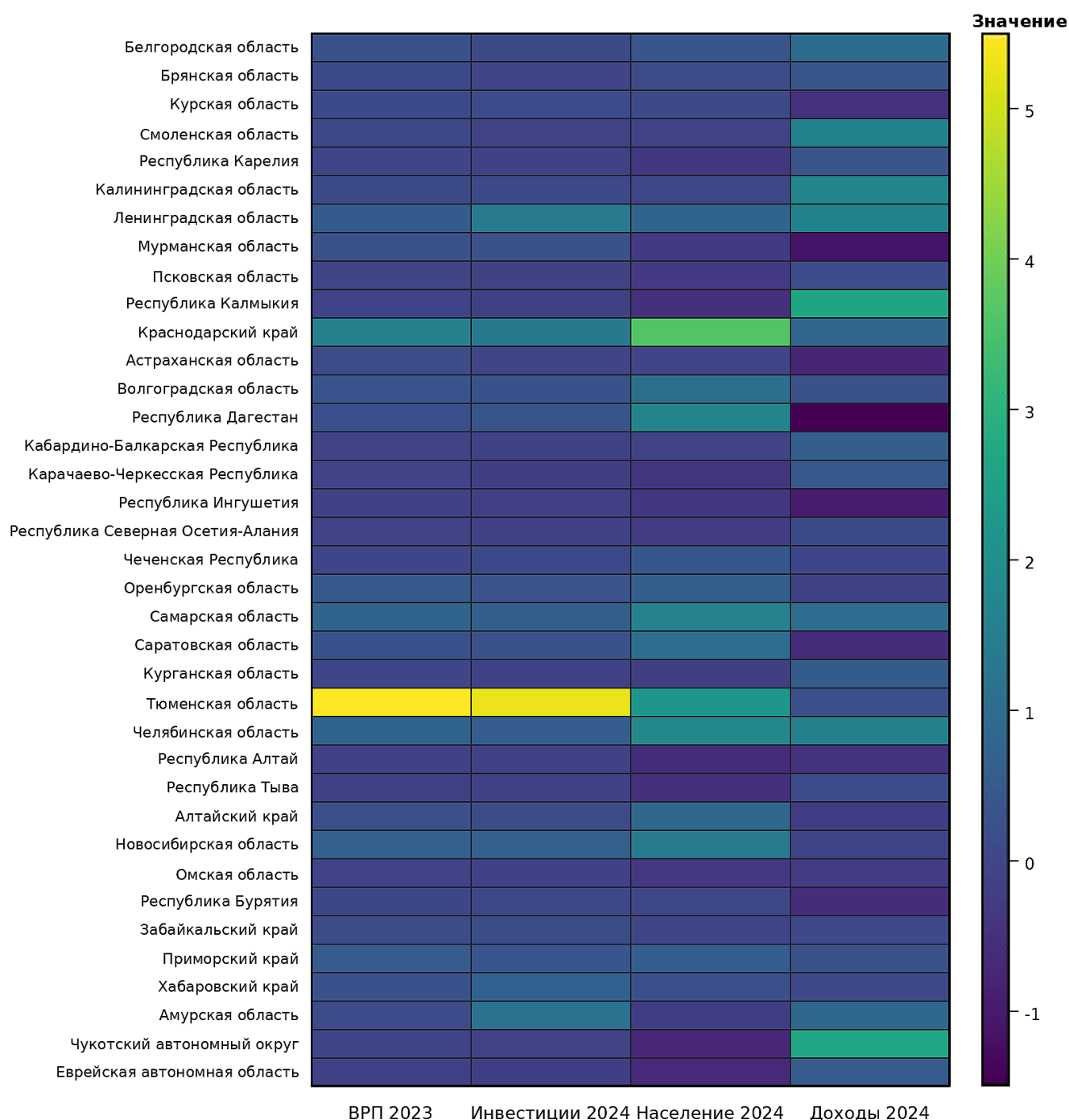
4. Сформирована прикладная процедура выявления «точек роста» как узлов ускоренного наращивания добавленной стоимости при наличии институциональной поддержки; сделан вывод о необходимости увязки приоритизации точек роста и бюджетного планирования с параметрами функционирования пунктов пропуска и логистики, чтобы предотвратить трансформацию инфраструктурных ограничений в бюджетные и социально-экономические риски.

ГЛАВА 3. ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАЗВИТИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОЦЕНКА ЕГО РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ

3.1. Социально-экономический профиль приграничных территорий как основа выбора инструментов институтов развития

Специфика приграничного развития в современной экономике Российской Федерации определяется не только пространственной близостью к внешним рынкам и наличием транзитно-логистических коридоров, но и устойчивостью воспроизводственного контура территории, который, в свою очередь, проявляется через сопряженную динамику валового регионального продукта, инвестиционной активности, демографической базы и доходов населения. В этой связи формирование адекватной конфигурации институтов развития в приграничных субъектах целесообразно рассматривать как задачу институционального дизайна, опирающуюся на эмпирическое профилирование региона и выявление его структурных ограничений и точек роста.

Тепловая карта (см. рис. 3.1) позволяет интерпретировать социально-экономическое состояние приграничных субъектов как многомерный профиль, в котором высокие значения ВРП и инвестиций не обязательно сопряжены с благоприятной динамикой доходов населения, а демографический масштаб региона, напротив, нередко усиливает требования к институциональным механизмам развития через эффект масштаба социального обеспечения. Тем самым визуализация на основе z-нормировки обеспечивает не ранжирование по одному показателю, а выявление латентных комбинаций факторов, требующих различных институциональных механизмов (инфраструктурных, инвестиционных, социальной стабилизации или структурной диверсификации).

Примечание – Составлено автором на основе: таблицы В.1, приложение В.

Рисунок 3.1 – Тепловая карта социально-экономического профиля приграничных регионов (z-нормировка, 2023/2024 гг.)

Если интерпретировать обновляемую тепловую карту через четыре показателя (см. рис. 3.1), то наиболее масштабный профиль демонстрирует Тюменская область: ВРП за 2023 г. составляет 15 947 000 млн руб., инвестиции в основной капитал за 2024 г. – 3 808 400 млн руб., численность населения – 3 890,8 тыс. чел., реальные денежные доходы – 108,0 % к предыдущему году.

Амурская область сохраняет инвестиционно-напряженный профиль: при ВРП 794 000 млн руб. объем инвестиций достигает 956 100 млн руб., что требует содержательной интерпретации крупных инфраструктурных проектов и оценки их долгосрочного эффекта.

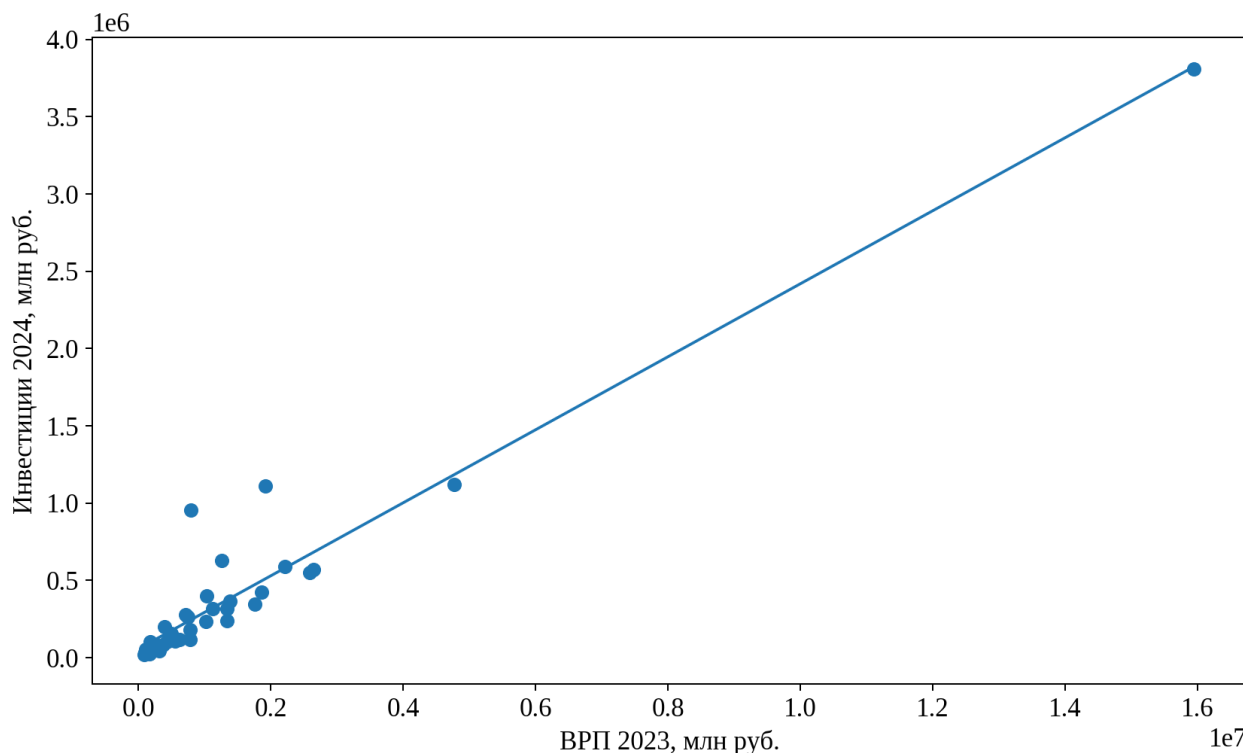
Данные таблицы 3.1 показывают, что корреляционные оценки рассчитаны по 37 приграничным субъектам Российской Федерации, для которых доступен сопоставимый статистический массив. Наиболее тесная связь сохраняется между валовым региональным продуктом и инвестициями ($r = 0,963$). Связь инвестиций с динамикой реальных денежных доходов населения оказалась слабой и составила ($r=0,04$), что говорит о необходимости оценки структуры портфеля инвестиционных проектов и институциональных условий на рассматриваемых территориях с целью выявления показателей благосостояния населения.

Таблица 3.1 – Корреляционный анализ ключевых показателей по всем приграничным регионам

Пара	Коэффициент корреляции
ВРП / Инвестиции (2023/2024)	0,96
ВРП / Население (2023/2024)	0,62
Инвестиции / Население (2024)	0,59
ВРП / Доходы (2023/2024)	0,01
Инвестиции / Доходы (2024)	0,04
Население / Доходы (2024)	-0,04
Примечание – Составлено автором на основе: таблиц Е.1-Е.17, приложение Е.	

На диаграмме (см. рис. 3.2) видно, что большинство регионов имеют сравнительно невысокие значения ВРП и инвестиций. Выбиваются из общей картины несколько крупных субъектов с более высокими показателями. Именно они заметно влияют на общий вид зависимости и делают распределение регионов неравномерным. Одновременно заметна неодинаковая инвестиционная интенсивность при близком ВРП: в зоне малых и средних значений по оси X точки располагаются с ощутимым вертикальным разбросом, что означает различия в объемах инвестиций при сопоставимом размере экономики. Наконец, визуально прослеживается признак неоднородности наблюдений (по мере роста ВРП увеличивается «амплитуда» возможных инвестиций),

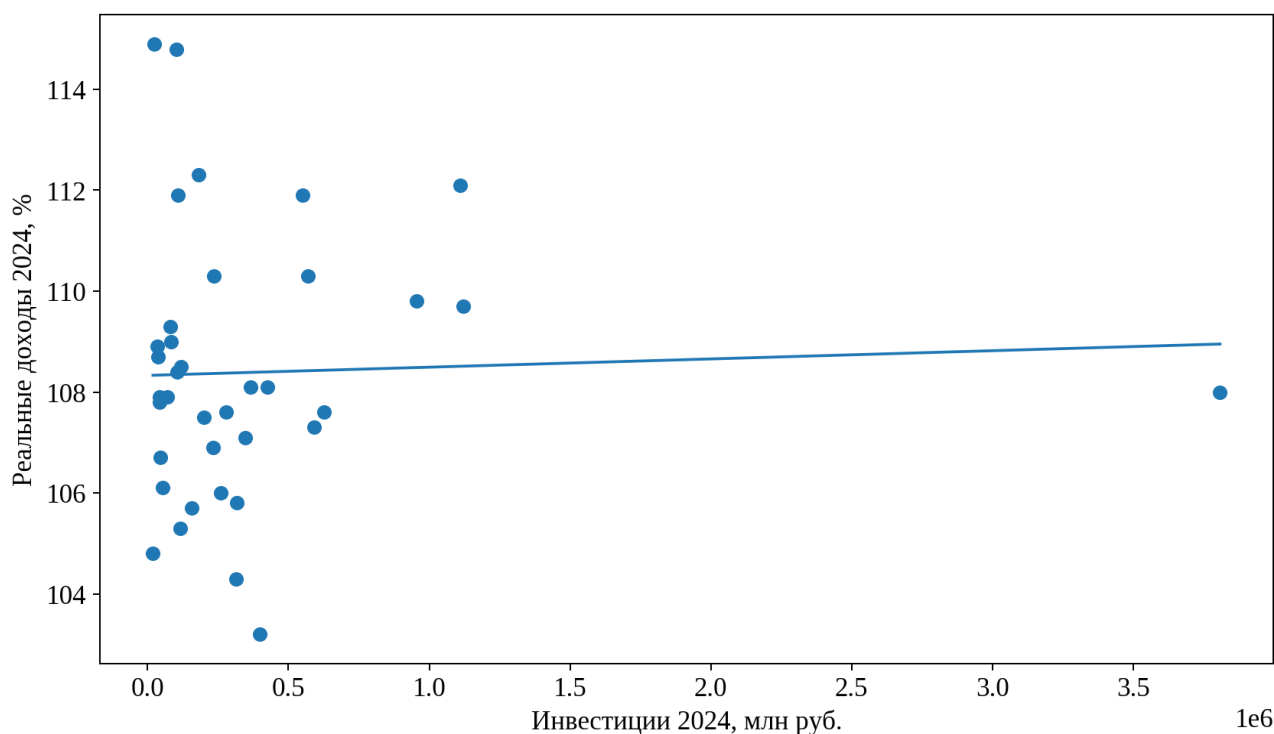
что экономически интерпретируется как расширение коридора инвестиционных сценариев у более крупных регионов за счет отраслевой структуры, проектного портфеля и доступа к инфраструктурно-финансовым ресурсам.

Примечание – Составлено автором на основе: таблиц Е.2, Е.4, Е.6, Е.8, Е.10, Е.12, Е.14 и Е.16, приложение Е.

Рисунок 3.2 – Диаграмма рассеяния: ВРП и инвестиции

Диаграмма рассеяния на рисунке 3.3 построена по инвестициям и реальным денежным доходам за 2024 г. Расчет по обновленному массиву показывает слабую положительную связь ($r = 0,089$). Это означает, что объем инвестиций сам по себе не обеспечивает автоматического роста реальных доходов населения и должен оцениваться совместно с отраслевой структурой проектов, занятостью и институциональными условиями реализации. По данным диаграммы рассеяния можно сделать вывод, что присутствуют регионы с сильно выраженной зависимостью между реальными денежными доходами и инвестициями, но в большинстве своем уровень благосостояния населения никак не влияет на наличие инфраструктурных проектов и привлечение сторонних инвестиций.

Примечание – Составлено автором на основе: таблиц Е.2, Е.4, Е.6, Е.8, Е.10, Е.12, Е.14 и Е.16, приложение Е.

Рисунок 3.3 – Диаграмма рассеяния: инвестиции и реальные денежные доходы

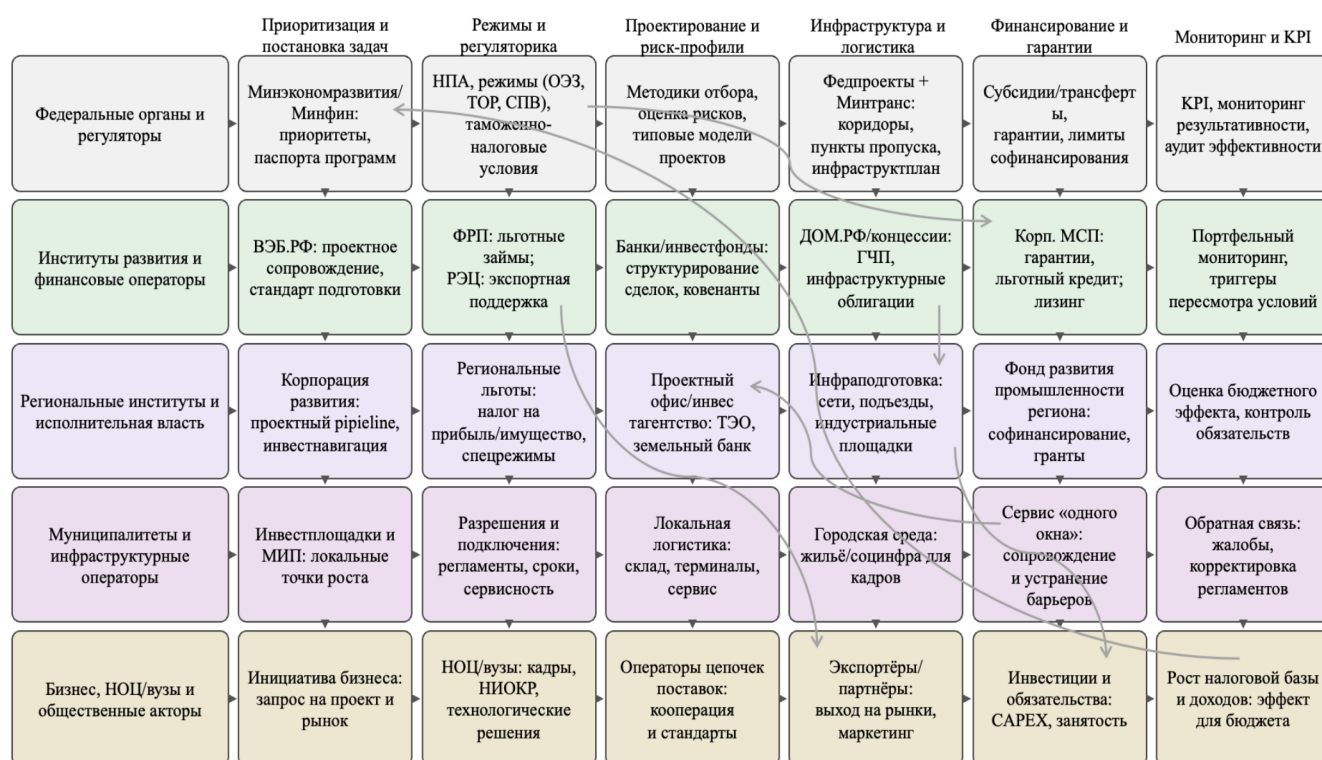
Институциональная матрица на рисунке 3.4 показывает связь между работой границы и экономическим развитием региона. От состояния пунктов пропуска, качества администрирования и безопасности зависит движение людей и грузов, приносящих региону дополнительное финансирование. Это напрямую отражается на логистике, приграничной торговле и производственной кооперации. Дальше эффект переносится на региональную экономику, где рост хозяйственной активности расширяет налоговую базу и поддерживает собственные доходы бюджета. Слабая инфраструктура и дополнительные расходы выступают барьерами для развития инвестиционной активности и тормозят приток капитала. Отдельно на схеме показаны точки роста и институты развития. Точки роста формируются там, где уже есть условия для развития экспорта, логистики и кластерных проектов. Институты развития поддерживают эти направления через специальные режимы, финансирование и специальные меры для ведения бизнеса. Внешние ограничения могут менять работу всей цепочки, поэтому меры поддержки должны учитывать состояние конкретного региона и условия функционирования границы.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 3.4 – Системная карта факторов формирования точек роста и ограничений приграничного развития

Институциональная матрица на рисунке 3.5 демонстрирует работу с инвестиционными проектами в приграничных территориях. Процесс начинается с определения приоритетов и выбора проектов, после чего решаются вопросы регулирования. Оцениваются риски и готовится необходимая инфраструктура. Следующий этап связан с привлечением финансирования и предоставлением гарантий. Завершается работа оценкой полученных результатов и корректировкой условий поддержки. Схема также отражает распределение функций между участниками. Федеральные органы задают общие правила и приоритеты, а институты развития предоставляют финансовые и нефинансовые инструменты поддержки. Региональные и муниципальные структуры готовят площадки и решают вопросы, возникшие при реализации проекта. Бизнес играет роль инициатора проектов, вкладывая собственные средства и отвечая за их практическую реализацию. Если проект не обеспечен инфраструктурой или сталкивается с административными барьерами, то недостаточно просто предоставить льготный кредит или создать специальный режим. При оценке приграничных проектов важно учитывать не только перечень инструментов поддержки, но и степень их взаимосвязанности в едином механизме управления от первоначальной инициативы до его влияния на экономику региона.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 3.5 – Институциональная матрица сопряжения федеральных и региональных механизмов поддержки социально-экономической устойчивости приграничных территорий Российской Федерации с проектным контуром развития их реализуемых и потенциальных точек роста

Данные таблицы 3.2 фиксируют выраженную неоднородность инвестиционной активности приграничных регионов ЦФО. Белгородская область характеризуется наибольшим объемом ВРП, Курская область лидирует по инвестициям в основной капитал. Брянская и Смоленская области имеют меньшие масштабы экономики и инвестиционной базы. Полученные различия подтверждают необходимость дифференцированного применения институтов развития с учетом экономической емкости, структуры инвестиционного портфеля и способности территории преобразовывать вложения в устойчивые социально-экономические результаты.

Таблица 3.2 – Показатели приграничных регионов ЦФО

Регион	ВРП 2023, млн руб.	Инвестиции 2024, млн руб.	Население 2024, тыс. чел.	Реальные доходы 2024, % к пред. году
Белгородская область	1 341 000	236 300	1 500,7	110,3
Брянская область	627 000	118 100	1 142,4	108,5

Регион	ВРП 2023, млн руб.	Инвестиции 2024, млн руб.	Население 2024, тыс. чел.	Реальные доходы 2024, % к пред. году
Курская область	748 000	260 600	1 060,9	106,0
Смоленская область	557 000	108 500	864,0	111,9
Примечание – Составлено автором: по данным таблицы В.1, приложение В.				

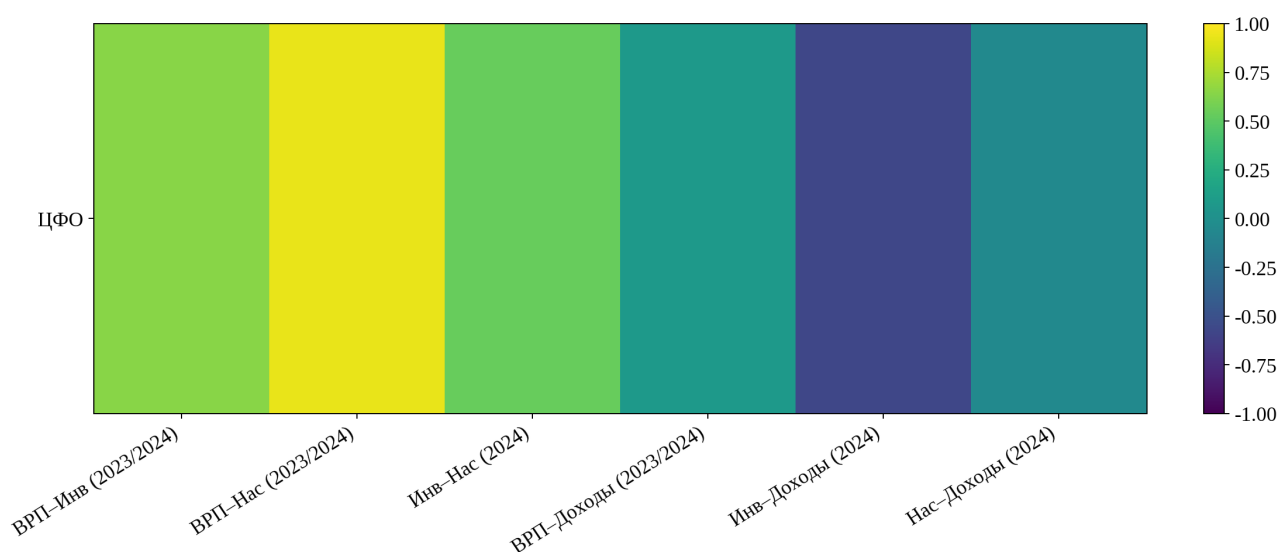
Наблюдаемая разница (см. табл. 3.3) указывает на различия в производительности и структурной насыщенности экономик, поскольку при близких географических условиях формируются неодинаковые уровни создаваемой добавленной стоимости в расчете на одного жителя. ВРП на душу населения можно использовать как ориентир для оценки финансовых и инвестиционных возможностей региона. Высокий показатель обычно означает широкую собственную доходную базу и больше возможностей участвовать в финансировании инфраструктурных и логистических проектов. Для Брянской и частично для Смоленской областей более низкие значения ВРП на душу населения означают меньший запас финансовой устойчивости. При внешних шоках это усиливает зависимость регионов от межбюджетных трансфертов и федеральных мер поддержки.

Таблица 3.3 – Ранжирование приграничных регионов ЦФО по ВРП на душу населения

Место в ФО	Регион	ВРП на душу, тыс. руб./чел.	Инвестиции на душу, тыс. руб./чел.	Класс ИЭА
1	Белгородская область	893,6	157,5	Динамично развивающиеся
2	Курская область	705,1	245,6	Динамично развивающиеся
3	Смоленская область	644,7	125,6	Динамично развивающиеся
4	Брянская область	548,8	103,4	Динамично развивающиеся
Примечание – Составлено автором на основе: таблицы 3.2 и таблицы Г.1, приложение Г.				

Корреляционный профиль ЦФО представлен на рисунке 3.6 и рассчитан по четырем приграничным субъектам Российской Федерации. Наиболее тесная связь наблюдается между ВРП и численностью населения, где $r=0,931$. Заметная положительная зависимость также выявлена между ВРП и инвестициями, где $r=0,643$. Между инвестициями и численностью населения зависимость уже

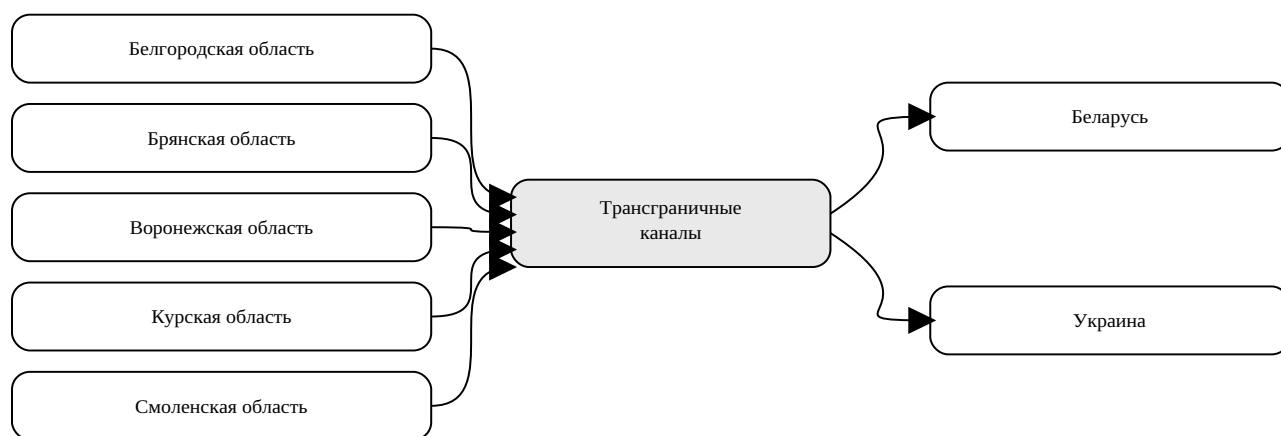
не такая прямая и составляет $r=0,533$. Эти показатели говорят о связи между масштабом региональной экономики с инвестиционной активностью и численностью населения. Связь экономических показателей с динамикой реальных доходов населения значительно слабее. Для ВРП и доходов населения коэффициент составил $r=0,084$. Население и доходы показывает отрицательную корреляцию $r=-0,048$. Более выраженная отрицательная связь наблюдается между инвестициями и доходами $r=-0,578$. Интерпретировать эти результаты на основе четырех приграничных регионов нужно крайне осторожно, ведь в масштабе экономики страны эти регионы отражают лишь малую долю анализируемой базы.

Примечание – Составлено автором на основе: таблицы 3.2 диссертации.

Рисунок 3.6 – Корреляционные взаимосвязи ключевых показателей в ЦФО (приграничные территории)

Для приграничных регионов ЦФО основные внешние связи проходят по двум направлениям, связанным с Украиной и Беларусью (см. рис. 3.7). Экономические результаты этих регионов во многом зависят от того, насколько стабильно работает граница, в каком состоянии находится инфраструктура. На сегодняшний день все территории, имеющие общую границу с Украиной, находятся в тяжелом положении. Страна полностью оборвала связи с Россией и стремительно ухудшает обстановку в приграничных территориях, нанося экономический вред и разрушая отношения, выстраиваемые десятилетиями.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 3.7 – Схема взаимодействия приграничных регионов ЦФО с сопредельными государствами

В приграничных регионах СЗФО объем инвестиций в 2004 году заметно различается (см. табл. 3.4). Наибольший объем капиталовложений приходится на Ленинградскую область. Это обусловлено ее географическим положением и статусом города федерального значения, который является центром области. Следом идет Мурманская и Калининградская области. Сейчас Калининградская область переживает тяжелые экономические последствия. Находясь полностью отрезанной от приграничных территорий Российской Федерации, она подвергается ежедневным нападкам со стороны Запада. Приграничное положение выступает барьером для развития и требует крупных финансовых вложений, но независимо от этого область демонстрирует развитие крупных инвестиционных проектов, приток туристов и процветание экономического благосостояния населения. При выборе мер поддержки на рассматриваемых территориях необходимо учитывая экономические и отраслевые особенности каждого региона.

Таблица 3.4 – Показатели приграничных регионов СЗФО

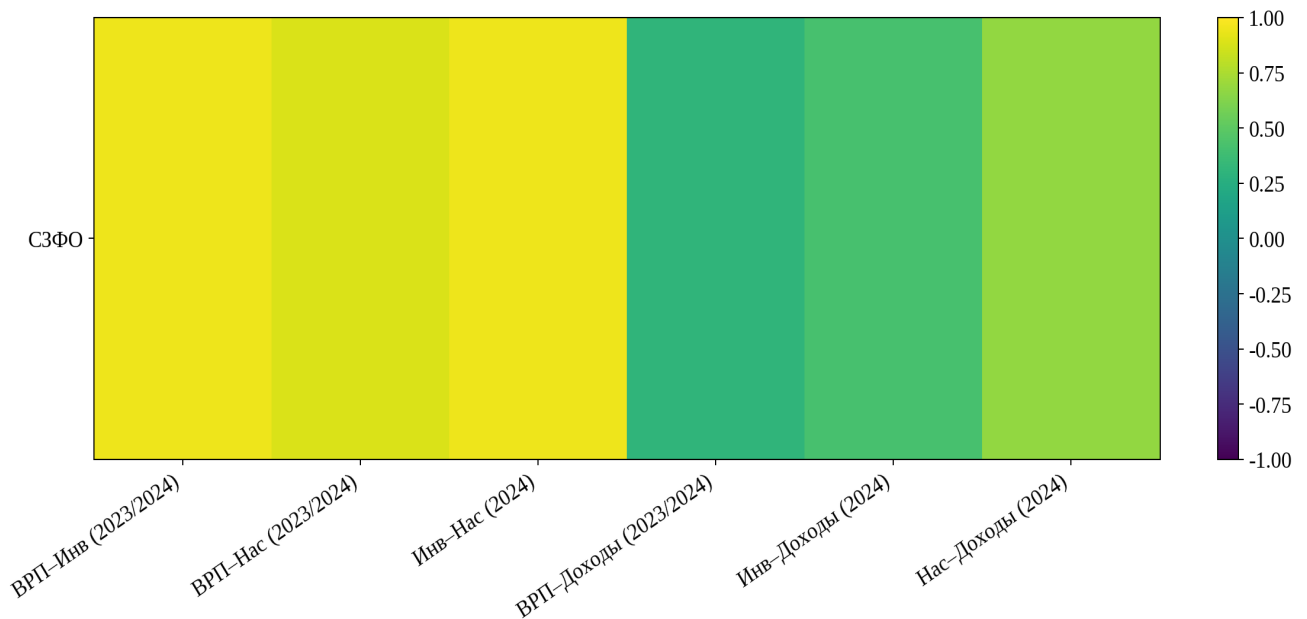
Регион	ВРП 2023, млн руб.	Инвестиции 2024, млн руб.	Население 2024, тыс. чел.	Реальные доходы 2024, % к пред. году
Республика Карелия	434 000	103 600	523,9	108,4
Калининградская область	785 000	181 900	1 033,9	112,3
Ленинградская область	1 915 000	1 110 500	2 035,8	112,1
Мурманская область	1 128 000	315 200	656,4	104,3
Псковская область	289 000	68 500	581,1	107,9
Примечание – Составлено автором по данным: таблицы В.1, приложение В.				

В приграничных регионах СЗФО уровень ВРП на душу населения также демонстрирует неоднородность регионов (см. табл. 3.5). Наиболее высокое значение у Мурманской области, где показатель достигает 1718,5 тыс. руб. / чел. Далее следует Ленинградская область, а Республика Карелия и Калининградская область находятся в средней части распределения. Все пять регионов отнесены автором к классу динамично развивающихся. Различия в экономической и инвестиционной емкости показывают, что условия софинансирования инфраструктурных проектов должны учитывать возможности конкретного региона, а инвесторы быть готовыми к долгосрочной окупаемости проектов за счет больших капиталовложений.

Таблица 3.5 – Ранжирование регионов СЗФО по ВРП на душу населения

Место в ФО	Регион	ВРП на душу, тыс. руб./чел.	Инвестиции на душу, тыс. руб./чел.	Класс ИЭА
1	Мурманская область	1718,5	480,2	Динамично развивающиеся
2	Ленинградская область	940,7	545,5	Динамично развивающиеся
3	Республика Карелия	828,4	197,7	Динамично развивающиеся
4	Калининградская область	759,3	175,9	Динамично развивающиеся
5	Псковская область	497,3	117,9	Динамично развивающиеся
Примечание – Составлено автором на основе: таблицы 3.4 и таблицы Г.1, приложение Г.				

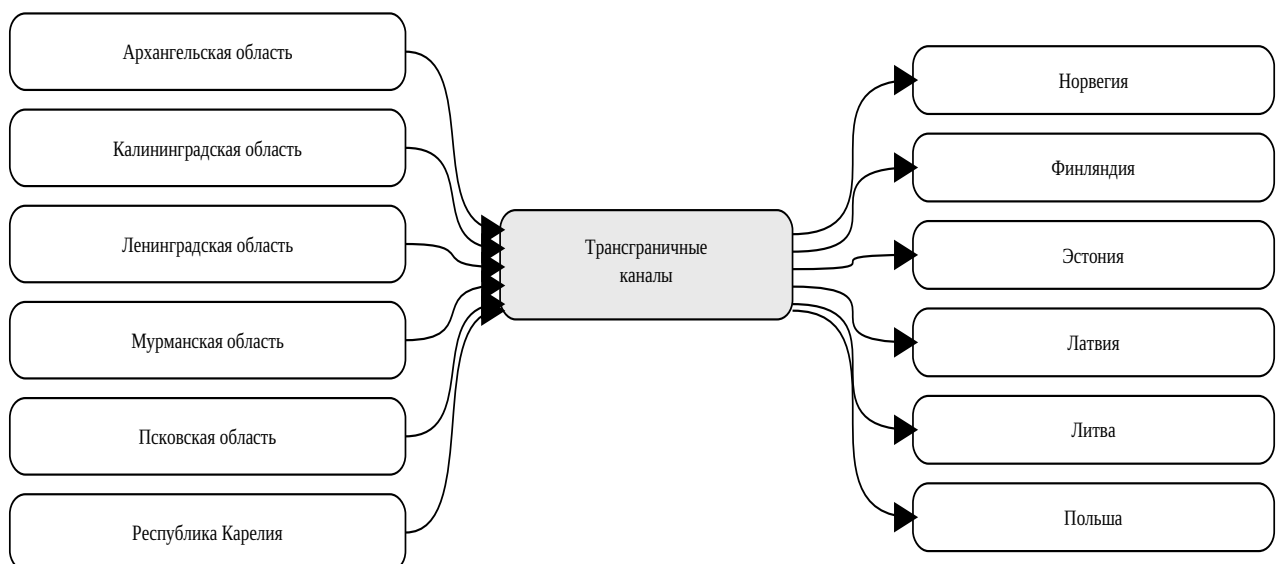
Корреляционный профиль СЗФО представлен на рисунке 3.8 и рассчитан по пяти приграничным регионам. Наиболее сильная взаимосвязь наблюдается между ВРП и инвестициями, где $r=0,953$. Между численностью населения и инвестициями корреляция составляет $r=0,945$, а также между ВРП и населением также выявлена высокая взаимосвязь $r=0,855$. Это показывает, что более крупные по масштабу экономики регионы привлекают больше инвестиций, за счет большего спроса среди местного населения и роста туристических потоков, что ведет к улучшению экономического климата всего региона. Связь экономических показателей с реальными доходами выражена слабее. Наибольшую связь демонстрируют численность населения и доходы, где $r=0,679$.

Примечание – Составлено автором на основе: таблицы 3.4 диссертации.

Рисунок 3.8 – Корреляционные взаимосвязи ключевых показателей в СЗФО (приграничные территории)

Данные рисунка 3.9 показывают, по каким направлениям приграничные регионы СЗФО взаимодействуют с соседними странами. Насколько активно развиваются эти связи, во многом зависит от качества транспортных маршрутов, работы пунктов пропуска и доступности сопутствующих логистических сервисов.

Примечание – составлено автором.

Рисунок 3.9 – Схема взаимодействия приграничных регионов СЗФО с сопредельными государствами

В ЮФО к приграничным относятся пять субъектов Российской Федерации (см. табл. 3.6). Самые высокие показатели по размеру экономики и инвестиций у Краснодарского края. В Астраханской области и Республике Калмыкия инвестиционная база заметно меньше, при этом динамика реальных доходов населения у них различается. Республика Калмыкия демонстрирует низкую инвестиционную привлекательность, что обусловлено развитостью инфраструктуры в регионе, отсутствием логистических центров и востребованных пунктов пропуска.

Таблица 3.6 – Показатели приграничных регионов ЮФО

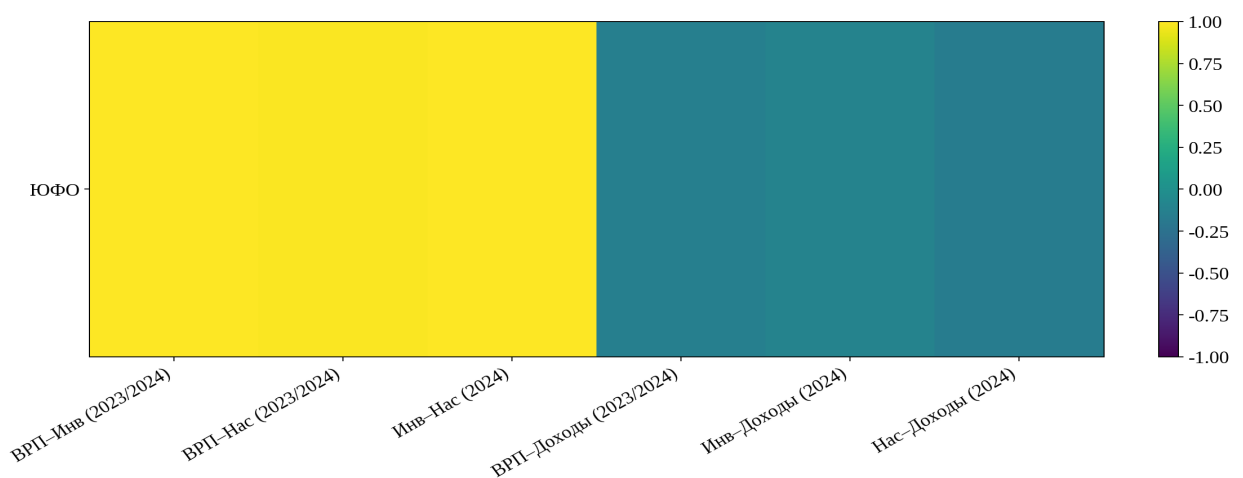
Регион	ВРП 2023, млн руб.	Инвестиции 2024, млн руб.	Население 2024, тыс. чел.	Реальные доходы 2024, % к пред. году
Республика Калмыкия	167 000	23 100	266,8	114,9
Краснодарский край	4 772 000	1 119 600	5 833,0	109,7
Астраханская область	778 000	115 800	946,4	105,3
Волгоградская область	1 385 000	364 600	2 453,9	108,1
Примечание – Составлено автором по данным: таблицы В.1, приложение В.				

Распределение регионов по уровню ВРП (см. табл. 3.7) отражает различия в экономической плотности территорий и соотношении демографического масштаба с объемом создаваемого регионального продукта. Применение институтов развития должно учитывать различия в стартовом экономическом потенциале субъектов и способности региональных систем обеспечивать воспроизводство инвестиционного эффекта.

Таблица 3.7 – Ранжирование приграничных регионов ЮФО по ВРП на душу населения

Место в ФО	Регион	ВРП на душу, тыс. руб./чел.	Инвестиции на душу, тыс. руб./чел.	Класс ИЭА
1	Астраханская область	822,1	122,4	Динамично развивающиеся
2	Краснодарский край	818,1	191,9	Динамично развивающиеся
3	Республика Калмыкия	625,9	86,6	Слабо развивающиеся
4	Волгоградская область	564,4	148,6	Стабильно развивающиеся
Примечание – Составлено автором на основе: таблицы 3.6 и таблицы Г.1, приложение Г.				

Корреляционный профиль ЮФО (см. рис. 3.10) рассчитан по официальному перечню приграничных субъектов Российской Федерации. Связи «ВРП–инвестиции» ($r = 0,996$), «ВРП–население» ($r = 0,989$) и «инвестиции–население» ($r = 0,996$) характеризуют масштабно-инвестиционный контур. Связи «ВРП–доходы» ($r = -0,135$), «инвестиции–доходы» ($r = -0,108$) и «население–доходы» ($r = -0,160$) отражают степень краткосрочной сопряженности экономического масштаба, инвестиционной активности и динамики реальных доходов населения. Интерпретация коэффициентов выполняется с учетом размера окружной выборки, включающей 4 приграничных субъектов.

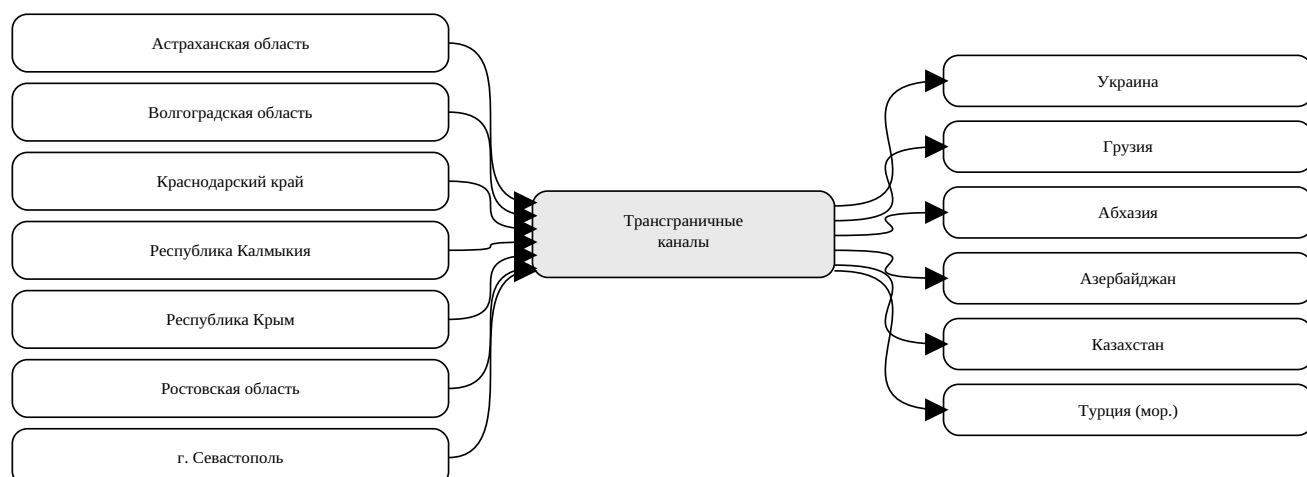

Примечание – Составлено автором на основе: таблицы 3.4 диссертации.

Рисунок 3.10 – Корреляционные взаимосвязи ключевых показателей в ЮФО (приграничные территории)

Одновременно множественность направлений внешних связей (см. рис. 3.11) указывает на необходимость дифференцированного подхода к применению инструментов государственной поддержки применительно к каждому вектору трансграничного взаимодействия. Для части направлений приоритетное значение имеет совершенствование сухопутной пограничной и логистической инфраструктуры, тогда как морской контур предполагает развитие портово-транспортных мощностей и механизмов внешнеторгового сопровождения. Вследствие этого политика развития приграничного пространства Южного федерального округа должна основываться на сочетании мер, ориентированных на укрепление общей устойчивости центрального узла, снижение транзакционных

издержек и повышение эффективности процедурного регулирования, с адресными инструментами, учитывающими специфику отдельных направлений, что позволит обеспечить большую устойчивость трансграничной системы к внешним ограничениям и сохранить экономический эффект при перераспределении потоков.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 3.11 – Схема взаимодействия приграничных регионов ЮФО с сопредельными государствами

Данные отражают выраженную асимметрию «масштаб–инвестиции–социальный эффект» в приграничных субъектах Северо-Кавказского макрорегиона (см. табл. 3.8). Республика Дагестан заметно выделяется среди рассматриваемых регионов по размеру экономики, объему инвестиций и численности населения. При этом реальные доходы выросли на 103,2 %, что ниже показателей ряда других субъектов. В Чеченской республике при меньшем объеме ВРП инвестиционная активность остается высокой, а реальные доходы увеличились на 107,5 %. Наибольший рост доходов демонстрирует Кабардино-Балкарская Республика, где показатель составил 109,3 %. Республика Ингушетия имеет самые низкие значения ВРП и инвестиций, хотя реальные доходы выросли на 104,8 %. Это свидетельствует о более низкой экономической базе региона и его большей чувствительности к внешним изменениям. Большую роль на данных приграничных территориях играет вероисповедание, что говорит о высокой роли неформальных институтов, а также сложности выхода на крупные инвестиционные проекты.

Таблица 3.8 – Показатели приграничных регионов СКФО

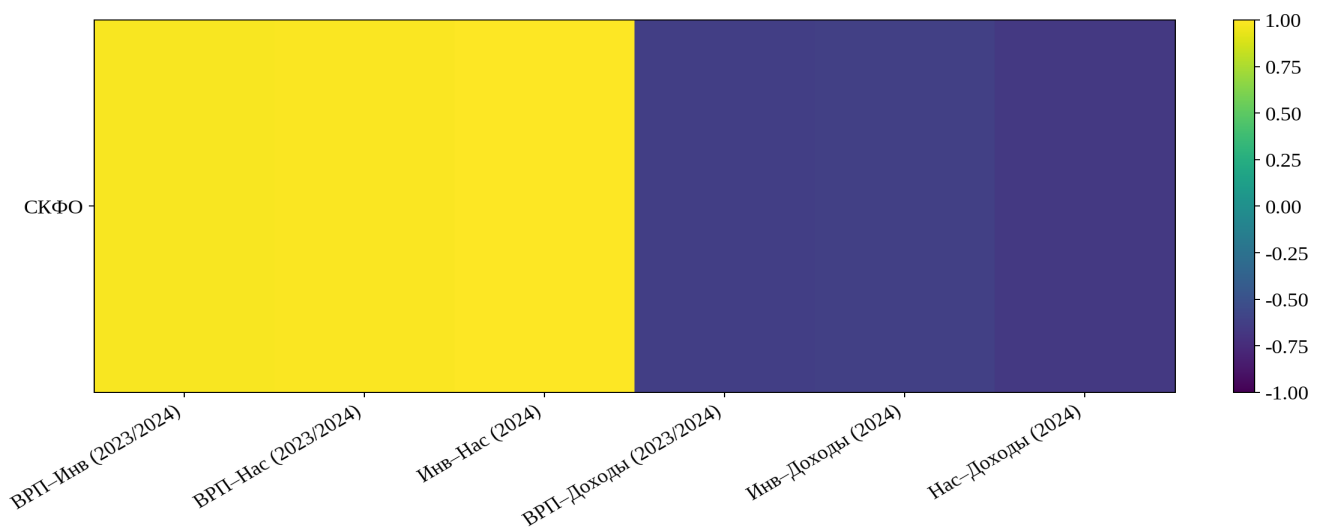
Регион	ВРП 2023, млн руб.	Инвестиции 2024, млн руб.	Население 2024, тыс. чел.	Реальные доходы 2024, % к пред. году
Республика Дагестан	1 035 000	398 600	3 232,2	103,2
Кабардино-Балкарская Республика	291 000	79 300	905,5	109,3
Карачаево-Черкесская Республика	143 000	36 600	468,3	108,7
Республика Ингушетия	95 000	19 000	527,2	104,8
Республика Северная Осетия-Алания	215 977	43 499	678,9	107,8
Чеченская Республика	397 000	198 800	1 552,9	107,5
Примечание – Составлено автором по данным: таблицы В.1, приложение В.				

Ранжирование приграничных регионов СКФО по ВРП на душу населения показывает заметные различия в уровне экономического развития (см. табл. 3.9). Наиболее высокие значения отмечены в Кабардино-Балкарской Республике и Республике Дагестан. Такое распределение показывает, что экономические возможности регионов округа различаются, поэтому меры поддержки необходимо подбирать с учетом положения каждого субъекта. Чеченская Республика и Республика Ингушетия располагаются в нижней части распределения. Выявленная дифференциация отражает различия в производительности региональных экономик и ресурсах софинансирования проектов развития.

Таблица 3.9 – Ранжирование приграничных регионов СКФО по ВРП на душу населения

Место в ФО	Регион	ВРП на душу, тыс. руб./чел.	Инвестиции на душу, тыс. руб./чел.	Класс ИЭА
1	Кабардино-Балкарская Республика	321,4	87,6	Динамично развивающиеся
2	Республика Дагестан	320,2	123,3	Динамично развивающиеся
3	Республика Северная Осетия-Алания	318,1	64,1	Динамично развивающиеся
4	Карачаево-Черкесская Республика	305,4	78,2	Динамично развивающиеся
5	Чеченская Республика	255,7	128,	Динамично развивающиеся
6	Республика Ингушетия	180,2	36,	Слабо развивающиеся
Примечание – Составлено автором на основе: таблицы 3.8 и таблицы Г.1, приложение Г.				

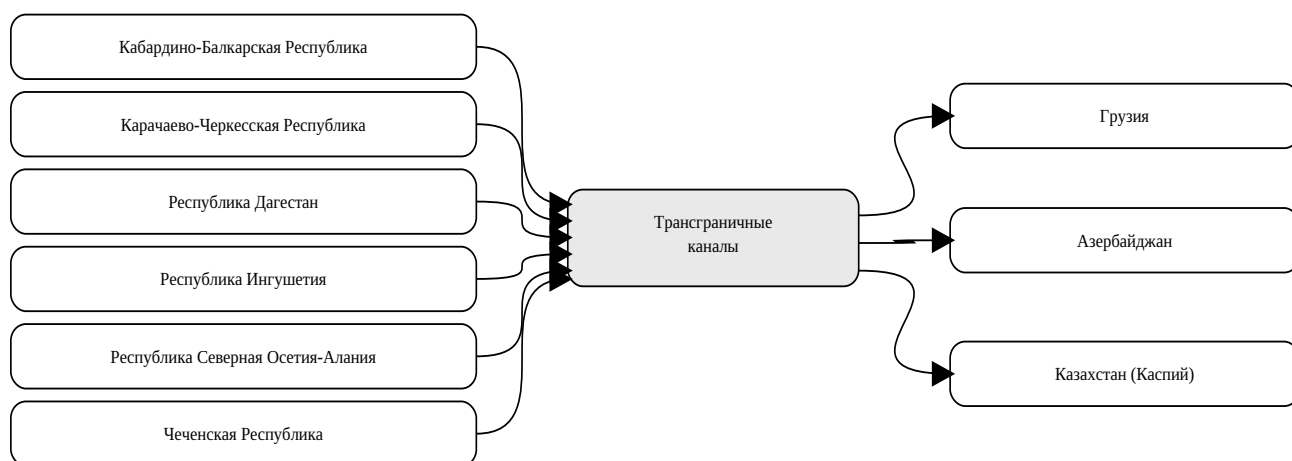
Корреляционный профиль СКФО (см. рис. 3.12) рассчитан по официальному перечню приграничных субъектов Российской Федерации. Связи «ВРП–инвестиции» ($r = 0,980$), «ВРП–население» ($r = 0,992$) и «инвестиции–население» ($r = 0,995$) характеризуют масштабно-инвестиционный контур. Связи «ВРП–доходы» ($r = -0,632$), «инвестиции–доходы» ($r = -0,622$) и «население–доходы» ($r = -0,667$) отражают степень краткосрочной сопряженности экономического масштаба, инвестиционной активности и динамики реальных доходов населения. Интерпретация коэффициентов выполняется с учетом размера окружной выборки, включающей 6 приграничных субъектов.

Примечание – Составлено автором на основе: таблицы 3.8 диссертации.

Рисунок 3.12 – Корреляционные взаимосвязи ключевых показателей в СКФО (приграничные территории)

Данные рисунка 3.13 показывают, что внешние связи приграничных регионов СКФО сходятся в одном узком узле, а затем распределяются по грузинскому, азербайджанскому и каспийскому направлениям. Схема демонстрирует зависимость всего округа от стабильной работы центрального узла. Снижение его пропускной способности, изменение правил пересечения границы или усиление контроля могут одновременно ограничить внешнеэкономическую активность нескольких регионов, независимо от масштаба их экономики. Развитие альтернативных маршрутов и повышение пропускной способности существующей инфраструктуры могут снизить зависимость регионов от отдельных каналов трансграничного взаимодействия.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 3.13 – Схема взаимодействия приграничных регионов СКФО с сопредельными государствами

Данные по ПФО показывают, что объем инвестиций в 2024 году в целом связан с масштабами региональной экономики (см. табл. 3.10). Наиболее заметно выделяется Самарская область, которая занимает ведущие позиции по объему ВРП и по инвестициям. Это делает ее крупнейшим экономическим и инвестиционным центром среди рассматриваемых приграничных округов. Оренбургская и Саратовская области образуют второй уровень. Динамика реальных доходов в 2024 г. также различается: Самарская область показывает 110,3 %, Оренбургская область – 107,1 %, Саратовская область – 105,8 %. Это подтверждает, что для оценки результативности институтов развития важны не только объемы инвестиций, но и их качественная структура и способность трансформироваться в производительность и устойчивые доходы.

Таблица 3.10 – Показатели приграничных регионов ПФО

Регион	ВРП 2023, млн руб.	Инвестиции 2024, млн руб.	Население 2024, тыс. чел.	Реальные доходы 2024, % к пред. году
Оренбургская область	1 764 000	345 600	1 828,7	107,1
Самарская область	2 647 000	568 600	3 127,8	110,3
Саратовская область	1 345 000	316 700	2 385,2	105,8
Примечание – Составлено автором по данным: таблицы В.1, приложение В.				

Диаграмма ранжирования по ВРП на душу населения показывает (см. табл. 3.11), что среди приграничных регионов ПФО лидирует Оренбургская область, далее следует Самарская область, а Саратовская область занимает нижнюю позицию.

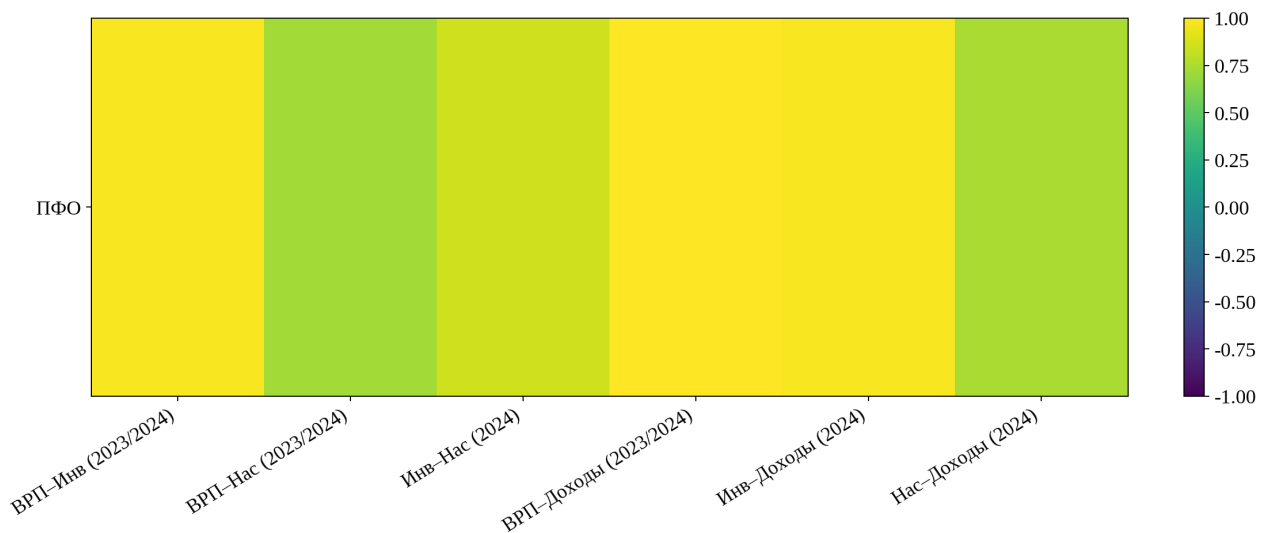
Тем самым фиксируется, что «экономическая плотность» и относительная производительность в группе распределены не пропорционально демографическому масштабу: более высокое значение ВРП на душу указывает на большую концентрацию добавленной стоимости в расчете на жителя. Анализ данных показал, что возможности регионов по финансированию инфраструктурных и инвестиционных проектов заметно различаются. У регионов с высоким ВРП на душу населения шире собственная ресурсная база, поэтому им проще участвовать в софинансировании и компенсировать часть издержек приграничного положения. Регионы с низкими значениями ВРП на душу населения сильнее зависят от внешнего финансирования и нуждаются в мерах, которые помогают повышать производительность и увеличивать объем добавленной стоимости, созданной внутри самой территории. Положение Самарской области показывает, что одного абсолютного ВРП недостаточно для оценки потенциала региона. Важно учитывать и показывать данные в расчете на одного жителя.

Таблица 3.11 – Ранжирование приграничных регионов ПФО по ВРП на душу населения

Место в ФО	Регион	ВРП на душу, тыс. руб./чел.	Инвестиции на душу, тыс. руб./чел.	Класс ИЭА
1	Оренбургская область	964,6	189,	Динамично развивающиеся
2	Самарская область	846,3	181,8	Динамично развивающиеся
3	Саратовская область	563,9	132,8	Динамично развивающиеся
Примечание – Составлено автором на основе: таблицы 3.10 и таблицы Г.1, приложение Г.				

В этой логике унифицированные меры поддержки будут давать неодинаковый эффект: для региона-лидера приоритетом выступает повышение эффективности и мультипликативности масштабных вложений (включение в межрегиональные цепочки, развитие инфраструктурных связей), тогда как для регионов с низким ВРП на душу критичны инструменты, снижающие барьеры входа в инвестиционные проекты и обеспечивающие быструю трансляцию в занятость и доходы населения.

Корреляционный профиль ПФО представлен на рисунке 3.14 и рассчитан по трем приграничным регионам. Наиболее сильная связь наблюдается между ВРП и реальными доходами населения, где $r=0,999$. Очень высокие значения также получены для инвестиции к доходам $r=0,984$ и ВРП к инвестициям $r=0,977$. Это говорит о тесной связи между масштабом экономики, инвестиционной активности и динамикой доходов населения в рассматриваемой группе регионов. Связь с численностью населения выражена несколько слабее. Для ВРП к населению коэффициент составляет $r=0,724$, а для инвестиций к населению $r=0,855$. Между численностью населения и доходами значение равно $r=0,748$.

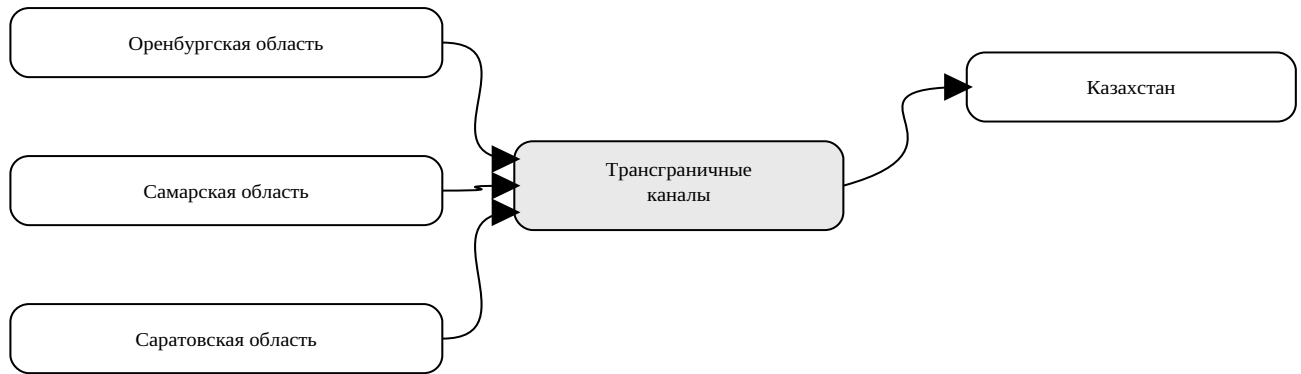

Примечание – Составлено автором на основе: таблицы 3.10 диссертации.

Рисунок 3.14 – Корреляционные взаимосвязи ключевых показателей в ПФО (приграничные территории)

Схема на рисунке 3.15 показывает, что внешние связи Оренбургской, Самарской и Саратовской областей ориентированы на одно основное направление. Состояние логистического канала напрямую влияет на возможности всех трех регионов. Изменения в работе пунктов пропуска или правилах пересечения границы могут одновременно усиливать или ограничивать их внешнеэкономическую активность. Большая часть прилегающих к границе территорий демонстрирует низкую экономическую активность, что связано с неразвитостью границы и низкой вовлеченностью сопредельного государства. Отсутствие альтернативных направлений повышает значение стабильной работы

существующего маршрута. Для регионов ПФО особенно важны сниженные транзакционные издержки и надежность логистики. Институциональная поддержка в данном случае должна быть ориентирована на модернизацию пограничной инфраструктуры и развитие экспортной и производственной кооперации с Казахстаном.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 3.15 – Схема взаимодействия приграничных регионов ПФО с сопредельными государствами

В УФО приграничные территории заметно различаются по масштабу экономики и объему инвестиций (см. табл. 3.12). Тюменская область значительно опережает остальные субъекты по ВРП и инвестиционной активности, что позволяет демонстрировать ей наиболее широкую ресурсную базу для крупных инфраструктурных и производственных проектов. Курганская область имеет более низкие показатели ВРП и инвестиций, но динамика реальных доходов населения остается сопоставимой с Тюменской областью. Это показывает, что изменение доходов зависит от объема капиталовложений, структуры занятости и бюджетных механизмов, применяемых на рассматриваемых территориях. Различия между регионами требуют разных мер поддержки. Для Тюменской области важнее усиление эффекта крупных инвестиций и развитие межрегиональных производственных связей. В Челябинской области акцент может быть сделан на качестве проектного портфеля и развитии инфраструктурных проектов, с целью привлечения новых инвестиций. Курганская область продемонстрировала необходимость в снижении барьеров для новых проектов, сопровождение инвесторов и повышение уровня вовлеченности местного населения.

Таблица 3.12 – Показатели приграничных регионов УФО

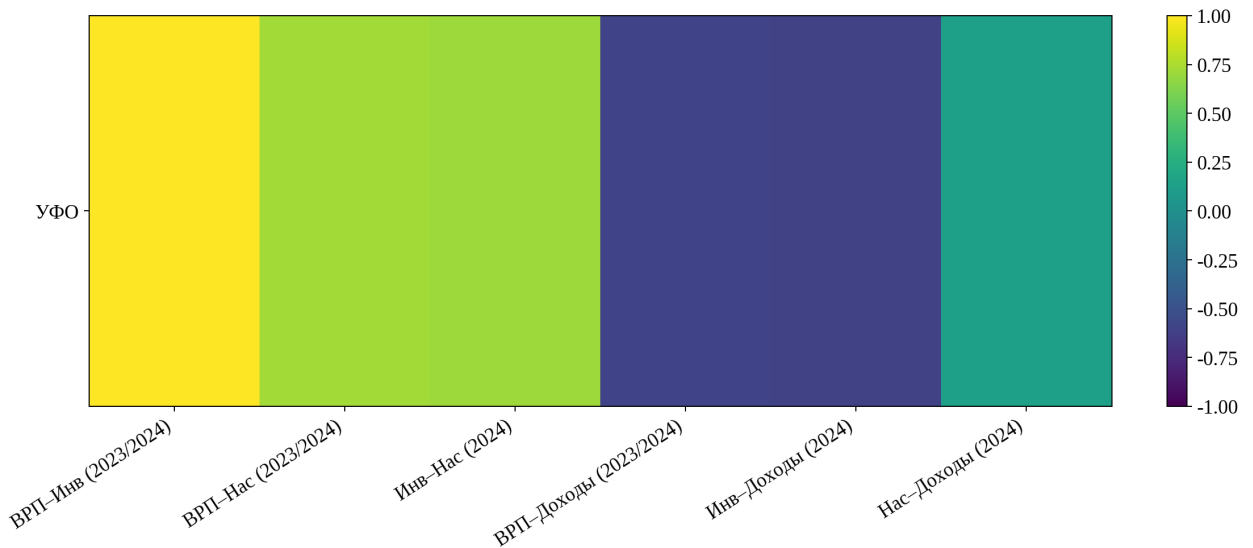
Регион	ВРП 2023, млн руб.	Инвестиции 2024, млн руб.	Население 2024, тыс. чел.	Реальные доходы 2024, % к пред. году
Курганская область	380 000	84 300	753,0	109,0
Тюменская область	15 947 000	3 808 400	3 890,8	108,0
Челябинская область	2 589 000	549 100	3 395,8	111,9
Примечание – Составлено автором по данным: таблицы В.1, приложение В.				

По уровню ВРП на душу населения приграничные регионы УФО существенно отличаются друг от друга (см. таблицу 3.13). Тюменская область заметно опережает Челябинскую и Курганскую области по уровню развития. Это говорит о высокой концентрации добавленной стоимости и сильной экономической базе региона. Челябинская и особенно Курганская области имеют существенно более низкие значения, что отражает различия в уровне производительности территорий и их экономической обеспеченности.

Таблица 3.13 – Ранжирование приграничных регионов УФО по ВРП на душу населения

Место в ФО	Регион	ВРП на душу, тыс. руб./чел.	Инвестиции на душу, тыс. руб./чел.	Класс ИЭА
1	Тюменская область	4098,6	978,8	Динамично развивающиеся
2	Челябинская область	762,4	161,7	Динамично развивающиеся
3	Курганская область	504,6	112,	Динамично развивающиеся
Примечание – Составлено автором на основе: таблицы 3.12 и таблицы Г.1, приложение Г.				

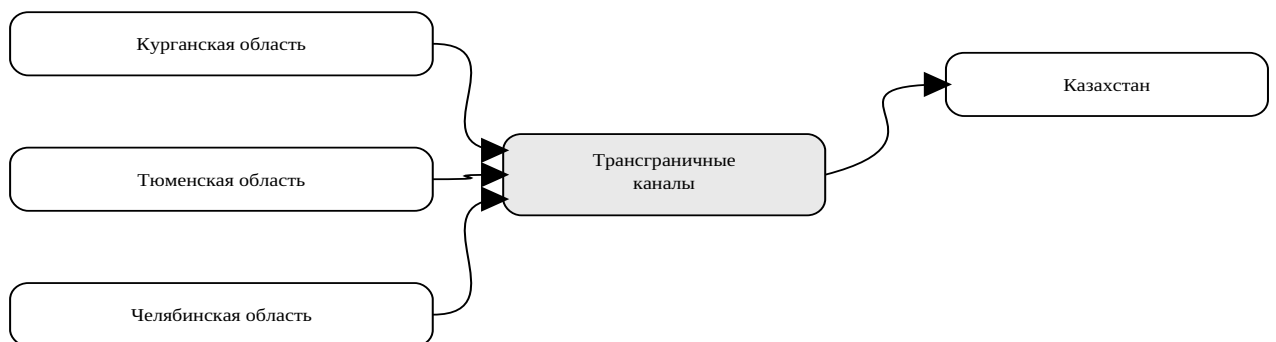
Корреляционный профиль УФО (см. рис. 3.16) рассчитан по официальному перечню приграничных субъектов Российской Федерации. Связи «ВРП–инвестиции» ($r = 1,000$), «ВРП–население» ($r = 0,719$) и «инвестиции–население» ($r = 0,707$) характеризуют масштабно-инвестиционный контур. Связи «ВРП–доходы» ($r = -0,598$), «инвестиции–доходы» ($r = -0,612$) и «население–доходы» ($r = 0,127$) отражают степень краткосрочной сопряженности экономического масштаба, инвестиционной активности и динамики реальных доходов населения. Интерпретация коэффициентов выполняется с учетом размера окружной выборки, включающей 3 приграничных субъектов.

Примечание – Составлено автором на основе: таблицы 3.12 диссертации.

Рисунок 3.16 – Корреляционные взаимосвязи ключевых показателей в УФО (приграничные территории)

Рисунок 3.17 отражает общую для Курганской, Тюменской и Челябинской областей систему трансграничного взаимодействия. Географическое положение этих регионов связывает их внешнеэкономическую деятельность с казахстанским направлением. Роль приграничных связей в экономике каждого региона различается. Для Тюменской области устойчивость этого направления важна для расширения кооперации и распространения инвестиционного эффекта на соседние регионы страны. Для Курганской области доступ к данному каналу дает возможность для выхода на внешние рынки. Такое положение создает условия для более тесной кооперации между регионами внутри страны и совместного использования трансграничными возможностями.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 3.17 Схема взаимодействия приграничных регионов УФО с сопредельными государствами

Структура приграничной экономики СФО не складывается вокруг одного центра. Новосибирская область выделяется масштабом экономики и инвестиций, тогда как Алтайский край и Омская область занимают промежуточное положение (см. табл. 3.14). Республика Алтай и Республика Тыва обладают ограниченной инвестиционной базой, но различаются по доходам населения. Такая картина позволяет говорить о разных исходных условиях развития регионов, и требует применения различных инструментов поддержки.

Таблица 3.14 – Показатели приграничных регионов СФО

Регион	ВРП 2023, млн руб.	Инвестиции 2024, млн руб.	Население 2024, тыс. чел.	Реальные доходы 2024, % к пред. году
Республика Алтай	108 000	53 800	210,8	106,1
Республика Тыва	123 000	42 400	337,5	107,9
Алтайский край	1 024 000	233 000	2 115,3	106,9
Новосибирская область	2 216 436	590 590	2 789,5	107,3
Омская область	316 000	44 400	566,3	106,7
Примечание – Составлено автором по данным: таблицы В.1, приложение В.				

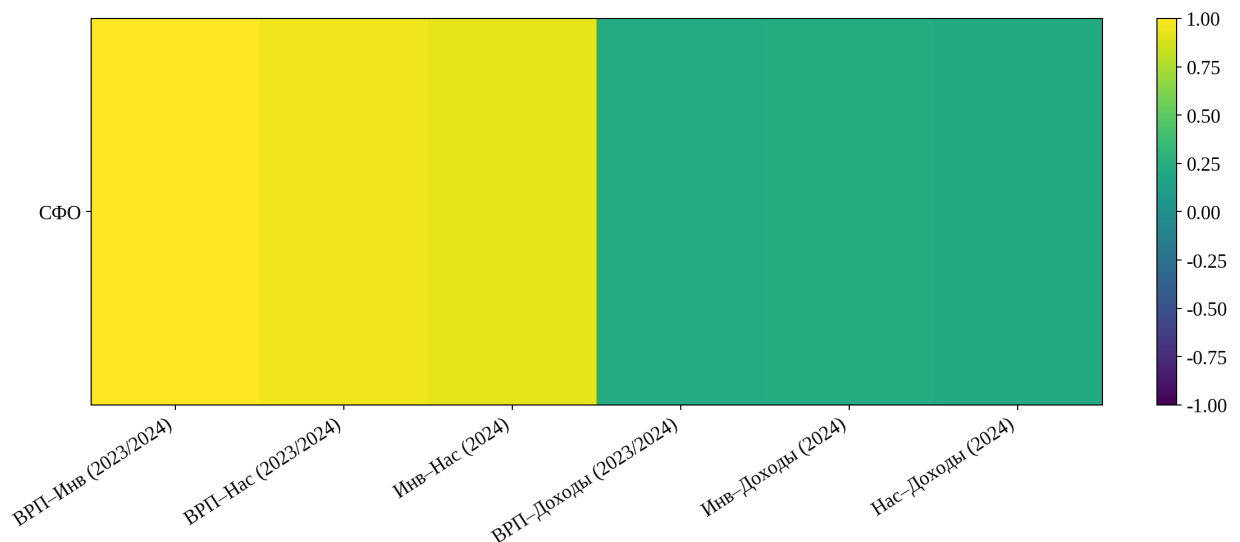
По величине ВРП на душу населения среди приграничных субъектов СФО лидирует Новосибирская область (см. табл. 3.15). Распределение характеризует различия в потенциальной фискальной емкости и ресурсах софинансирования. Для субъектов нижней части ранжирования приоритетное значение имеют механизмы повышения производительности, развития инфраструктуры и локализации добавленной стоимости.

Таблица 3.15 – Ранжирование приграничных регионов СФО по ВРП на душу населения

Место в ФО	Регион	ВРП на душу, тыс. руб./чел.	Инвестиции на душу, тыс. руб./чел.	Класс ИЭА
1	Новосибирская область	794,6	211,7	Динамично развивающиеся
2	Омская область	558,	78,4	Слабо развивающиеся
3	Республика Алтай	512,3	255,2	Динамично развивающиеся
4	Алтайский край	484,1	110,1	Динамично развивающиеся
5	Республика Тыва	364,4	125,6	Динамично развивающиеся
Примечание – Составлено автором на основе: таблицы 3.14 и таблицы Г.1, приложение Г.				

Корреляционный профиль СФО (см. рис. 3.18) рассчитан по официальному перечню приграничных субъектов Российской Федерации. Связи «ВРП–инвестиции» ($r = 0,992$), «ВРП–население» ($r = 0,959$) и «инвестиции–население»

($r = 0,930$) характеризуют масштабно-инвестиционный контур. Связи «ВРП–доходы» ($r = 0,231$), «инвестиции–доходы» ($r = 0,235$) и «население–доходы» ($r = 0,219$) отражают степень краткосрочной сопряженности экономического масштаба, инвестиционной активности и динамики реальных доходов населения. Интерпретация коэффициентов выполняется с учетом размера окружной выборки, включающей 5 приграничных субъектов.

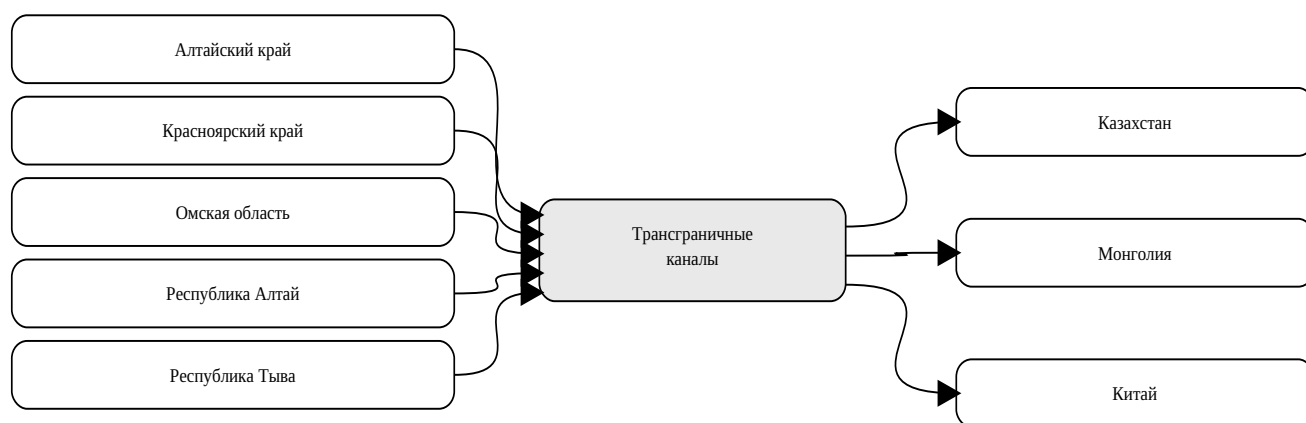

Примечание – Составлено автором на основе: таблицы 3.14 диссертации.

Рисунок 3.18 – Корреляционные взаимосвязи ключевых показателей в СФО (приграничные территории)

Схема трансграничных каналов СФО отражает взаимодействие Алтайского края, Новосибирской и Омской областей, Республики Алтай и Республики Тыва с Казахстаном, Китаем и Монголией (см. рис. 3.19). Различия в географии и структуре внешних связей обуславливают необходимость сочетания транспортно-логистических, экспортных и проектных инструментов институтов развития.

ДФО характеризуется высокой неоднородностью по связке «масштаб экономики, инвестиции и доходы» (см. табл. 3.16). Инвестиционным лидером выступает Амурская область. Хабаровский и Приморский края образуют крупный производственно-логистический контур. Чукотский автономный округ выделяется малой численностью населения при высоком ВРП на душу населения, а Еврейская автономная область сохраняет периферийные характеристики по масштабу экономики и инвестициям. Различия в профиле субъектов обуславливают необходимость дифференцированной настройки институтов развития.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 3.19 – Схема взаимодействия приграничных регионов СФО с сопредельными государствами

Таблица 3.16 – Показатели приграничных регионов ДФО

Регион	ВРП 2023, млн руб.	Инвестиции 2024, млн руб.	Население 2024, тыс. чел.	Реальные доходы 2024, % к пред. году
Республика Бурятия	504 000	156 100	971,9	105,7
Забайкальский край	718 000	279 300	984,4	107,6
Приморский край	1 863 000	425 600	1 806,4	108,1
Хабаровский край	1 262 000	625 600	1 278,1	107,6
Амурская область	794 000	956 100	750,1	109,8
Чукотский автономный округ	187 000	102 300	48,0	114,8
Еврейская автономная область	102 000	33 800	145,8	108,9

Примечание – Составлено автором по данным: таблицы В.1, приложение В.

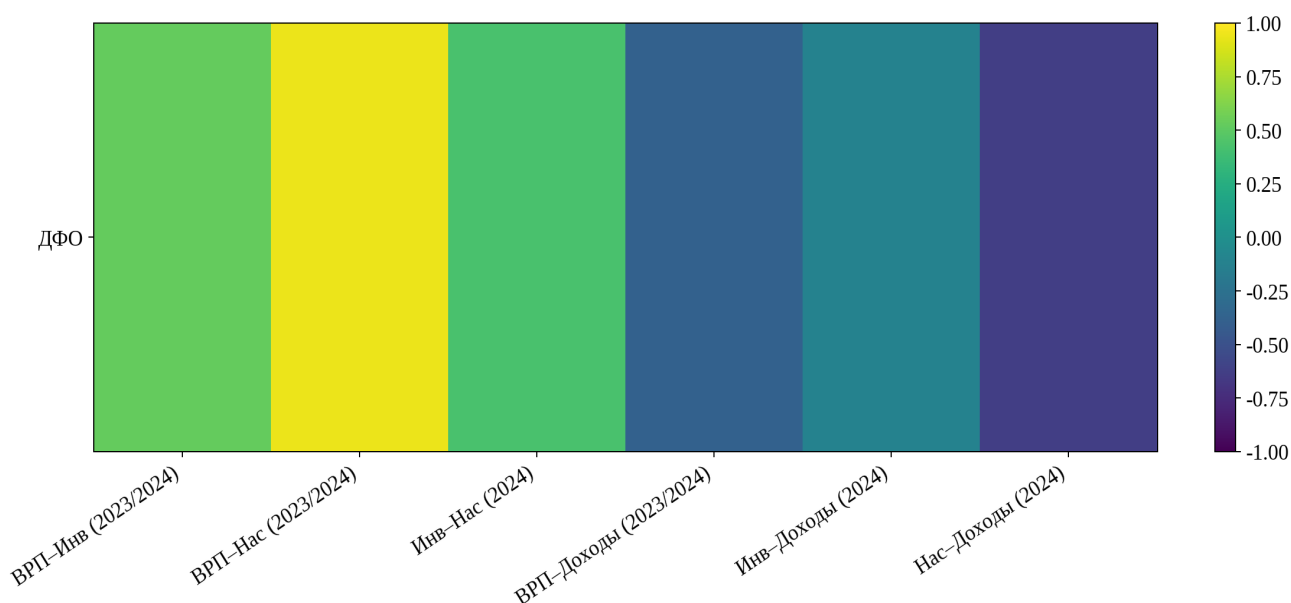
Диаграмма ранжирования приграничных регионов ДФО по ВРП на душу населения отражает выраженную неоднородность (см. табл. 3.17). Верхнюю позицию занимает Чукотский автономный округ. Далее следуют Амурская область, Приморский и Хабаровский края, Забайкальский край, Еврейская автономная область и Республика Бурятия. Различия в экономической плотности субъектов и инвестиционной обеспеченности требуют дифференцированной настройки институтов развития, учитывающей транспортную доступность, структуру специализации и роль трансграничных каналов.

Таблица 3.17 – Ранжирование приграничных регионов ДФО по ВРП на душу населения

Место в ФО	Регион	ВРП на душу, тыс. руб./чел.	Инвестиции на душу, тыс. руб./чел.	Класс ИЭА
1	Чукотский автономный округ	3895,8	2131,3	Динамично развивающиеся
2	Амурская область	1058,5	1274,6	Динамично развивающиеся
3	Приморский край	1031,3	235,6	Динамично развивающиеся
4	Хабаровский край	987,4	489,5	Динамично развивающиеся
5	Забайкальский край	729,4	283,7	Динамично развивающиеся
6	Еврейская автономная область	699,6	231,8	Динамично развивающиеся
7	Республика Бурятия	518,6	160,6	Динамично развивающиеся

Примечание – Составлено автором на основе: таблицы 3.16 и таблицы Г.1, приложение Г.

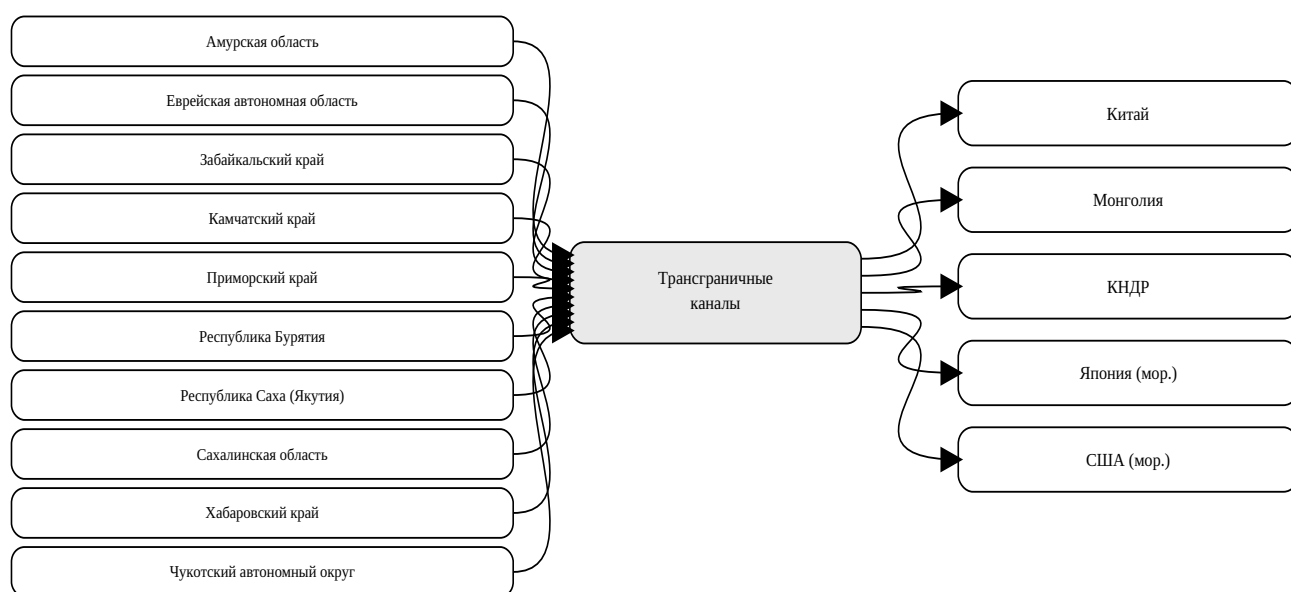
Для ДФО (см. рис. 3.20) ключевой управленческий вывод состоит в необходимости дополнять инвестиционное стимулирование инструментами, обеспечивающими локализацию эффектов (переработка, кооперационные цепочки, инфраструктурная связанность, качество занятости), иначе рост будет оставаться «капиталоемким», но с ограниченной инклюзивностью по доходам.

Примечание – Составлено автором на основе: таблицы 3.16 диссертации.

Рисунок 3.20 – Корреляционные взаимосвязи ключевых показателей в ДФО (приграничные территории)

Схема трансграничных каналов ДФО отражает взаимодействие Республики Бурятия, Забайкальского, Приморского и Хабаровского краев, Амурской области, Чукотского автономного округа и Еврейской автономной области с Монголией, Китаем, КНДР и США (см. рис. 3.21). Дифференциация внешних направлений определяет необходимость сочетания инфраструктурных, логистических, экспортных и организационно-управленческих инструментов институтов развития.

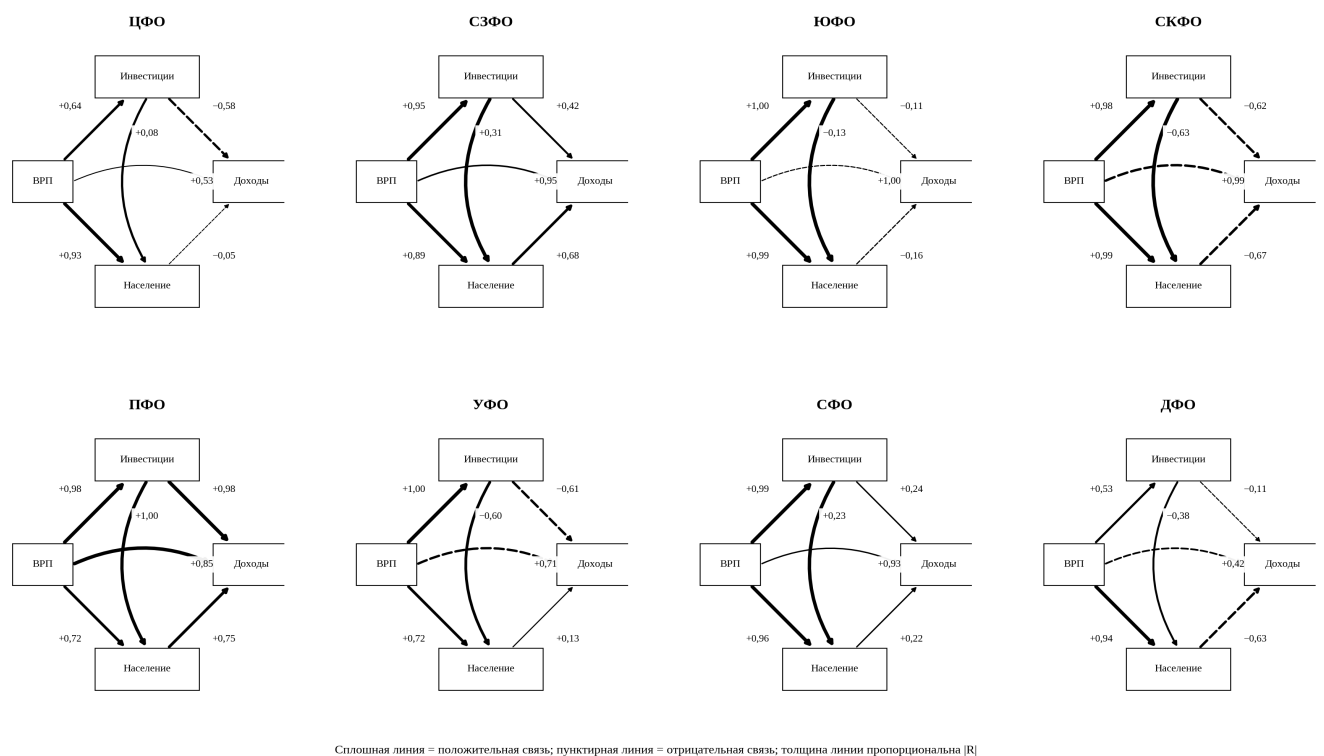

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 3.21 – Схема взаимодействия приграничных регионов ДФО с сопредельными государствами

В совокупности результаты анализа (см. Приложение В) позволяют сделать вывод о том, что специфика институтов развития в приграничных субъектах должна конструироваться на основе выявленного социально-экономического профиля: для регионов с высокой инвестиционной активностью и значимым демографическим масштабом приоритетом становится расширение инфраструктурной пропускной способности и снижение транзакционных издержек инвестора; для территорий с низкой инвестиционной емкостью и слабой доходной динамикой – формирование механизмов проектного «доращивания» (подготовка площадок, гарантии, льготное финансирование) и инструменты повышения качества занятости; для субъектов, ориентированных на внешние

рынки, критичны экспортные контуры и поддержка кооперации. Таким образом, эмпирическое профилирование не просто описывает различия между регионами, но задает основу для дифференцированного институционального дизайна, минимизирующего риск неэффективного распределения ресурсов поддержки. В целях повышения интерпретируемости полученных корреляционных оценок и обеспечения их прямого перехода в выводы о конфигурации институтов развития представляется целесообразным дополнить статистический анализ авторскими схемами, позволяющими визуализировать структуру сопряженности показателей в разрезе федеральных округов и отразить логику трансляции выявленных связей в набор инструментов политики стимулирования социально-экономической устойчивости приграничных территорий (см. рис. 3.22).

Примечание – Составлено автором на основе: таблицы Е.17, приложение Е.

Рисунок 3.22 – Схематическая интерпретация корреляционных взаимосвязей ключевых показателей в приграничных регионах по федеральным округам

Схема фиксирует методологически важный переход от диагностической части исследования к проектированию специфики институтов развития (см. рис. 3.23). Тип региона задается сочетанием масштаба экономики (ВРП),

инвестиционной емкости, демографической базы и динамики доходов; тем самым статистические характеристики формируют критерии отнесения к одному из укрупненных профилей (ресурсно-экспортный, транзитно-логистический, аграрно-перерабатывающий, индустриально-кооперационный, туристско-рекреационный). Выбор инструментов зависит от экономической специализации территории и тех ограничений, которые мешают ее развитию. Схема позволяет легко менять пакет инструментов, применяемых в зависимости от типа приграничного региона. После выбора инструмента определяются механизмы их реализации. Главная идея схемы заключается в возможности подобрать меры поддержки под профиль конкретного приграничного региона. Это позволяет связать инструменты институтов развития с ожидаемым экономическим результатов и оценивать их эффективность по заранее установленным показателям.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 3.23 – Авторская схема институциональной настройки контуров поддержки приграничных регионов: от типологии социально-экономического профиля к пакетам инструментов и KPI

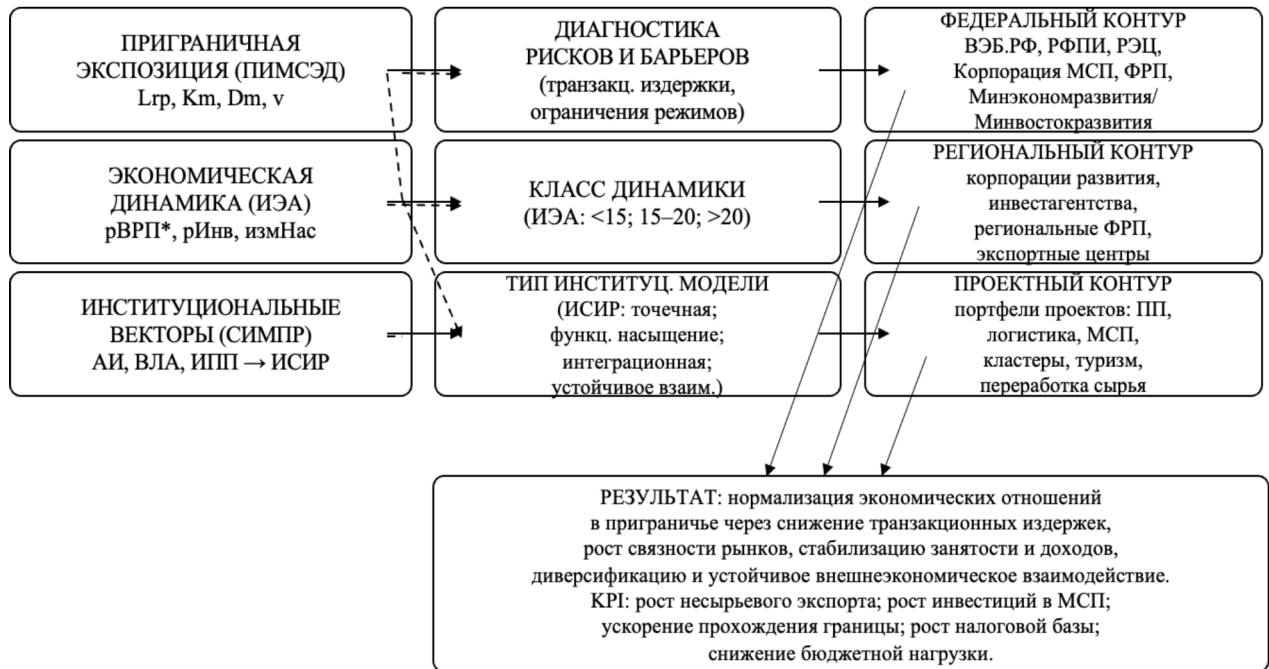
3.2. Спецификация институциональных моделей развития приграничных территорий Российской Федерации¹

Спецификация институтов развития в приграничных территориях Российской Федерации в настоящем исследовании трактуется как процедура целенаправленной настройки инструментов поддержки и проектного сопровождения под наблюдаемые траектории экономической динамики и институционального состояния региона. Методическая рамка расчета индекса экономической активности (ИЭА) и классификация регионов представлены в таблице 2.5, шкалирование компонентов и расчет интегрального показателя институциональной специфики (ИСИР) – в таблице 2.6 диссертации и таблице Д.1 (см. Приложение Д). В целях исключения методологической избыточности в данном параграфе не воспроизводятся полные расчетные ведомости приложений; акцент смещен на интерпретацию результатов в разрезе федеральных округов и формирование адресных контуров экономической политики.

Сопоставление автором индекса экономической активности (ИЭА) и интегральной спецификации институционального развития (ИСИР) показало, что экономический рост приграничных регионов не всегда сопровождается укреплением его институциональной среды. Высокий ИЭА может быть связан с устойчивой работой институтов развития и отдельными инвестиционными проектами, оказавшими экономический всплеск на рассматриваемой территории. На рисунке 3.24 экономическая динамика рассматривается вместе с институциональным состоянием региона и степенью его приграничной экспозиции. Такое сопоставление помогает перейти от общей оценки территории к выбору конкретных мер поддержки и выявлению привлечения необходимых институтов развития. Автор учитывает не сам факт приграничного положения территории, а реальные условия развития каждого субъекта. В результате

¹ При работе над данным параграфом диссертации использована следующая публикация автора, в которой, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Голубцов И.А. Оценка институциональных условий экономического роста приграничных регионов России на основе индекса состояния институтов развития // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2026. № 2. С. 27-36.

инструменты институтов развития можно с большей вероятностью соотнести с выявленными проблемами региона и обоснованно распределить ресурсы государственной поддержки.

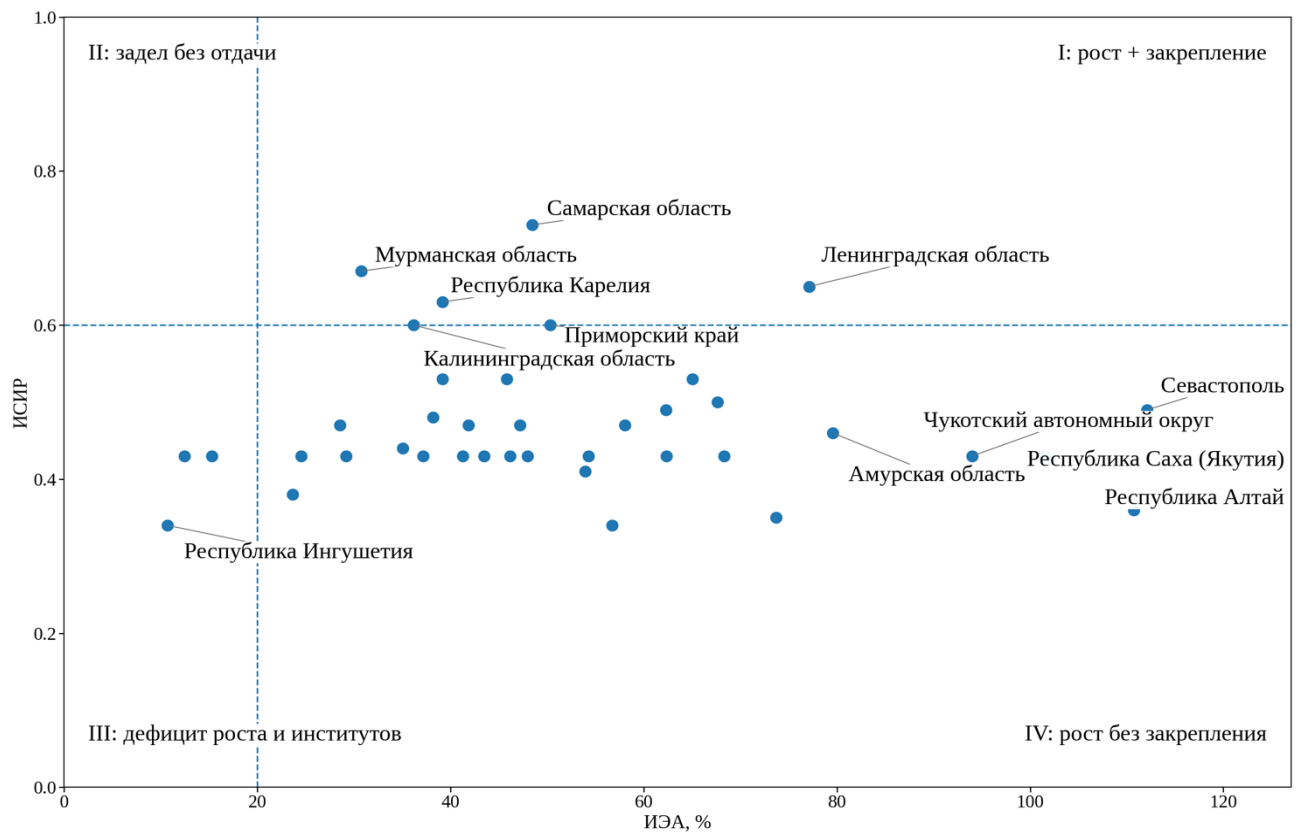

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 3.24 – Схема спецификации институтов развития для нормализации экономических отношений в приграничных территориях (по результатам ИЭА–СИМПР / ИСИР и контуры экономической политики)

Предложенный автором подход предполагает не увеличение количества мер поддержки, а их точный подбор и согласование между собой. Инфраструктурные решения должны быть связаны с работой пунктов пропуска, логистических узлов и транспортных коридоров. Необходимо учитывать действующие режимы регулирования, цифровые процедуры и доступные финансовые инструменты. Совокупность применения этих действий позволяет говорить о качественном подходе к привлечению инвестиций в регион и его развитие с учетом приграничного положения. Все эти меры объединяются в рамках конкретных проектов с установленными показателями результата. Такой подход позволяет избежать разрозненного финансирования и направлять ресурсы региона на те решения, которые дают более устойчивый эффект для приграничного положения региона.

Типологическое поле ИЭА-ИСИР на рисунке 3.25 демонстрирует, насколько экономическая динамика приграничных регионов сочетается с уровнем развития их институтов. Значительная часть субъектов расположена в III и IV квадратах. Это позволяет сделать вывод, что часть субъектов обладают относительно низкой экономической динамикой в сочетании с недостаточным институциональным развитием, а другая часть демонстрирует значительный рост, но существующие институты не обеспечивают устойчивого закрепления этого роста. Отдельно хочется отметить Самарскую, Ленинградскую, Мурманскую области и Республику Карелия, которые расположились в зоне «рост+закрепление». Их положение говорит о сочетании положительной экономической динамики с более высоким уровнем ИСИР. Калининградская область и Приморский край находятся около границы этой зоны, поэтому их положение правильнее рассматривать как переходное. Для регионов IV зоны основной задачей становится создание условий, при которых инвестиции и крупные проекты дают более устойчивый эффект для экономики территории. Субъекты, оказавшиеся в III зоне, должны сконцентрировать экономический потенциал на формировании базы роста и устранению инфраструктурных ограничений. В ДФО рисунок 3.25 также демонстрирует заметный разрыв между экономической активностью и уровнем ИСИР. У ряда субъектов округа достаточно высокие значения ИЭА сочетаются с более низкими значениями институционального показателя. Дальнейшая задача таких территорий состоит в поддержании экономической активности и в создании условий для закрепления достигнутых результатов внутри региональной экономики, с целью дальнейшего выхода на международные рынки и привлечения новых инфраструктурных проектов внутри региона. Поспешное увеличение числа инфраструктурных проектов, а также привлечения новых капиталов, может оказывать негативный эффект, посредством резкого увеличения инвестиций и неспособностью регионов удержать достигнутый ранее эффект от реализуемых проектов.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 3.25 – Типологическое поле ИЭА–ИСИР: сочетания экономической динамики и институциональной модели приграничного развития

В приграничных регионах ДФО экономическая динамика и уровень институционального развития выступает ярким примером того, как соседние государства способствуют росту экономики, а льготные режимы привлекают инфраструктурные инвестиции и иностранных инвесторов.

Приморский край характеризуется более высоким уровнем институционального закрепления эффекта. Результаты подтверждают необходимость разграничивать рост показателей и способность институтов развития удерживать полученный эффект (см. табл. 3.18).

Таблица 3.18 – Диагностика приграничных регионов Дальневосточного федерального округа по ИЭА и ИСИР

Регион	ИЭА, %	Класс ИЭА	ИСИР	Тип модели	Квадрант
Республика Бурятия	68,37	Динамично развивающиеся	0,43	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Забайкальский край	62,32	Динамично развивающиеся	0,49	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Приморский край	50,40	Динамично развивающиеся	0,60	Функциональное насыщение	I (рост + закрепление)

Регион	ИЭА, %	Класс ИЭА	ИСИР	Тип модели	Квадрант
Хабаровский край	67,68	Динамично развивающиеся	0,50	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Амурская область	79,64	Динамично развивающиеся	0,46	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Чукотский автономный округ	93,92	Динамично развивающиеся	0,43	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Еврейская автономная область	53,97	Динамично развивающиеся	0,41	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Примечание – Составлено автором на основе: таблицы Д.1, приложение Д.					

В Приволжском федеральном округе типологическое поле ИЭА–ИСИР принимает компактную, но методологически показательную форму: при близких темпах экономической динамики различия между субъектами определяются тем, насколько институциональная среда способна превращать приграничное положение в устойчивые режимы обмена и кооперации (см. Приложение А).

Диагностика приграничных регионов Приволжского федерального округа показывает (см. табл. 3.19), что Самарская область сочетает высокую динамику (ИЭА 48,46 %) с повышенной институциональной спецификой (ИСИР 0,73), формируя случай закрепленного роста. Саратовская область (47,87 %; 0,43) и Оренбургская область (45,83 %; 0,53) также демонстрируют высокую динамику, но меньшую степень институционального удержания эффекта.

Таблица 3.19 – Диагностика приграничных регионов Приволжского федерального округа по ИЭА и ИСИР

Регион	ИЭА, %	Класс ИЭА	ИСИР	Тип модели	Квадрант
Оренбургская область	45,83	Динамично развивающиеся	0,53	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Самарская область	48,46	Динамично развивающиеся	0,73	Интеграционная плотность	I (рост + закрепление)
Саратовская область	47,87	Динамично развивающиеся	0,43	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Примечание – Составлено автором на основе: расчетов таблицы Д.1, приложение Д.					

Северо-Западный федеральный округ выделяется тем, что в нем институциональная специфика в среднем выше, а переход в конфигурацию «рост+закрепление» встречается существенно чаще, чем в ряде иных округов, что позволяет трактовать данный макрорегион как реперную зону для анализа механизмов нормализации приграничных экономических отношений.

Северо-Западный федеральный округ показывает (см. табл. 3.20), что рассматриваемые приграничные территории различаются по сочетанию экономической динамики и институциональной емкости. Ленинградская область лидирует по ИЭА при повышенном ИСИР. Мурманская область, Республика Карелия и Калининградская область относятся к конфигурации роста с более выраженным институциональным закреплением. Псковская область характеризуется ростом без достижения порогового уровня институциональной плотности.

Таблица 3.20 – Диагностика приграничных регионов Северо-Западного федерального округа по ИЭА и ИСИР

Регион	ИЭА, %	Класс ИЭА	ИСИР	Тип модели	Квадрант
Республика Карелия	39,16	Динамично развивающиеся	0,63	Интеграционная плотность	I (рост + закрепление)
Калининградская область	36,16	Динамично развивающиеся	0,60	Функциональное насыщение	I (рост + закрепление)
Ленинградская область	77,19	Динамично развивающиеся	0,65	Интеграционная плотность	I (рост + закрепление)
Мурманская область	30,73	Динамично развивающиеся	0,67	Интеграционная плотность	I (рост + закрепление)
Псковская область	39,19	Динамично развивающиеся	0,53	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Примечание – Составлено автором на основе: расчетов таблицы Д.1, приложение Д.					

В Северо-Кавказском федеральном округе сопоставление ИЭА и ИСИР фиксирует структурную асимметрию: ускорение динамики может возникать при сравнительно низкой институциональной спецификации, что эмпирически проявляется в доминировании конфигураций «рост без закрепления» и «дефицит» (см. таблицу Д.1, Приложение Д).

Данные таблицы 3.21 показывают, что Чеченская Республика демонстрирует наиболее высокую динамику (ИЭА 73,78 %) при низком ИСИР (0,35), что интерпретируется как рост без институционального закрепления. Кабардино-Балкарская Республика (41,26 %; 0,43), Республика Северная Осетия-Алания (37,40 %; 0,43), Карачаево-Черкесская Республика (36,88 %; 0,43) и Республика Дагестан (29,20 %; 0,43) относятся к динамично развивающимся регионам с функциональным насыщением институтов.

Таблица 3.21 – Диагностика приграничных регионов Северо-Кавказского федерального округа по ИЭА и ИСИР

Регион	ИЭА, %	Класс ИЭА	ИСИР	Тип модели	Квадрант
Республика Дагестан	29,20	Динамично развивающиеся	0,43	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Кабардино-Балкарская Республика	41,26	Динамично развивающиеся	0,43	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Карачаево-Черкесская Республика	36,88	Динамично развивающиеся	0,43	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Республика Ингушетия	10,67	Слабо развивающиеся	0,34	Точечный рост	III (дефицит)
Республика Северная Осетия-Алания	37,40	Динамично развивающиеся	0,43	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Чеченская Республика	73,78	Динамично развивающиеся	0,35	Точечный рост	IV (рост без закрепления)
Примечание – Составлено автором на основе: расчетов таблицы Д.1, приложение Д.					

В Сибирском федеральном округе соотношение ИЭА и ИСИР демонстрирует в отдельных субъектах высокие темпы экономической активности в сочетании с более низким уровнем институционального развития. Это подтверждает, что быстрый рост экономики не всегда приводит к устойчивому закреплению достигнутых результатов.

Данные таблицы 3.22 позволяют разделить скорость и устойчивость экономического роста. Высокие значения ИЭА при низком ИСИР могут быть связаны с отдельными крупными проектами или быть связаны с эффектом низкой базы. В таких условиях важной задачей становится закрепление полученного экономического эффекта внутри региона. Новосибирская область выделяется сочетанием высокой экономической активности и развитой институциональной средой, что определяет ее в группу регионов с устойчивым ростом и закреплением достигнутых результатов. В остальных субъектах СФО преобладают модели, при которых экономическая динамика не подкреплена достаточной институциональной устойчивостью либо сопровождается общим дефицитом развития. Это указывает на необходимость усиления механизмов, которые связывают инвестиционную активность с долгосрочным эффектом и закреплением в региональной экономике.

Таблица 3.22 – Диагностика приграничных регионов Сибирского федерального округа по ИЭА и ИСИР

Регион	ИЭА, %	Класс ИЭА	ИСИР	Тип модели	Квадрант
Республика Алтай	110,87	Динамично развивающиеся	0,36	Точечный рост	IV (рост без закрепления)
Республика Тыва	56,79	Динамично развивающиеся	0,34	Точечный рост	IV (рост без закрепления)
Алтайский край	47,23	Динамично развивающиеся	0,47	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Новосибирская область	61,67	Динамично развивающиеся	0,64	Интеграционная плотность	I (рост + закрепление)
Омская область	-68,89	Слабо развивающиеся	0,37	Точечный рост	III (дефицит)
Примечание – Составлено автором на основе: расчетов таблицы Д.1, приложение Д.					

В приграничных регионах УФО значение ИСИР практически совпадают, но заметно отличается экономическая динамика на рассматриваемых территориях (см. табл. 3.23). Высокий уровень экономической активности наблюдается в Тюменской области. Все рассматриваемы приграничные субъекты УФО относятся к модели функционального насыщения и находятся в квадрате «рост без закрепления». Полученные автором результаты показывают, что различия в темпах развития регионов в большей степени определяются состоянием их экономики, а не институциональными различиями. Общий уровень ИСИР свидетельствует о том, что институциональная среда пока не обеспечивает полного закрепления достигнутого экономического эффекта. Дальнейшее развитие приграничных территорий должно быть связано с повышением способности действующих институтов переводить текущую экономическую трансформации под экстренные ситуации.

Таблица 3.23 – Диагностика приграничных регионов Уральского федерального округа по ИЭА и ИСИР

Регион	ИЭА, %	Класс ИЭА	ИСИР	Тип модели	Квадрант
Курганская область	48,10	Динамично развивающиеся	0,43	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Тюменская область	62,42	Динамично развивающиеся	0,43	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Челябинская область	43,50	Динамично развивающиеся	0,43	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Примечание – Составлено автором на основе: расчетов таблицы Д.1, приложение Д.					

В приграничных регионах ЦФО различия в ИЭА выражены сильнее, чем различия в ИСИР. Курская и смоленская области показывают высокую экономическую динамику, однако по уровню институционального развития остаются в модели функционального насыщения. Белгородская и Брянская области также сохраняют положительную динамику, но институциональная среда не обеспечивает перехода к более устойчивой модели закрепления роста (см. табл. 3.24). В результате для ЦФО характерен разрыв между текущими темпами развития и возможностями институтов поддерживать этот эффект в длительной перспективе. Для этих регионов ситуация осложняется близостью к зоне российско-украинского конфликта. Институтам развития необходимо быстрее адаптировать приоритеты и инструменты поддержки к изменению внешних и внутренних условий.

Таблица 3.24 – Диагностика приграничных регионов Центрального федерального округа по ИЭА и ИСИР

Регион	ИЭА, %	Класс ИЭА	ИСИР	Тип модели	Квадрант
Белгородская область	23,64	Динамично развивающиеся	0,38	Точечный рост	IV (рост без закрепления)
Брянская область	35,08	Динамично развивающиеся	0,44	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Курская область	43,51	Динамично развивающиеся	0,44	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Смоленская область	38,51	Динамично развивающиеся	0,48	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Примечание – Составлено автором на основе: расчетов таблицы Д.1, приложение Д.					

Южный федеральный округ характеризуется сочетанием высоких темпов экономической динамики в части субъектов при умеренных значениях ИСИР, что формирует типологическую картину доминирования «роста без закрепления» и одновременно выявляет зоны дефицитной динамики.

В ЮФО наиболее высокий ИЭА среди включенных в официальный перечень приграничных субъектов демонстрирует Краснодарский край. Волгоградская область относится к динамично развивающимся регионам с функциональным насыщением институтов. Астраханская область формирует стабильную траекторию, Республика Калмыкия относится к слабо развивающимся субъектам. Состав окружной выборки соответствует официальному перечню приграничных субъектов Российской Федерации (см. табл. 3.25).

Таблица 3.25 – Диагностика приграничных регионов Южного федерального округа по ИЭА и ИСИР

Регион	ИЭА, %	Класс ИЭА	ИСИР	Тип модели	Квadrant
Республика Калмыкия	12,40	Слабо развивающиеся	0,43	Функциональное насыщение	III (дефицит)
Краснодарский край	65,08	Динамично развивающиеся	0,53	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Астраханская область	15,27	Стабильные	0,43	Функциональное насыщение	III (дефицит)
Волгоградская область	46,19	Динамично развивающиеся	0,43	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Примечание – Составлено автором на основе: расчетов таблицы Д.1, приложение Д.					

Предложенная схема (см. рис. 3.26) институционального механизма нормализации экономических отношений в приграничных территориях концептуализирует нормализацию не как «точку» политики, а как воспроизводимый контур согласования трех блоков факторов: макродинамики (ИЭА), институциональной спецификации (ИСИР) и пограничной экспозиции (ПИМСЭД). Принципиально важно, что схема фиксирует двустороннюю причинность: с одной стороны, плотность и адаптивность институтов снижают транзакционные издержки и повышают проницаемость границы для легальных потоков; с другой – изменение структуры потоков и рисков вынуждает институты переходить от реактивных решений к сценарному управлению, иначе рост приобретает характер краткосрочного импульса. На эмпирическом материале приграничных субъектов это проявляется в неодинаковой «конверсии» инвестиций и выпусков в устойчивые доходы и демографическую стабилизацию: регионы, попадающие в квадрант I (рост+закрепление) по полю ИЭА–ИСИР, демонстрируют институциональную способность превращать приграничность в регулярные экономические отношения, тогда как квадрант IV характеризуется разрывом между динамикой и институциональной инфраструктурой, что повышает волатильность и фискальные риски. Тем самым вывод состоит в том, что спецификация институтов развития должна быть задана не «по отрасли» и не «по территории» в административном смысле, а по типу институционально-экономической траектории, выявляемой через совместный анализ ИЭА, ИСИР и пограничной экспозиции; именно эта связка формирует научно обоснованный каркас для последующей настройки инструментов развития без дублирования уже действующих мер.

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 3.26 – Авторская схема институционального механизма нормализации экономических отношений в приграничных территориях

Оценка результативности институтов развития в приграничных территориях Российской Федерации требует перехода от описательного перечисления инструментов поддержки к сопоставимой количественно-качественной диагностике, в рамках которой институциональные воздействия трактуются не как автономный «набор мер», а как система, изменяющая параметры экономических взаимодействий через снижение транзакционных издержек.

В исследовании результативность институтов развития определяется способностью использовать возможности приграничного положения для обеспечения устойчивой экономической динамики региона. Автор учитывает инфраструктурные, режимные и геополитические ограничения. Для такой оценки сопоставлены экономическая динамика территории и уровень ее институционального развития, рассчитанные по предложенным методикам (см. таблицу 2.4; таблицу А.1 Приложения А и таблицу Б.1 Приложения Б).

Научная новизна предложенного подхода состоит в оценке результативности институтов развития не по самому факту наличия их в регионе, а на основе результативности их функционирования. Для этого экономическая

динамика сопоставляется с возможностью региона закреплять достигнутый эффект и поддерживать его в дальнейшем. Экономическая активность оценивается с помощью ИЭА, который учитывает сразу несколько показателей. Институциональная составляющая определяется через ИСИР и показывает готовность институтов использовать приграничное положение в качестве ресурса развития, а не просто географического положения. Дополнительно учитываются параметры приграничной экспозиции и доступности территории (см. табл. 2.7).

Результативность рассматривается через сочетание экономической динамики и уровня институционального развития региона, а не только через рост отдельных показателей (см. табл. 3.26). Для сравнения федеральных округов используется индекс ИР-ИД, который объединяет средние значения ИЭА и ИСИР. Перед расчетом показатели приводятся к единой шкале методом min-max нормирования, после чего определяется их среднее арифметическое. В результате каждый округ получает сопоставимую оценку по шкале от 0 до 100.

Таблица 3.26 – Операционализация результативности применения институтов развития в приграничных территориях

Аспект	Операционализация	Интерпретация и экономический смысл
Экономический результат	ИЭА (см. таблицу 2.5)	Сводный темп изменения ВРП, инвестиций и населения; позволяет сравнивать траектории развития при разных структурах экономики.
Институциональная готовность	ИСИР (см. Приложение Д)	Среднее по векторам АИ, ВЛА, ИПП; отражает способность институтов формировать устойчивые каналы координации и проектного управления.
Граничные ограничения / ресурсы	ПИМСЭД (см. таблицу 2.7)	Протяженность границы, число и плотность пунктов пропуска; задает верхнюю границу потенциальной «проницаемости» и масштаб транзакционных издержек.
Индекс результативности ИР-ИД	$ИР-ИД = 0,5 \times N(ИЭА) + 0,5 \times N(ИСИР)$, где N – min-max нормирование средних значений по федеральным округам	Сводная оценка на шкале 0–100, сопрягающая нормированные средние значения ИЭА и ИСИР; используется для межокружного сопоставления и выявления диспропорций «рост без закрепления».
Примечание – Составлено автором.		

Федеральные округа различаются автором по темпам экономического развития и по способности институтов закреплять достигнутый результат. После проведенных расчетов наиболее высокий средний уровень ИЭА сохраняется у ДФО. Тогда как по среднему значению ИСИР лидирует СЗФО. Сводный индекс ИР-ИД объединяет эти две характеристики и показывает, в каких округах экономическая динамика лучше сочетается с уровнем институционального развития (см. табл. 3.27).

Таблица 3.27 – Сводные значения ИЭА, ИСИР и ИР–ИД по федеральным округам (приграничные территории)

ФО	№ регионов	Средний ИЭА, %	Средний ИСИР	Средний ИР–ИД, 0–100
ДФО	7	68,04	0,47	69,3
СЗФО	5	44,49	0,62	64,6
ПФО	3	47,39	0,56	57,6
УФО	3	51,34	0,43	34,7
ЮФО	4	34,73	0,45	15,2
ЦФО	4	35,19	0,43	11,5
СКФО	6	38,20	0,40	8,8
СФО	4	36,50	0,39	2,6
Примечание – Составлено автором на основе: расчетов таблицы Д.1, приложение Д.				

Данные в таблице 3.27 позволяют сделать вывод, что высокие значения сводного индекса формируются там, где рост экономики сопровождается достаточной способностью институтов закреплять достигнутые результаты. Показатели по регионам демонстрируют нам, что независимо от своего географического положения относительно центра, регионы способны привлекать равное количество сторонних инвестиций и участвовать в крупных инфраструктурных проектах. Значительную роль в сегодняшнем положении приграничных территорий выступает привлечение инвестиций на восстановление инфраструктуры, которая требует больших и долгосрочных капиталовложений.

3.3. Оценка результативности институционального воздействия на устойчивость приграничных территорий Российской Федерации

Определение результативности институтов развития в приграничных территориях целесообразно оценивать по реальному воздействию на экономику территории. В центре анализа находятся изменения транзакционных издержек и устойчивость хозяйственных связей в условиях внешних ограничений. В исследовании автор связывает результативность с экономическими и институциональными эффектами. Экономическая часть отражает динамику ВРП, инвестиции и сектора МСП. Институциональная часть показывает, насколько согласованно работают участники, как быстро перестраиваются институты развития под шоковые ситуации и насколько развита инфраструктура для их применения. Особое внимание уделяется характеристике приграничных территорий, которая способствует подобрать необходимые инструменты институтов развития и определить специализацию рассматриваемого региона.

Комплексная диагностика объединяет три направления анализа. Экономическая динамика оценивается через ИЭА по методике, представленной в таблице 2.5 диссертации. Институциональное состояние региона определяется по компонентам ИСИР (см. таблицу Д.1 Приложение Д). Параметры приграничного положения и доступности границы учитываются через ПИМСЭД (см. таблицу 2.7 диссертации). Сопоставление этих показателей помогает понять, за счет чего формируется развитие территорий. При одинаковых ресурсах одни регионы лучше используют преимущества приграничного положения, тогда как другие сталкиваются с сохраняющимися институциональными ограничениями и слабой связью с прилегающими территориями внутри страны.

Расчеты, полученные автором, позволяют сделать вывод о том, что результативность институтов развития зависит прежде всего от того, как выстроено взаимодействие между участниками и согласованностью между инструментами поддержки, а не только от объема выделяемых ресурсов.

Матрица в таблице 3.28 показывает различия в приоритетах поддержки в зависимости от степени приграничной экспозиции. При высокой экспозиции основное внимание следует уделять работе границы и логистике внутри региона, включая сокращение времени прохождения процедур таможенного контроля и повышение пропускной способности. При средней и низкой экспозиции большее значение приобретает качественная подготовка проектов и вовлечение местного бизнеса. Без этого финансовые меры поддержки дают ограниченный эффект и не обеспечивают устойчивого роста инвестиционной активности.

Результативность институтов развития является функцией не одиночной меры, а целостного «программного цикла», в котором диагностический блок обеспечивает корректность выбора инструментов, проектирование формирует экономически осмысленный портфель, а институциональный дизайн задает правила взаимодействия, минимизирующие потери на стадиях согласования и реализации (см. табл. 3.29).

Для субъектов «точечного роста» первичен институциональный «каркас» (проектный офис, регламенты, вовлечение акторов), для «функционального насыщения» – синхронизация действующих институтов вокруг цепочек добавленной стоимости и экспортного контура, а для «интеграционной плотности» – снятие инфраструктурных ограничений и повышение управляемости потоков, поскольку именно здесь предельная эффективность упирается в пропускную способность и качество процедур (см. табл. 3.30).

Результативность понимается как воспроизводимая способность институциональной системы переводить параметры приграничной экспозиции и экономической динамики в устойчивые эффекты нормализации хозяйственных отношений; в этой конструкции критически важным является «стык» диагностики и проектного контура, поскольку именно на нем минимизируются потери на согласование, формируется экономическая обоснованность портфеля и обеспечивается сопоставимость KPI по субъектам (см. рис. 3.27).

Таблица 3.28 – Дифференциация институциональных механизмов развития приграничных территорий по уровням приграничности

	Характеристика территории	Ключевые институциональные ограничения	Типологически репрезентативные субъекты РФ	Приоритетные инструменты государственной поддержки	Приоритетные направления институционального воздействия	Показатели результативности
Высокий	Высокая интенсивность трансграничных потоков, наличие международных транспортно-логистических узлов, существенная зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры.	Инфраструктурная перегрузка пунктов пропуска; несогласованность регуляторных процедур; высокая чувствительность к внешнеполитическим и санкционным ограничениям.	Калининградская область; Приморский край; Амурская область; Мурманская область; Республика Дагестан; Краснодарский край.	Национальный проект «Международная кооперация и экспорт»; государственная программа «Развитие транспортной системы»; режимы ОЭЗ, ТОР, СПВ; инструменты РЭЦ, КРДВ, ВЭБ.РФ.	Модернизация пунктов пропуска и логистической инфраструктуры; внедрение цифровых сервисов сопровождения внешнеторговых операций; формирование специализированных проектных офисов приграничной логистики; развитие комплексной поддержки экспортеров.	Сокращение времени прохождения пунктов пропуска; рост внешнеторгового оборота; увеличение инвестиций в транспортно-логистическую инфраструктуру; рост числа субъектов МСП, вовлеченных во внешнеэкономическую деятельность.
Средний	Умеренная интенсивность внешнеэкономических связей, наличие отдельных конкурентных специализаций, неоднородность институциональной и инфраструктурной обеспеченности.	Недостаточная вовлеченность МСП в приграничные цепочки стоимости; слабая согласованность региональных и муниципальных программ; ограниченность инвестиционного сопровождения.	Ленинградская область; Псковская область; Республика Карелия; Оренбургская область; Челябинская область; Омская область; Забайкальский край; Республика Бурятия.	Национальный проект «Эффективная и конкурентная экономика»; региональный инвестиционный стандарт; программы РЭЦ; механизмы концессий и ГЧП; кластерные программы.	Развитие системы «единого окна» для инвесторов и экспортеров; кластеризация приграничной специализации; поддержка кооперации крупных предприятий и МСП; подготовка кадров под приоритетные виды экономической деятельности.	Рост числа сопровождаемых инвестиционных проектов; увеличение занятости в секторе МСП; рост инвестиций в обрабатывающие производства; повышение налоговой отдачи региональных проектов.

	Характеристика территории	Ключевые институциональные ограничения	Типологически репрезентативные субъекты РФ	Приоритетные инструменты государственной поддержки	Приоритетные направления институционального воздействия	Показатели результативности
Низкий	Формальное наличие приграничного статуса при слабой интенсивности трансграничных потоков, ограниченной инфраструктуре и низкой инвестиционной активности.	Фрагментарность институтов развития; отсутствие устойчивого проектного контура; низкая активность локальных экономических акторов; дефицит подготовленных инвестиционных площадок.	Республика Тыва; Республика Алтай; Республика Ингушетия; Республика Северная Осетия-Алания; Республика Калмыкия; Курганская область.	Индивидуальные программы социально-экономического развития; грантовые механизмы; инструменты Корпорации МСП; проектное финансирование ВЭБ.РФ; региональные меры поддержки малого бизнеса.	Формирование типовых проектных решений для муниципального уровня; развитие малой инженерной и индустриальной инфраструктуры; институционализация участия бизнеса и местных сообществ в выработке проектов; снижение административных барьеров.	Рост числа проектов с подготовленной предпроектной документацией; увеличение инвестиций в сектор МСП; снижение административных издержек реализации проектов; замедление миграционного оттока.
Примечание – Составлено автором.						

Таблица 3.29 – Этапная логика повышения результативности институтов развития с привязкой к программному циклу

Этап	Цель	Инструменты / формы реализации	Программная привязка (пример)	Критерий результативности (метрика)
1. Диагностика	Выявление институциональных дефицитов и «узких мест»	СИМПР / ИСИР; анализ ИЭА; картирование КПП и цепочек добавленной стоимости	Региональная стратегия и паспорт госпрограммы субъекта	Профиль дефицитов; перечень проектов и барьеров; базовый уровень KPI
2. Проектирование	Формирование целевой модели и проектного портфеля	Экспертные сессии; сценарный анализ; зонирование; формирование «дорожных карт»	Отбор проектов под нацпроекты / госпрограммы	Наличие портфеля проектов с экономическим эффектом и источниками финансирования
3. Институциональный дизайн	Сборка архитектуры взаимодействия	Проектный офис; «единое окно»; регламент сопровождения; соглашения с институтами развития	Внедрение регионального инвестстандарта; соглашения с РЭЦ / Корпорацией МСП / ВЭБ.РФ	Сокращение сроков процедур; рост доли сопровождаемых проектов

Этап	Цель	Инструменты / формы реализации	Программная привязка (пример)	Критерий результативности (метрика)
4. Пилотирование	Проверка инструментов на ограниченном контуре	Муниципальные пилоты; малые гранты; пилотные КПП-сервисы	Пилотные мероприятия госпрограммы / нацпроекта	Подтвержденный эффект; корректировка регламентов
5. Масштабирование	Тиражирование успешных практик	Акселераторы МСП; кластерные программы; расширение инфраструктуры	Расширение региональных программ; новые лимиты на капвложения	Рост охвата; рост инвестиций; рост производительности
6. Институциональная адаптация	Обеспечение устойчивости и обновления инструментов	Мониторинг КРІ; пересборка портфеля; управление рисками	Корректировка госпрограмм и бюджетных ассигнований	Динамика ИСИР; устойчивость роста; снижение транзакционных издержек
Примечание – Составлено автором.				

Таблица 3.30 – Институциональные модели по ИСИР и меры повышения результативности (через программные инструменты)

Уровень ИСИР / модель	Типовые ограничения	Субъекты-примеры	Программный фокус	Какие меры применить (точечная спецификация)
$\leq 0,40$ / «точечный рост»	Фрагментация, слабая ИПП и ВЛА, отсутствие устойчивых проектных практик	Тыва; Ингушетия; Курганская обл.; Калмыкия	ИПСЭР; нацпроект «МСП»; грантовые и акселерационные контуры	Создание проектного офиса при субъекте; сборка «пакета готовности» проектов; запуск муниципальных акселераторов и сервисов «Мой бизнес»; типовые концессии для малой инфраструктуры
0,41–0,60 / «функциональное насыщение»	Рассогласование институтов, неполная конверсия поддержки в ВЭД/инвестиции	Оренбургская обл.; Омская обл.; Челябинская обл.; Забайкальский край	Региональный инвестстандарт; экспортные программы РЭЦ; кластерные программы	Единый регламент сопровождения инвестпроектов; отраслевые кластеры (АПК / лес / машиностр.); экспортный акселератор; интеграция КПП-логистики с индустр. площадками
$\geq 0,61$ / «интеграционная плотность»	Перегрузка узлов, ограниченная масштабируемость, риски инфраструктурного дефицита	Калининградская обл.; Карелия; Приморский край	Транспортная госпрограмма; режимы ОЭЗ / ТОР / СПВ; ГЧП	Масштабирование цифровых процедур на КПП; расширение складской / портовой инфраструктуры; развитие сервисов РЭЦ и страхования / гарантий; проектное финансирование крупных узлов
Примечание – Составлено автором.				

Примечание – Составлено автором.

Рисунок 3.27 – Схема оценки результативности институционального воздействия на устойчивость приграничных территорий

В целом адресная настройка институтов развития в приграничных субъектах должна опираться на принцип «программной сопряженности»: каждое мероприятие должно быть привязано к конкретному инструменту (национальный проект, государственная программа, режим ОЭЗ / ТОР / СПВ, механизмы ГЧП / концессий, инструменты Корпорации МСП и РЭЦ) и иметь измеримый KPI, согласованный с региональными бюджетными ограничениями.

Предложенный подход дает возможность оценивать результативность по сопоставимым показателям и выявлять причины, которые снижают эффект от реализуемых мер поддержки. Особое значение для приграничных территорий имеет согласованность действий институтов и сопровождение проектов, поскольку дополнительные транзакционные издержки и внешние риски оказывают сильное влияние на хозяйственную деятельность.

Сочетание количественных показателей и оценки институционального состояния по методике СИМПР дает полное представление о результативности институтов развития. Полученные автором результаты показывают, что результативность институтов развития во многом зависит от особенностей территории и условий приграничного взаимодействия. Институциональные модели должны учитывать различия между регионами и сохранять возможность адаптации к изменениям внешней среды. Такой подход может использоваться при разработке региональных программ и при включении мер поддержки приграничных территорий в государственную политику пространственного развития Российской Федерации. Необходима системная координация усилий на федеральном, региональном и муниципальном уровнях с учетом привлечения частных и общественных институтов к реализации стратегий трансграничного и пространственного развития. Разработка гибких и территориально дифференцированных институциональных моделей способствует формированию устойчивой и адаптивной инфраструктуры управления развитием.

Выводы по третьей главе:

1. Доказано, что применение институтов развития как системного инструмента стимулирования социально-экономической устойчивости приграничных регионов должно опираться на эмпирическое профилирование социально-экономического состояния территории (динамика ВРП, инвестиций, демографии и доходов) и рассматриваться как задача институционального дизайна, обеспечивающего нормализацию хозяйственных связей в условиях внешних ограничений.

2. Разработана методика оценки результативности институтов развития на основе интегрального индекса ИСИР, включающего векторы адаптивности институтов, вовлеченности локальных акторов и институционально-пространственной плотности; предложена типология институциональных моделей, обеспечивающая дифференцированный выбор механизмов поддержки.

3. Обоснована конфигурация пакета инструментов поддержки как системы взаимодополняющих контуров (инфраструктурного, режимно-налогового, финансового, экспортного, предпринимательского и кадрово-технологического) с механизмами реализации через проектное сопровождение и ГЧП/концессии, что позволяет переводить меры в сопоставимые КРІ.

4. Показано, что результативность институтов развития должна оцениваться одновременно по экономическим эффектам (ВРП, инвестиции, занятость, МСП) и институциональным эффектам (снижение транзакционных издержек, координация акторов, устойчивость связей); сформулирован принцип программной сопряженности мер поддержки с нацпроектами / госпрограммами и бюджетными ограничениями как условие устранения институциональных барьеров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе уточнено содержание институтов развития приграничных территорий. Институты развития рассматриваются как система организаций, норм и процедур, обеспечивающих снижение барьеров для хозяйственной и инвестиционной деятельности в приграничных регионах. Результативность их функционирования оценивается на основе уровня взаимодействия участников экономических процессов, обоснованности отбора инвестиционных проектов и доступности финансовых ресурсов для их реализации. Автором систематизированы инструменты стимулирования приграничной экономики и составлена схема применения для конкретного типа приграничных регионов.

Анализ отечественного и зарубежного опыта показал, что существующие подходы к развитию приграничных территорий за счет использования инструментов институтов развития не учитывают различия в их экономической стабильности и инфраструктурной развитости. Региональная специфика таких территорий определяется транспортной доступностью, интенсивностью внешнеэкономических связей и состояние пунктов пропуска с прилегающими территориями. Для экономически развитых приграничных субъектов ключевой задачей является снятие инфраструктурных ограничений и повышение пропускной способности логистических узлов. В регионах, где слабо развита инвестиционная база, большой эффект оказывают гарантийные механизмы и льготное финансирование, с расчетом на увеличение инфраструктурных проектов. Экспортно-ориентированные территории нуждаются в новых каналах выхода на внешние рынки, и развитие торговых отношений с регионами внутри страны, на основе своих конкурентных преимуществ.

Предложенный автором методический подход к диагностике экономической динамики и институциональной готовности приграничных регионов на основе индекса экономической активности, включающего динамику валового регионального продукта, инвестиций в основной капитал и численности населения, позволил разделить приграничные территории по характеру

экономической динамики. Существенным научно-прикладным результатом является предложенная методика сравнительной диагностики приграничных экономических отношений. На межкрупном уровне выявлено, что различия определяются не только темпами роста, но и способностью институтов развития «удерживать» эффект через снижение транзакционных издержек, повышение надежности логистики, ускорение процедур и согласование инфраструктурных и регуляторных решений. По итогам проведенного анализа разработана дифференцированная модель спецификации институтов развития в приграничных территориях, предполагающая целенаправленную «настройку» пакета инструментов под профиль региона в координатах ИЭА–ИСИР и параметров приграничной экспозиции. Пакет включает взаимодополняющие контуры: инфраструктурный (включая модернизацию пунктов пропуска и транспортных связей), налогово-режимный (ОЭЗ/ТОР и др.), финансовый (льготные займы, гарантии, проектное финансирование), экспортный (поддержка ВЭД), предпринимательский (МСП, кластеры, кооперация) и кадрово-технологический (НИОКР, подготовка кадров). Установлено, что результативность определяется механизмами реализации – проектным сопровождением, ГЧП / концессиями, субсидированием издержек и регуляторной разгрузкой – которые обеспечивают трансформацию мер поддержки в измеримые эффекты и KPI.

Проведенное исследование показало, что единый набор мер не может одинаково эффективно применяться ко всем приграничным территориям Российской Федерации. Предложенный в работе подход позволяет связать выявленные проблемы территории с конкретными мерами поддержки. Оценка всех приграничных территорий дополнила экономическую и институциональную диагностику пространственными параметрами. Корреляционные расчеты выявили тесную связь между масштабом региональной экономики и инвестиционной активностью. Автором определены действующие и потенциальные точки роста в приграничных территориях. Это дает возможность перейти от общего распределения ресурсов к адресной работе с регионами, направляя поддержку на устранение ограничений, сдерживающих их развитие.

В результате институты развития могут использоваться как согласованный механизм повышения социально-экономической устойчивости приграничных территорий.

При этом оценка достигнутых результатов должна проводиться регулярно, поскольку экономическое положение приграничных субъектов и условия взаимодействия с сопредельными государствами могут существенно меняться в короткий промежуток времени. Такой порядок работы позволит своевременно корректировать применяемые меры, отказаться от малоэффективных решений и направить ресурсы на задачи, имеющие наибольшее значение для устойчивого развития региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : [приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза, подписанному 11 апреля 2017 г.]. – Доступ с официального сайта Евразийской экономической комиссии.
2. О концессионных соглашениях [Электронный ресурс] : [федер. закон Рос. Федерации от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 6 июля 2005 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 13 июля 2005 г.]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об особых экономических зонах в Российской Федерации [Электронный ресурс] : [федер. закон Рос. Федерации от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 8 июля 2005 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 13 июля 2005 г.]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О стратегическом планировании в Российской Федерации [Электронный ресурс] : [федер. закон Рос. Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 июня 2014 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 25 июня 2014 г.]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации [Электронный ресурс] : [федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 23 декабря 2014 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 25 декабря 2014 г.]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] :

- [федер. закон Рос. Федерации от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 1 июля 2015 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 8 июля 2015 г.]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : [распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. № 207-р : утратило силу с 28 декабря 2024 г. в связи с принятием распоряжения Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р]. – Доступ из электронного фонда нормативно-технических документов.
 8. О Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации [Электронный ресурс] : [распоряжение Правительства Российской Федерации от 7 октября 2020 г. № 2577-р]. – Доступ с официального сайта Правительства Российской Федерации.
 9. Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц недружественные действия [Электронный ресурс] : [распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 10. Об утверждении Методики оценки эффективности реализации государственной программы Российской Федерации "Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации" [Электронный ресурс] : [приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 10 июля 2018 г. № 359]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 11. Об утверждении Методики оценки эффективности реализации государственной программы Российской Федерации "Социально-экономическое развитие Калининградской области" [Электронный ресурс] : [приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 10 июля 2018 г. № 360]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Об утверждении Методики оценки эффективности государственной программы Российской Федерации "Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона" и признании утратившим силу приказа Минвостокразвития России от 20 апреля 2017 г. № 94 "Об утверждении Методики оценки эффективности государственной программы Российской Федерации "Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона"" [Электронный ресурс] : [приказ Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики от 17 декабря 2018 г. № 233]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Об утверждении Методики оценки эффективности реализации государственной программы Российской Федерации "Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя" [Электронный ресурс] : [приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 15 апреля 2020 г. № 228]. – Доступ из электронного ресурса «Кодификация.РФ: Действующее законодательство Российской Федерации».
14. Об утверждении Методики оценки эффективности реализации государственной программы Российской Федерации "Развитие Северо-Кавказского федерального округа" [Электронный ресурс] : [приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 7 октября 2020 г. № 653]. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Абрамов, В. Л. Формирование устойчивых конкурентных преимуществ государств – членов ЕАЭС в инвестиционной сфере / В. Л. Абрамов, П. В. Алексеев // Финансы: теория и практика. – 2017. – Т. 21, № 4. – С. 116-125.
16. Алтайский край [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Алтайского края : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://invest.alregn.ru/>.
17. Амурская область [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Амурской области : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://invest.amurobl.ru/>.
18. Амурская область [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/maps/ru/ru-amu/1512815/>.

19. Ангапова, О. Б. Классификация приграничных регионов российской федерации / О. Б. Ангапова // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2014. – № 2. – С. 76–80.
20. Архангельская область [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Архангельской области : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://invest29.ru/>.
21. Ассоциация европейских приграничных регионов (АЕВР) [Электронный ресурс] // Официальный сайт АЕВР. – Режим доступа: <https://www.aebr.eu>.
22. Астраханская область [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Астраханской области : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://invest.astrobl.ru/>.
23. Атагулыева, Н. К. Инфраструктурные проекты как фактор ускорения регионального роста / Н. К. Атагулыева // Образование и наука в XXI веке. – 2025. – Т. 2, № 67-5. – С. 354-363.
24. Афанасьев, М. П. Финансовый сектор экономики: динамика и факторы развития / М. П. Афанасьев, Н. Н. Шаш // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2022. – № 20. – С. 286-301.
25. Бай, Т. О. Методические подходы к оценке эффективности государственных программ в Дальневосточном федеральном округе / Т. О. Бай // Вестник евразийской науки. – 2025. – Т. 17, № 1. – С. 1-13.
26. Беланова, Н. Н. Анализ результативности и эффективности реализации государственной программы в сфере развития промышленности / Н. Н. Беланова, Е. К. Чиркунова, А. Д. Корнилова // Российский экономический интернет-журнал. – 2019. – № 2. – С. 1-14.
27. Белгородская область [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Белгородской области : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://belgorodinvest.ru/>.
28. Бородин, В. А. Экономическая интеграция регионов как механизм выравнивания и роста их потенциалов / В. А. Бородин, Г. Ю. Гагарина // Федерализм. – 2020. – № 2. – С. 76-91.
29. Бредихин, А. В. Приграничные агломерации в процессах наднациональной интеграции ЕАЭС и Китая / А. В. Бредихин // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2016. – № 2. – С. 79-88.

30. Бреусова, А. Г. Оценка эффективности государственных программ / А. Г. Бреусова // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. – 2015. – № 2. – С. 128-136.
31. Брянская область [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Брянской области : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://invest32.ru/>.
32. Бухвальд, Е. М. Экономическое пространство как поле реализации национальных целей России / Е. М. Бухвальд // Федерализм. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 32-47.
33. Вардомский, Л. Б. Пояс соседства России. Развитие и взаимодействие в условиях глобального кризиса / Л. Б. Вардомский // Россия и современный мир. – 2010. – № 4. – С. 124-143.
34. Вардомский, Л. Б. Приграничное сотрудничество на «новых и старых» границах России / Л. Б. Вардомский // Евразийская экономическая интеграция. – 2008. – № 1 (1). – С. 90-108.
35. Виндижева, Б. Ч. К вопросу о налоговом стимулировании экономики новых регионов Российской Федерации / Б. Ч. Виндижева // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – № 8 (114). – С. 37-43.
36. Волгоградская область [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Волгоградской области : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://investvolga.com/>.
37. Волков, Д. Г. Анализ зарубежного опыта и разработка методики удовлетворенности государственными программами в России / Д. Г. Волков // Практический маркетинг. – 2014. – № 9. – С. 17-22.
38. Воронежская область [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Воронежской области : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://invest-in-voronezh.ru/>.
39. Воронов, А. С. Пространственный подход в развитии социально-экономических систем регионов / А. С. Воронов // Государственное управление. Электронный вестник. – 2019. – № 75. – С. 249-267.
40. г. Севастополь [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал города Севастополя : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://sevinvestportal.ru/>.

41. Габдуллина, Г. К. Асимметрия социально-экономического развития российских регионов / Г. К. Габдуллина, И. З. Гафиятов // Индустриальная экономика. – 2021. – Т. 2, № 3. – С. 53-59.
42. Гамарник, И. А. Межбюджетные трансферты и развитие регионов: анализ, направления повышения эффективности / И. А. Гамарник // Аудиторские ведомости. – 2025. – № 2. – С. 67-81.
43. Глазьев, С. Ю. О стратегии развития российской экономики / С. Ю. Глазьев // Экономика региона. – 2007. – № 3. – С. 28-39.
44. Голубцов, И. А. Анализ мировой практики стимулирования экономики в приграничных территориях / И. А. Голубцов // Проблемы теории и практики управления. – 2024. – № 5-6. – С. 58-71.
45. Голубцов, И. А. Обоснование возможных направлений развития приграничной экономики / И. А. Голубцов // Региональная экономика: теория и практика. – 2024. – Т. 22, № 9 (528). – С. 1615-1627.
46. Голубцов, И. А. Оценка институциональных условий экономического роста приграничных регионов России на основе индекса состояния институтов развития / И. А. Голубцов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2026. – № 2. – С. 27-36.
47. Голубцов, И. А. Оценка экономических интересов участников инвестиционного и инновационного процессов / И. А. Голубцов // Экономика устойчивого развития. – 2025. – № 1 (61). – С. 64-69.
48. Голубцов, И. А. Проблемы развития государственно-частного партнерства на Дальнем Востоке // Роль местного самоуправления в развитии государства на современном этапе : Материалы V Международной научно-практической конференции, Москва, 23-24 апреля 2020 года / Редколлегия: С. П. Косарин, И. В. Милькина. – Москва: Государственный университет управления. – 2020. – С. 445-447.
49. Голубцов, И. А. Факторы инвестиционной привлекательности городов Дальнего Востока / И. А. Голубцов, И. В. Милькина // Государство, власть, управление и право : материалы X Всероссийской научно-практической конференции, Москва,

- 27 ноября 2019 года / Государственный университет управления. – Москва: Государственный университет управления. – 2019. – С. 57-59.
50. Горда, А. С. Зарубежный опыт еврорегионального сотрудничества и развития внешнеэкономической деятельности / А. С. Горда // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. – 2021. – Т. 7, № 3. – С. 14-29.
51. Григорьев, Н. А. Развитие институционального управления Арктическим регионом России / Н. А. Григорьев // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2024. – № 3 (37). – С. 108-122.
52. Гусев, М. А. Сравнение методик оценки эффективности государственных программ в субъектах Российской Федерации / М. А. Гусев // Методология устойчивого экономического развития в условиях новой индустриализации: сборник трудов международной конференции – Крым. – 2016. – С. 355-360.
53. Дербеденев, В. А. Роль территории опережающего развития в обеспечении устойчивости развития Чукотского автономного округа / В. А. Дербеденев, Л. Н. Чайникова, Н. Ю. Сорокина // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. – 2019. – № 1 (57). – С. 1-11.
54. Дружественная торговля: как изменилась структура экспорта и импорта России в 2022 году [Электронный ресурс] // Открытый журнал. Официальный сайт. – Режим доступа: <https://journal.open-broker.ru/research/druzhestvennaya-torgovlya/>.
55. Еврейская автономная область (справка по схеме) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/maps/ru/ru-yev/1436554/>.
56. Еврейская автономная область [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Еврейской автономной области : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://invest.eao.ru/>.
57. Железняков, А. С. Россия и Монголия в цивилизационной и геополитической парадигмах развития Центральной Евразии / А. С. Железняков, Г. Чулуунбаатар // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2023. – Т. 23, № 3. – С. 612-622.

58. Забайкальский край (справка) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: <https://mid.ru/ru/maps/ru/ru-zab/1424361/>.
59. Забайкальский край [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Забайкальского края : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://www.zab-investportal.ru/>.
60. Зазерская, В. В. Тенденции развития региональных интеграционных союзов: методологический аспект / В. В. Зазерская // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. – 2022. – Т. 17, № 4. – С. 375-390.
61. Зарична, Е. В. Экономическая безопасность в контексте развития трансграничного сотрудничества: проблемы и перспективы / Е. В. Зарична // Формирование рыночных отношений в Украине. – 2018. – № 5 (204). – С. 98-103.
62. Зверев, Ю. М. Три российских региона на Балтике в условиях противостояния России и Запада / Ю. М. Зверев // Балтийский регион. – 2023. – Т. 15, № 4. – С. 24-41.
63. Зверева, В. А. Совершенствование процесса управления государственными программами субъектов Российской Федерации путем разработки единой методики оценки эффективности их реализации / В. А. Зверева // Вестник современных исследований. – 2018. – № 5-4. – С. 152-154.
64. Зотова, Т. А. Институциональные факторы развития региона: внешнеэкономические аспекты / Т. А. Зотова, М. В. Калугина // Terra Economicus. – 2012. – Т. 10, № 4-3. – С. 226-229.
65. Зубаревич, Н. В. Налогово-бюджетная дифференциация регионов России: масштабы и динамика / Н. В. Зубаревич, С. Г. Сафронов // Региональные исследования. – 2023. – № 1 (79). – С. 31-41.
66. Зубаревич, Н. В. Региональное развитие и региональная политика в России / Н. В. Зубаревич // ЭКО. – 2014. – № 4. – С. 7-27.
67. Зубаревич, Н. В. Эволюция приоритетов региональной политики России / Н. В. Зубаревич // Вопросы географии. – 2016. – № 141. – С. 151-165.
68. Иваненко, В. А. Некоторые особенности регулирования иностранных инвестиций в приграничных районах / В. А. Иваненко // Известия

- Российского государственного педагогического университета им А. И. Герцена. – 2007. – Т. 18, № 44. – С. 123-128.
69. Иванов, О. Б. Санкции и контрмеры в российской экономике (региональный аспект) / О. Б. Иванов, Е. М. Бухвальд // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2022. – № 4. – С. 7-27.
70. Инвестиционная карта Российской Федерации [Электронный ресурс] // Инвестиционная карта Российской Федерации. – Режим доступа: <https://invest.gov.ru/>.
71. Информационный паспорт Чукотского автономного округа [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/maps/ru/ru-chu/1703189>.
72. Кабардино-Балкарская Республика [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Кабардино-Балкарской Республики : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://invest-kbr.ru/>.
73. Калининградская область [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Калининградской области : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://investinkaliningrad.ru/>.
74. Камчатский край (справка по схеме) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: <https://mid.ru/ru/maps/ru/ru-kam/1424340>.
75. Камчатский край [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Камчатского края : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://investkamchatka.ru/>.
76. Капранова, Л. Д. Современные финансовые инструменты обеспечения экономического развития России / Л. Д. Капранова // Экономика. Налоги. Право. – 2024. – Т. 17, № 2. – С. 27-39.
77. Капустина, Н. В. Роль инвестиций в инфраструктуру в экономическом росте и сбалансированном региональном развитии / Н. В. Капустина, А. И. Садыков, Я. Подгорский // Финансы: теория и практика. – 2023. – Т. 27, № 2. – С. 50-63.

78. Карачаево-Черкесская Республика [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Карачаево-Черкесской Республики : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://investkchr.ru/>.
79. Клейнер, Г. Б. Системная парадигма как теоретическая основа стратегического управления экономикой в современных условиях / Г. Б. Клейнер // Управленческие науки. – 2023. – Т. 13, № 1. – С. 6-19.
80. Климанов, В. В. Инструменты межрегионального взаимодействия в системе государственного управления / В. В. Климанов, С. М. Казакова, В. А. Яговкина // Регионология. – 2021. – Т. 29, № 2 (115). – С. 250-282.
81. Клисторин, В. И. Анализ методик оценки государственных программ субъектов РФ / В. И. Клисторин, С. В. Седипкова // Мир экономики и управления. – 2021. – Т. 21, № 4. – С. 159-174.
82. Колосов, В. А. Формальные границы и трансграничные взаимодействия: страна-регион-муниципалитет / В. А. Колосов, А. Б. Себенцов, К. А. Морачевская // Балтийский регион. – 2024. – Т. 16, № 3. – С. 21-41.
83. Комарова, А. В. Использование опыта Южной Кореи для совершенствования методик оценки эффективности реализации государственных целевых программ / А. В. Комарова // Перспективы науки. – 2014. – № 10. – С. 114-117.
84. Комлева, В. В. Международное сотрудничество регионов России: институциональные основы и характерные модели / В. В. Комлева // Россия: общество, политика, история. – 2022. – № 1 (1). – С. 10-34.
85. Котов, А. В. Особенности регулирования преференциальных территориальных режимов в странах ЕС / А. В. Котов // Современная Европа. – 2023. – № 1 (115). – С. 100-112.
86. Краснодарский край [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Краснодарского края : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://www.investkuban.ru/>.
87. Красноярский край [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Красноярского края : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://investkrsk.ru/>.

88. Крюков, В. А. Пространственное развитие России: основные проблемы и подходы к их преодолению / В. А. Крюков, Е. А. Коломак // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2021. – № 1. – С. 92-114.
89. Кудина, М. В. Влияние региональной инвестиционной среды на управление развитием финансовой культуры России / М. В. Кудина, И. В. Галкин, В. В. Рыжов // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2025. – Т. 22, № 3. – С. 3-43.
90. Кузавко, А. С. Приграничные регионы в условиях интеграции: теоретические оценки и практические результаты / А. С. Кузавко // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 2. – С. 108-130.
91. Кузнецов, А. В. Изменение роли приграничных регионов в региональной политике стран ЕС и России / А. В. Кузнецов, О. В. Кузнецова // Baltic Region. – 2019. – № 4. – С. 58-75.
92. Кузнецова, Е. И. Институциональные факторы устойчивости региональных экономических систем и их влияние на обеспечение экономической безопасности / Е. И. Кузнецова, А. В. Русавская, О. В. Сараджева // Образование. Наука. Научные кадры. – 2024. – № 1. – С. 268-273.
93. Куприянов, С. В. Необходимость системного и комплексного исследования развития приграничных территорий / С. В. Куприянов, А. С. Трошин // Пространственное развитие территорий: сборник научных трудов международной научно-практической конференции. – Белгород, ООО «ЭПИЦЕНТР». – 2018. – С. 20-25.
94. Курганская область [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Курганской области : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://invest45.ru/>.
95. Курмангалиев, А. М. Обзор возможностей системной организации мультимодальных транспортных коридоров в Казахстане / А. М. Курмангалиев // Актуальные проблемы транспорта и энергетики: пути их инновационного решения. – 2023. – С. 166-171.
96. Курская область [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Курской области : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://kurskoblinvest.ru/>.

97. Лебедева, Т. В. Оценка перспектив устойчивого приграничного взаимодействия российских постцелинных регионов Урала и Сибири с Республикой Казахстан / Т. В. Лебедева, Л. М. Туктамышева, И. С. Свиридов // Юг России: экология, развитие. – 2024. – Т. 19, № 3. – С. 154-168.
98. Лексин, В. Н. Естественное и регулятивно-императивное в пространственном развитии России / В. Н. Лексин, А. Н. Швецов // Федерализм. – 2024. – Т. 29, № 2. – С. 5-31.
99. Ленинградская область [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Ленинградской области : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://lenoblinvest.ru/>.
100. Ленков, И. Н. Трансграничные платежи в условиях санкций / И. Н. Ленков, И. А. Голубцов, В. В. Ожогин // Финансы, деньги, инвестиции. – 2022. – № 2 (82). – С. 30-34.
101. Ленков, И. Н. Цифровые финансовые инструменты как средство сбережения и платежа / И. Н. Ленков, И. А. Голубцов // Сберегательное дело за рубежом. – 2022. – № 1. – С. 34-38.
102. Леонтьева, Л. С. Разработка методики оценки системы приграничных отношений / Л. С. Леонтьева, И. А. Голубцов // Вестник РГГУ. Серия «Экономика и управление». – 2025. – № 4. – С. 89-106.
103. Леонтьева, Л. С. Региональные инициативы по государственной поддержке малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации / Л. С. Леонтьева, И. А. Голубцов // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2024. – Т. 21, № 2. – С. 93-108.
104. Леонтьева, Л. С. Совокупная организационная культура как управленческий ресурс регионального развития / Л. С. Леонтьева // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2019. – № 1. – С. 6-11.
105. Макаров, В. Л. Метод оценки результативности регионального управления / В. Л. Макаров, А. Р. Бахтизин, М. Ю. Афанасьев, Н. И. Ильин, А. А. Гусев // Вестник Российской академии наук. – 2025. – Т. 95, № 4. – С. 75-89.
106. Макаров, Д. Н. Методика оценки эффективности как важный элемент механизма реализации государственных программ РФ / Д. Н. Макаров // Новизна. Эксперимент. Традиции. – 2022. – Т. 8, № 3 (19). – С. 40-45.

107. Малахова, О. Б. Выбор стратегических направлений развития приграничного региона / О. Б. Малахова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2009. – № 1. – С. 29-34.
108. Медведева, Н. В. Новые инструменты привлечения инфраструктурных инвестиций в экономику региона / Н. В. Медведева, Н. А. Маслюк // Власть и управление на Востоке России. – 2022. – № 3 (100). – С. 87-100.
109. Минтранс России. Перечень пунктов пропуска через государственную границу Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт : ФГКУ Росгранстрой. – Режим доступа: <https://rosgranstroy.ru/checkpoints?ysclid=msf3ocx1db212407526>.
110. Минфин России. Бюджеты субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] // Министерство финансов Российской Федерации. – Режим доступа: <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/subbud/>.
111. Минэкономразвития России. Стратегии социально-экономического развития субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_subektov_rf/.
112. Молчанов, И. Н. Развитие региональной экономики и концепция пространственного развития: ретроспективный анализ / И. Н. Молчанов, Н. П. Молчанова // Вопросы управления. – 2019. – № 2 (38). – С. 92-105.
113. Мурманская область [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Мурманской области : официальный сайт. – Режим доступа: <https://invest.nashsever51.ru/>.
114. Новоселов, А. С. Институциональные аспекты управления региональным и муниципальным развитием / А. С. Новоселов // Мир экономики и управления. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 111-130.
115. Нурматова, А. А. Система управления экономическим потенциалом приграничных территорий / А. А. Нурматова, К. А. Атышов // Евразийское Научное Объединение. – 2020. – № 12-4 (70). – С. 292-294.

116. Омская область [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Омской области : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://investomsk.ru/>.
117. Оренбургская область [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Оренбургской области : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://orbinvest.ru/>.
118. Павлов, К. В. Приграничная экономика как перспективный раздел регионалистики / К. В. Павлов // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2022. – № 12. – С. 66-72.
119. Павлов, К. В. Разработка методики оценки состояния проектов и программ межрегионального приграничного сотрудничества / К. В. Павлов, И. Г. Андреева, В. А. Сапрыка, Л. Н. Шмигирилова // Региональная экономика: теория и практика. – 2011. – № 6. – С. 2-8.
120. Полтерович, В. М. Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России) / В. М. Полтерович // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 5. – С. 34-56.
121. Полтерович, В. М. Стимулирование роста и стадии развития / В. М. Полтерович, В. В. Попов // Модернизация экономики и выращивание институтов. – 2005. – № 2. – С. 137-149.
122. Приморский край (справка по схеме) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/maps/ru/ru-pri/1424290/>.
123. Приморский край [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Приморского края : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://invest.primorsky.ru/>.
124. Псковская область [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Псковской области : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://invest.pskov.ru/>.
125. Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>.
126. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025 : стат. сб. / Росстат. М., 2025. 1035 с.

127. Республика Алтай [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Республики Алтай : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://altayinvest.ru/>.
128. Республика Бурятия [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Республики Бурятия : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://invest-buryatia.ru/>.
129. Республика Дагестан [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Республики Дагестан : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://dagestaninvestment.ru/>.
130. Республика Ингушетия [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Республики Ингушетия : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://investingushetia.ru/>.
131. Республика Калмыкия [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Республики Калмыкия : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://investkalm.ru/>.
132. Республика Карелия [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Республики Карелия : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://kareliainvest.ru/>.
133. Республика Крым [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Республики Крым : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://invest.rk.gov.ru/>.
134. Республика Саха (Якутия) (справка) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/maps/ru/ru-sa/1424379/>.
135. Республика Саха (Якутия) [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Республики Саха (Якутия) : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://investyakutia.ru/>.
136. Республика Северная Осетия-Алания [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Республики Северная Осетия-Алания : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://invest.alania.gov.ru/>.
137. Республика Тыва [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Республики Тыва : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://invest.tuva.ru/>.
138. Розин, Е. В. Государственно-частное партнерство как драйвер устойчивого развития регионов Российской Федерации / Е. В. Розин // Аллея науки. – 2022. – Т. 1, № 10. – С. 1–10.

139. Российский экспортный центр. Региональные подразделения [Электронный ресурс] // Российский экспортный центр. – Режим доступа: <https://www.exportcenter.ru/contacts/regions/>.
140. Росстат. Демография [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.
141. Росстат. Инвестиции в нефинансовые активы [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial.
142. Росстат. Национальные счета [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>.
143. Росстат. Уровень жизни [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>.
144. Ростовская область [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Ростовской области : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://invest-don.ru/>.
145. Рощина, Л. Н. Внешнеэкономическая деятельность Российской Федерации в условиях санкций: анализ и перспективы / Л. Н. Рощина, П. В. Таранов // Прогрессивная экономика. – 2023. – № 11. – С. 178-189.
146. Рустамова, Л. Р. Внешние связи приграничных российских регионов / Л. Р. Рустамова // Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 177-206.
147. Рустамова, Л. Р. Проблемы и перспективы приграничного сотрудничества еврорегионов с участием России / Л. Р. Рустамова // Регионоведение. – 2019. – № 4 (109). – С. 711-733.
148. Савенкова, И. В. Оценка развития приграничных регионов РФ в новых условиях развития экономики / И. В. Савенкова, Т. Н. Добродомова // Экономика устойчивого развития региона: инновации, финансовые аспекты, технологические драйверы развития в сфере туризма и гостеприимства : Материалы X Международной научно-практической конференции. В 2-х ч.,

- Ялта, 28–31 марта 2023 года / Отв. редактор А. В. Олифиров. Том Часть 1. – Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал». – 2023. – С. 81-84.
149. Самарская область [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Самарской области : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://investinsamara.ru/>.
150. Саратовская область [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Саратовской области : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://investinsaratov.ru/>.
151. Сахалинская область (справка по схеме) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/maps/ru/ru-sak/1424301/>.
152. Сахалинская область [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Сахалинской области : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://investinsakhalin.ru/>.
153. Себенцов, А. Б. Приграничное сотрудничество в порубежье России: в поисках новых подходов и форм / А. Б. Себенцов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2024. – № 4 (71). – С. 11-25.
154. Смоленская область [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Смоленской области : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://smolinvest.com/>.
155. Суряднов, В. В. Применение гибких подходов управления в государственных органах для регулирования и развития МСП / В. В. Суряднов, И. А. Голубцов // Инновации и инвестиции. – 2022. – № 7. – С. 58-64.
156. Суслов, В. И. Перераспределение ресурсов между частным и общественным сектором пространственной экономики: агент-ориентированный подход / В. И. Суслов, А. А. Цыплаков, Т. С. Новикова // Экономика региона. – 2023. – Т. 19, № 3. – С. 612-628.
157. Тарасова, А. С. Развитие концепции приграничного сотрудничества в российской и зарубежной историографии / А. С. Тарасова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. – 2024. – Т. 16, № 2. – С. 240-259.
158. Терехов, А. Г. Аудит эффективности проектов, программ, изобретений и открытий / А. Г. Терехов, Р. М. Тихонов, В. В. Серебрянников. – М. : Экономика. – 2008. – 366 с.

159. Тюменская область [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Тюменской области : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://investintyumen.ru/>.
160. Ускова, Т. В. Управление устойчивым развитием региона / Т. В. Ускова. – ИСЭРТ РАН. – 2014. – 438 с.
161. ФГКУ «Росгранстрой». Пункты пропуска [Электронный ресурс] // Росгранстрой. – Режим доступа: <https://www.rosgranstroy.ru/checkpoints>.
162. Федеральная таможенная служба. Внешняя торговля субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной таможенной службы. – Режим доступа: <https://customs.gov.ru/folder/527>.
163. Федеральная таможенная служба. Данные об экспорте-импорте России за январь-декабрь 2021 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной таможенной службы. – Режим доступа: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/325325>.
164. Федеральная таможенная служба. Импорт России важнейших товаров за январь-декабрь 2021 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной таможенной службы. – Режим доступа: <https://customs.gov.ru/folder/527>.
165. Федеральная таможенная служба. Итоги внешней торговли с основными странами [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной таможенной службы. – Режим доступа: <https://customs.gov.ru/folder/511>.
166. Федеральная таможенная служба. Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации за 2021 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной таможенной службы. – Режим доступа: <https://customs.gov.ru/statistic>.
167. Федеральная таможенная служба. Экспорт России важнейших товаров за январь-декабрь 2021 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной таможенной службы. – Режим доступа: <https://customs.gov.ru/folder/527>.
168. Федеральное казначейство. Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] // Федеральное казначейство. –

- Режим доступа: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/>.
169. Федоров, Г. М. Экономическое развитие / Г. М. Федоров // Стратегия развития и экономическая безопасность Калининградской области : Аналитический доклад. – Калининград : Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта. – 2023. – С. 5-20.
 170. Фурсов, В. А. Оценка эффективности и мониторинг реализации государственных программ на региональном уровне / В. А. Фурсов, З. М. Алиева, Х. С. Мальсагова // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2024. – № 5 (163). – С. 72-79.
 171. Хабаровский край (справка по схеме) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим доступа: <https://mid.ru/ru/maps/ru/ru-kha/1436552/>.
 172. Хабаровский край [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Хабаровского края : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://invest.khv.gov.ru/>.
 173. Хмелева, Г. А. Повышение конкурентоспособности и устойчивости развития приграничного региона / Г. А. Хмелева, М. В. Курникова, М. В. Гришанин // Вестник Евразийской науки. – 2023. – Т. 15, № 2. – С. 1-12.
 174. Хмелева, Г. А. Современное состояние и риски развития приграничных геостратегических территорий / Г. А. Хмелева, К. О. Костромин, Н. И. Скреблов // Вестник евразийской науки. – 2023. – Т. 15, № 1. – С. 1-14.
 175. Центры «Мой бизнес» [Электронный ресурс] // Мой бизнес. – Режим доступа: <https://xn--90aifddrld7a.xn--p1ai/about/centers/>.
 176. Цюжунь, Ц. Казахстан в инициативе «Один пояс, один путь» (2013–2022 гг.) / Ц. Цюжунь // Вестник Томского государственного университета. История. – 2023. – № 81. – С. 121-126.
 177. Челябинская область [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Челябинской области : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://investregion74.ru/>.
 178. Черномаз, П. А. Еврорегион «Слобожанщина»: этапы формирования и перспективы развития / П. А. Черномаз // Международное сотрудничество приграничных регионов: история, экономика, политика, культура :

- материалы международной научно-практической конференции – Курск, 19–20 сентября 2011 г. – Курск. – Изд-во VIP. – 2011. – С. 160-165.
179. Чеченская Республика [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Чеченской Республики : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://invest-chechnya.ru/>.
 180. Чукотский автономный округ [Электронный ресурс] // Инвестиционный портал Чукотского автономного округа : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://www.chukotka-invest.ru/>.
 181. Шаш, Н. Н. Оценка эффективности региональных экологических программ / Н. Н. Шаш, А. И. Бородин, Н. Н. Киселева // Финансовый журнал. – 2011. – № 4. – С. 49-62.
 182. Шаш, Н. Н. Построение программного бюджета и оценка эффективности программ / Н. Н. Шаш // Финансовый журнал. – 2011. – № 2. – С. 55-64.
 183. Юсупов, Р. М. Теоретико-методические аспекты разработки государственных программ на региональном уровне / Р. М. Юсупов, А. И. Бостанова // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – 2014. – № 4 (64). – С. 1-17.
 184. Якимова, В. А. Детерминанты привлечения инвестиций в точки роста экономики Дальнего Востока России / В. А. Якимова, С. В. Хмура // Экономика региона. – 2022. – № 3. – С. 943-959.
 185. Anderson, J. E. Borders, border regions and territoriality: Contradictory meanings, changing significance / J. E. Anderson, L. O'Dowd // Regional Studies. – 1999. – Vol. 33, № 7. – Pp. 593-604.
 186. Anderson, J. E. Gravity with gravitas: A solution to the border puzzle / J. E. Anderson, E. van Wincoop // American Economic Review. – 2003. – Vol. 93, № 4. – Pp. 170-192.
 187. Assessing Program Performance [Электронный ресурс] // Официальный сайт Белого дома США. – Режим доступа: <https://georgewebush-whitehouse.archives.gov/omb/performance/index.html>.

188. Balme, R. L'Europe en région : les fonds structurels et la régionalisation de l'action publique en France métropolitaine / R. Balme, B. Jouve // Politiques et Management Public. – 1995. – Vol. 13, № 2. – Pp. 35-58.
189. Barilari, A. La LOLF et la nouvelle gouvernance financière de l'État / A. Barilari, M. Bouvier. – Paris : LGDJ. – 2010. – 266 p.
190. Brunet-Jailly, E. Theorizing borders: An interdisciplinary perspective / E. Brunet-Jailly // Geopolitics. – 2005. – Vol. 10, № 4. – Pp. 633-649.
191. Charnes, A. Measuring the efficiency of decision making units / A. Charnes, W. W. Cooper, E. Rhodes // European Journal of Operational Research. – 1978. – Vol. 2, № 6. – Pp. 429-444.
192. CrossQuality Handbook for Assessing the Quality of Cross-Border Cooperation [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://crossborderitem.eu/en/publications/crossquality-handbook-for-assessing-the-quality-of-cross-border-cooperation/>.
193. ESPON. TIA CBC, Territorial Impact Assessment for Cross-Border Cooperation [Электронный ресурс]. – 2024. – Режим доступа: <https://www.espon.eu/projects/tia-cbc-territorial-impact-assessment-territorial-impact-assessment-cross-border>.
194. Farrell, M. J. The measurement of productive efficiency / M. J. Farrell // Journal of the Royal Statistical Society. Series A (General). – 1957. – Vol. 120, № 3. – Pp. 253-290.
195. Freeman, L. C. Centrality in social networks: Conceptual clarification / L. C. Freeman // Social Networks. – 1979. – Vol. 1, № 3. – Pp. 215-239.
196. Gilmour, J. B. Implementing OMB's Program Assessment Rating Tool (PART): Meeting the Challenges of Integrating Budget and Performance / J. B. Gilmour // OECD Journal on Budgeting. – 2007. – Vol. 7, № 1. – Pp. 1-40.
197. Greenwood, M. J. Research on internal migration in the United States: A survey / M. J. Greenwood // Journal of Economic Literature. – 1975. – Vol. 13, № 2. – Pp. 397-433.
198. Hospers, G.-J. Borders, bridges and branding: The transformation of the Øresund region into an imaginary space / G.-J. Hospers // European Planning Studies. – 2006. – Vol. 14, № 8. – Pp. 1015-1033.

199. International Joint Commission. A Century of Cooperation. 2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ijc.org>.
200. Krugman, P. Globalization and the Inequality of Nations / P. Krugman, A. J. Venables // Quarterly Journal of Economics. – 1995. – Vol. 110, № 4 – Pp. 857-880.
201. Krugman, P. Increasing Returns and Economic Geography / P. Krugman // Journal of Political Economy. – 1991. – Vol. 99, № 3. – Pp. 483–499.
202. Liberato, D. Cross-border tourism development: The case of the Eurocity Chaves–Verín / D. Liberato, E. Alén, P. Liberato // Tourism Geographies. – 2018. – Vol. 20, № 4. – Pp. 597-617.
203. Lundén, T. Twin cities: A new form of urban cooperation / T. Lundén // GeoJournal. – 2007. – Vol. 70, № 1. – Pp. 25-37.
204. McCallum, J. National borders matter: Canada–U.S. regional trade patterns / J. McCallum // American Economic Review. – 1995. – Vol. 85, № 3. – Pp. 615-623.
205. Mission Opérationnelle Transfrontalière (MOT) [Электронный ресурс] // Официальный сайт MOT. – Режим доступа: <http://www.espaces-transfrontaliers.org>.
206. Neighbourhood & Partnership Instrument [Электронный ресурс] // European Commission. – Режим доступа: https://commission.europa.eu/system/files/2020-06/db_2021_programme_statement_european_neighbourhood_instrument_eni.pdf.
207. Newman, D. The lines that continue to separate us: borders in our “borderless” world / D. Newman // Progress in Human Geography. – 2006. – Vol. 30, № 2. – Pp. 143-161.
208. North, D. C. Institutions / D. C. North // Journal of Economic Perspectives. – 1991. – Vol. 5, № 1. – Pp. 97-112.
209. Nurgaliyeva, L. Cross-border cooperation between Kazakhstan and China: The Khorgos case / L. Nurgaliyeva // Journal of Eurasian Studies. – 2016. – Vol. 7, № 2 – Pp. 164-174.
210. OECD. Building More Resilient Cross-border Regions: Considerations in Governance and Partnerships [Электронный ресурс]. – Paris : OECD Publishing. – 2024. – Режим доступа: https://www.oecd.org/en/publications/building-more-resilient-cross-border-regions_d5fd3e59-en.html.

211. Paasi, A. Boundaries as social processes: Territoriality in the world of flows / A. Paasi // *Geopolitics*. – 1998. – Vol. 3, № 1. – Pp. 69-88.
212. Peacock, S. An Evaluation of Program Budgeting and Marginal Analysis Applied in South Australian Hospitals / S. Peacock. – Melbourne. – 2008. – 128 p.
213. Perkmann, M. Construction of new territorial scales: A framework and case study of the EUREGIO cross-border region / M. Perkmann // *Regional Studies*. – 2007. – Vol. 41, № 2. – Pp. 253-266.
214. Perkmann, M. Cross-border regions in Europe: Significance and drivers of regional cross-border co-operation / M. Perkmann // *European Urban and Regional Studies*. – 2003. – Vol. 10, № 2. – Pp. 153-171.
215. Perkmann, M. The rise of the Euroregion: A bird's eye perspective on European cross-border co-operation / M. Perkmann // *European Urban and Regional Studies*. – 2003. – Vol. 10, № 2. – Pp. 153-171.
216. Poot, J. The gravity model of migration: the successful comeback of an ageing superstar in regional science / J. Poot, O. Alimi, M. P. Cameron, D. C. Maré // *Investigaciones Regionales – Journal of Regional Research*. – 2016. – № 36. – Pp. 63-86.
217. Scriven, M. Goal-Free Evaluation / M. Scriven // *School Evaluation: The Politics and Process* / ed. by E. R. House. – Berkeley, Calif. : McCutchan. – 1966. – 70 p.
218. Scriven, M. The logic of evaluation. In H. V. Hansen, et. al. (Eds), *Dissensus and the Search for Common Ground*, CD-ROM. Windsor, ON: OSSA. – 2007. – Pp. 1-16.
219. Tignino, M. Water, international peace, and security / M. Tignino // *International Environmental Agreements*. – 2016. – Vol. 16, № 4. – Pp. 555-572.
220. Wilson, C. Growing together: Economic ties between the United States and Mexico / C. Wilson // *Woodrow Wilson Center*. – 2011. – Pp. 1-40.

Приложение А

Институты развития в условиях бюджетных ограничений и инфраструктуры пунктов пропуска: приграничные территории

Таблица А.1 – Связка дефицита бюджета и пунктов пропуска: отдельные приграничные территории с повышенной бюджетной нагрузкой

Регион	Дефицит / доходы, %	Пункты пропуска (узловые) ¹	Рекомендации: конкретные действия и институты развития ¹
Курская область	97,1	Суджа (авто) Крупец (авто) Теткино (Рыжевка) (авто)	1. Фискальная стабилизация: адресные межбюджетные трансферты и, при необходимости, реструктуризация обязательств под координацией Минфина России при одновременном введении жестких лимитов новых обязательств и мониторинга кассовых разрывов (Федеральное казначейство). 2. Пограничная инфраструктура: приоритизировать восстановление и резервирование критических элементов МАПП как проекта Росгранстроя и Минтранса России; ускорить перевод части контрольных процедур в цифровой контур ФТС России (предварительное информирование, электронная очередь, риск-ориентированный отбор), снижая транзакционные издержки и утечку потоков. 3. Доходная база: поддержать занятость и МСП в логистике / сервисе через инструменты Корпорации МСП, ФРП и ВЭБ.РФ (льготное финансирование и гарантии), увязывая меры с проектами импортозамещения и локальной переработки, способными компенсировать выпадающие поступления.
Челябинская область	43,6	Бугристое (авто) Карталы (Аксу / Бускуль) (ж/д)	1. Снятие инфраструктурных ограничений: реконструкция и расширение мощности МАПП и подходов (Росгранстрой, Минтранс России, Росавтодор) с обязательной оценкой эффекта в виде сокращения простоев и роста оборота транзита. 2. Административно-цифровой контур: внедрение комплексной системы управления потоками (электронная очередь, предварительное декларирование, интеграция данных) под контуром ФТС России, что уменьшает издержки бизнеса и снижает риск миграции потоков в альтернативные коридоры. 3. Бюджетная разгрузка: капитальные затраты по приграничной и дорожной инфраструктуре целесообразно выводить во внебюджетный контур через ВЭБ.РФ / ГЧП и, при наличии соответствия критериям, через инфраструктурные бюджетные кредиты (Минфин России / Минстрой России); параллельно - запуск производственных проектов с поддержкой ФРП.

Регион	Дефицит / доходы, %	Пункты пропуска (узловые) ¹	Рекомендации: конкретные действия и институты развития ¹
Тюменская область	31,6	Казанское (авто) Тюмень (Рощино) (возд.)	1. Оптимизация затрат на обеспечение пропускного режима: приоритизация расходов на “узкие места” (подъезды, площадки досмотра, связь) в логике программ Росгранстроя и Минтранса России вместо распыления капитальных вложений. 2. Повышение эффективности прохождения границы: тиражирование цифровых процедур ФТС России (предварительное информирование, электронные сервисы, риск-ориентированность) с целью минимизации очередей и потерь оборота, влияющих на региональные доходы через логистический сектор. 3. Инвестиционный контур: развитие приграничной логистики и переработки с участием ВЭБ.РФ, ФРП и Корпорации МСП, а также применение инструментов ИБК для инфраструктуры, что позволяет перераспределить нагрузку с бюджета субъекта на длинные источники финансирования.
Мурманская область	21,5	Борисоглебск (авто) Лотта (авто) Салла (авто) Мурманск (мор.)	1. Арктическая специфика: учитывать сезонность и удорожание содержания инфраструктуры, формируя “пакет устойчивости” расходов и резервов, согласованный с Минфином России и профильными федеральными программами. 2. Пункты пропуска и порты: модернизация узловых МАПП и портовой инфраструктуры (Росгранстрой, Минтранс, ФТС России) с привязкой к развитию Северного морского пути, чтобы рост пропускной способности конвертировался в расширение налоговой базы логистики. 3. Институты развития: привлекать КРДВ / Минвостокразвития России (арктические режимы поддержки), ВЭБ.РФ (проектное финансирование) и РЭЦ (экспортные сервисы) для капиталосберегающего обновления инфраструктуры и запуска проектов с измеримой бюджетной отдачей.
Оренбургская область	16,6	Маштаково (авто) Сагарчин (авто) Илек (авто) Орск (авто)	1. Управление очередями и простоями: комплекс мер по ускорению прохождения МАПП (электронная очередь, организационное перераспределение потоков, контроль весогабарита) под координацией ФТС России и Росгранстроя. 2. Инфраструктура подходов: синхронизация дорожных и пограничных проектов (Росавтодор / Минтранс России/Росгранстрой) для исключения эффекта “бутылочного горлышка”, из-за которого снижается оборот торговли и налоговые поступления. 3. Экономическая база: запуск приграничных логистических и перерабатывающих проектов с участием Корпорации МСП, ФРП и ВЭБ.РФ, что позволяет компенсировать выпадающие доходы без пропорционального роста бюджетных обязательств.
Брянская область	13,2	Троебортное (авто) Новые Юрковичи (авто)	1. Компенсация структурных потерь: адресные трансферты и корректировка долговых параметров (Минфин России) в увязке с программой восстановления/поддержания приграничной инфраструктуры.

Регион	Дефицит / доходы, %	Пункты пропуска (узловые) ¹	Рекомендации: конкретные действия и институты развития ¹
			2. Пункты пропуска: технологическое переоснащение и организационная оптимизация узлов (Росгранстрой, ФТС России) с переносом части процедур в цифровой контур и снижением издержек бизнеса, что важно для сохранения региональной налоговой базы. 3. Поддержка реального сектора: пакет мер для МСП и занятости (Корпорация МСП, ФРП, ВЭБ.РФ), ориентированный на локализацию производства и сервисов, способных заместить выпадающую пограничную активность.
Белгородская область	11,2	Нехотеевка (авто)	1. Снижение концентрационного риска: развитие альтернативных логистических маршрутов и узлов, позволяющих перераспределять потоки при изменении режима работы отдельных пунктов пропуска. 2. Пограничные процедуры: модернизация МАПП и цифровизация контроля (Росгранстрой, ФТС России) для минимизации транзакционных издержек и сохранения оборота в легальном контуре. 3. Поддержка экономики приграничья: адресные программы для МСП и промышленной кооперации с участием Корпорации МСП, ФРП и ВЭБ.РФ; приоритет - проекты, обеспечивающие устойчивые налоговые поступления при умеренной бюджетной стоимости.
Смоленская область	10,2	Красная Горка (место пересечения границы РФ–РБ на М-1)	1. Капитализация транзитного положения: развитие сервисной и складской инфраструктуры вдоль магистральных коридоров с применением механизмов ГЧП и проектного финансирования ВЭБ.РФ. 2. Технологизация пересечения границы: развитие цифровых сервисов контроля и управления потоками (ФТС России) и модернизация инфраструктуры на пересечениях (Росгранстрой / Минтранс России), что снижает простои и повышает оборот логистики. 3. Расширение налоговой базы: поддержка промышленных площадок и переработки через ФРП и Корпорацию МСП, а также инструменты инфраструктурных бюджетных кредитов для инженерной подготовки территорий.
¹ В таблице приведены узловые пункты пропуска (перечень не является исчерпывающим). Рекомендации сформулированы как комплекс взаимосвязанных мер, направленных на снижение бюджетной нагрузки за счет стабилизации доходной базы, оптимизации обязательных расходов и привлечения федеральных и квазигосударственных институтов развития. Примечание – Составлено автором на основе: Минфин России. Бюджеты субъектов Российской Федерации // Министерство финансов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru/ru/statistics/subbud/ (дата обращения: 22.06.2025) ; Федеральное казначейство. Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации // Федеральное казначейство. URL: https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzheto/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/ (дата обращения: 22.06.2025) ; ФГКУ «Росгранстрой». Пункты пропуска // Росгранстрой. URL: https://www.rosgranstroy.ru/checkpoints (дата обращения: 22.06.2025).			

Приложение Б

Точки роста приграничных субъектов Российской Федерации как объекты адресного использования инструментария и ресурсных возможностей институтов развития в регионах

Таблица Б.1 – Институты развития приграничных субъектов Российской Федерации и поддерживаемые ими точки роста

Субъект Российской Федерации	Конкретные региональные институты развития (организации и функциональные контуры)	Точки роста (реализуемые)	Возможные точки роста (потенциал)
Республика Карелия	Инвестиционное сопровождение: АО «Корпорация развития Республики Карелия» (единое окно для инвестпроектов, подбор площадок, сопровождение). МСП и экспорт: НКО «Центр «Мой бизнес» Республики Карелия»; Центр поддержки экспорта Республики Карелия. Промышленность и финансы: НКО «Фонд развития промышленности Республики Карелия»; Фонд по содействию кредитованию субъектов МСП Республики Карелия. Преференциальный контур: АО «КРДВ» – управляющая компания Арктической зоны РФ для арктических муниципалитетов республики.	глубокая переработка древесины (пиломатериалы, пеллеты, домокомплекты); камнеобработка (гранит, щебень); экотуризм (Ладога, Онежское озеро, Кижы)	био- и лесохимия (целлюлозно-биохимические продукты); индустриальные площадки у погранпереходов под логистику / сервис; распределенная ВИЭ (малые ГЭС, ветроэнергетика)
Калининградская область	Инвестиционное сопровождение: АО «Корпорация развития Калининградской области» (инвестплощадки, индустриальные парки, сопровождение проектов). МСП и экспорт: Фонд «Центр поддержки предпринимательства Калининградской области» / Центр «Мой бизнес»; Центр поддержки экспорта Калининградской области. Промышленность: региональный Фонд развития промышленности Калининградской области. Преференциальный контур: Особая экономическая зона в Калининградской области; региональный уполномоченный орган по администрированию режима ОЭЗ.	производственные цепочки в режиме ОЭЗ (сборочные производства и компоненты); портовая логистика (Балтийск, Калининград); янтарный кластер; туризм и санаторно-курортные услуги	судоремонт и морские сервисы; фармацевтика и медизделия; дата-центры и экспорт ИТ-услуг; локальная генерация и энергоэффективность

Субъект Российской Федерации	Конкретные региональные институты развития (организации и функциональные контуры)	Точки роста (реализуемые)	Возможные точки роста (потенциал)
Ленинградская область	Инвестиционное сопровождение: АНО «Агентство экономического развития Ленинградской области» (единое окно администрации региона). МСП, экспорт и промышленная кооперация: Фонд поддержки предпринимательства и промышленности Ленинградской области; Центр поддержки экспорта; Центр развития промышленности Ленинградской области (кластерный и кооперационный контур). Преференциальный контур: ТОР «Пикалево»; индустриальные парки и технопарки региона; Комитет экономического развития и инвестиционной деятельности Ленинградской области.	портово-промышленный комплекс (Усть-Луга, Приморск); химия / удобрения и переработка углеводородов; агропром и пищпереработка; индустриальные парки	контейнерная и мультимодальная логистика; водород / аммиак и низкоуглеродные цепочки; производство стройматериалов нового поколения; машиностроение для портовой и ж/д инфраструктуры
Мурманская область	Инвестиционное сопровождение: АО «Корпорация развития Мурманской области». МСП и экспорт: Центр поддержки предпринимательства Мурманской области / Центр «Мой бизнес»; Центр поддержки экспорта Мурманской области. Промышленность и проектное финансирование: Фонд развития промышленности Мурманской области; региональный проектный офис. Преференциальный контур: АО «КРДВ» – управляющая компания Арктической зоны РФ; резидентский режим АЗРФ для проектов арктической логистики, сервиса и переработки.	арктическая логистика и портовые сервисы; горнодобывающий комплекс (апатит, цветные металлы); рыбопереработка; судоремонт	узлы Северного морского пути (перевалка, бункеровка); ветроэнергетика и водородные проекты; глубокая переработка биоресурсов (БАД, фармингредиенты); арктический туризм
Псковская область	Инвестиционное сопровождение: Фонд инвестиционного развития Псковской области (индивидуальное сопровождение проектов). МСП и экспорт: Центр «Мой бизнес» Псковской области; Центр поддержки экспорта; микрофинансовая и гарантийная организации в составе инфраструктуры поддержки. Промышленный контур: региональные меры промышленной поддержки и инжиниринговые сервисы Центра «Мой бизнес». Преференциальный контур: АО «ОЭЗ ППТ «Моглино» – управляющая компания ОЭЗ «Моглино».	ОЭЗ "Моглино" (производство и логистика); агропереработка (молоко, мясо); деревообработка; транспортно-логистические сервисы на западном направлении	фулфилмент и складская недвижимость для электронной коммерции; производство комплектующих для машиностроения и электроники; событийный и паломнический туризм

Субъект Российской Федерации	Конкретные региональные институты развития (организации и функциональные контуры)	Точки роста (реализуемые)	Возможные точки роста (потенциал)
Белгородская область	Инвестиционное сопровождение: ОАО «Корпорация «Развитие» (Белгородская область) – сопровождение инвесторов и работа с площадками. МСП и экспорт: Центр «Мой бизнес» Белгородской области на базе МКК «Белгородский областной фонд поддержки малого и среднего предпринимательства»; Центр поддержки экспорта Белгородской области. Промышленность и гарантии: Региональный фонд развития промышленности Белгородской области; Белгородский гарантийный фонд содействия кредитованию.	агропромышленный комплекс (мясо, кормовая база); добыча / обогащение железорудного сырья и металлургия; производство стройматериалов	агротехнологии (точное земледелие, генетика, комбикорма); глубокая переработка сельхозсырья с экспортной ориентацией; перераспределение логистики в безопасные коридоры и создание оптово-распределительных центров
Брянская область	Инвестиционное сопровождение: ГАУ «Агентство инвестиционного развития Брянской области». МСП и экспорт: ГАУ Брянский областной «Центр оказания услуг «Мой Бизнес»; Центр поддержки экспорта Брянской области; Центр кластерного развития и инжиниринговый центр Брянской области. Финансы: МКК «Фонд развития малого и среднего предпринимательства Брянской области»; региональный контур поддержки промышленных проектов.	транспортное машиностроение и металлообработка; лесопереработка; молочно-мясной АПК; логистика на магистральных коридорах	индустриальные парки под кооперацию МСП (компоненты, инструмент); ремонтно-сервисные хабы для техники и транспорта; переработка вторсырья и материалы для строительства
Курская область	Инвестиционное сопровождение: Агентство регионального развития Курской области (сопровождение инвесторов и бизнеса). Промышленность: Государственный фонд развития промышленности Курской области. МСП и экспорт: Центр «Мой бизнес» Курской области; Центр поддержки экспорта Курской области; Фонд развития малого и среднего предпринимательства Курской области. Восстановительный контур: региональный проектный офис и федеральное софинансирование инфраструктурных проектов.	железорудная база КМА и первичная переработка; энергетика (генерация); зерно-сахарный АПК и пищепереработка	модернизация и углубление переработки рудного сырья (окатыши, металлопродукция); агропереработка высокой добавленной стоимости (крахмалы, глютен, биопродукты); проекты восстановления / устойчивости инфраструктуры с привлечением федерального софинансирования
Смоленская область	Инвестиционное сопровождение: АО «Корпорация инвестиционного развития Смоленской области»; Министерство инвестиционного развития Смоленской области. МСП и экспорт: Центр «Мой бизнес» Смоленской области / Центр поддержки предпринимательства Смоленской области; Центр поддержки экспорта Смоленской области. Промышленность: Фонд развития промышленности Смоленской области; Центр кластерного развития Смоленской области.	логистика и сервисы на коридоре М-1 (Москва – Минск); машиностроение и приборостроение; производство строительных материалов; агропереработка	мультимодальные терминалы и распределительные центры; индустриальные площадки для локализации компонентов; развитие трансграничных сервисов и кооперации с Республикой Беларусь

Субъект Российской Федерации	Конкретные региональные институты развития (организации и функциональные контуры)	Точки роста (реализуемые)	Возможные точки роста (потенциал)
Республика Калмыкия	Инвестиционное сопровождение: Фонд развития Республики Калмыкия – единое инвестиционное окно и целевое финансирование проектов. МСП и экспорт: Центр «Мой бизнес» Республики Калмыкия; Центр поддержки экспорта Республики Калмыкия. Промышленность и гарантии: Фонд развития промышленности Республики Калмыкия; Гарантийный фонд Республики Калмыкия.	овцеводство и мясное животноводство; ветроэнергетические площадки; транзитные сервисы на южных маршрутах	комплексная переработка мяса и шерсти (текстильные полуфабрикаты); солнечная генерация и накопители; развитие этно- и природного туризма
Краснодарский край	Инвестиционное сопровождение: АО «Корпорация развития Краснодарского края»; Департамент развития бизнеса и внешнеэкономической деятельности Краснодарского края. МСП и экспорт: Фонд развития бизнеса Краснодарского края / Центр «Мой бизнес»; Центр поддержки экспорта Краснодарского края. Промышленность и инновации: Фонд развития промышленности Краснодарского края; Фонд развития инноваций Краснодарского края. Инфраструктурный контур: региональные индустриальные парки, портовые и туристические проекты.	агроэкспорт и пищевая промышленность (зерно, масла, переработка); порты Черноморского бассейна (Новороссийск, Тамань); туризм (Сочи, Анапа); виноделие	расширение портовых мощностей и логистики контейнеров; производство агромашин и упаковки; морские сервисы и судоремонт; технологизация туризма (цифровые платформы, MICE)
Астраханская область	Инвестиционное сопровождение: АО «Корпорация развития Астраханской области». МСП и экспорт: Центр «Мой бизнес» Астраханской области; Центр поддержки экспорта Астраханской области. Промышленность: Фонд развития промышленности Астраханской области. Преференциальный контур: АО «ОЭЗ «Лотос» – управляющая компания ОЭЗ ППТ «Лотос» и портовой ОЭЗ; обе зоны объединены в Каспийский кластер.	судостроение и ремонт; логистика Каспийского направления и коридора Север – Юг; рыбообработка и аквакультура; ОЭЗ "Лотос"	производство оборудования для шельфа и водного транспорта; контейнеризация каспийских перевозок; глубинная переработка рыбы (филе, сурими, коллаген); сервисы международной логистики и страхования
Волгоградская область	Инвестиционное сопровождение: АО «Корпорация развития Волгоградской области». МСП и экспорт: Центр «Мой бизнес» Волгоградской области; Центр поддержки экспорта Волгоградской области. Промышленность: Фонд развития промышленности Волгоградской области; региональный центр кластерного развития. Инфраструктурный контур: индустриальные площадки и ГЧП-проекты в логистике и коммунальной инфраструктуре.	химическая и нефтехимическая переработка; металлургия; АПК и переработка; волжская логистика и судоходство	модернизация нефтехимии (полимеры, компаунды); речные мультимодальные терминалы и складская логистика; выпуск машин и комплектующих для АПК и транспорта

Субъект Российской Федерации	Конкретные региональные институты развития (организации и функциональные контуры)	Точки роста (реализуемые)	Возможные точки роста (потенциал)
Республика Дагестан	Инвестиционное сопровождение: Агентство по предпринимательству и инвестициям Республики Дагестан; региональный инвестпортал и проектный офис. МСП и экспорт: Центр «Мой бизнес» Республики Дагестан; Центр поддержки экспорта Республики Дагестан. Промышленность: Фонд развития промышленности Республики Дагестан. Макрорегиональный контур: АО «КАВКАЗ.РФ» – инвестиционные и инфраструктурные инструменты СКФО; портово-логистический контур МТК «Север – Юг».	портовые и логистические функции Каспия (Махачкала, Каспийск); садоводство и переработка; рыбное хозяйство; туризм (Каспий, горные районы)	инфраструктура коридора Север – Юг (терминалы, таможенно-складские комплексы); переработка фруктов / овощей (консервация, соки); малые ГЭС и распределенная энергетика; туристско-рекреационные кластеры
Кабардино-Балкарская Республика	Инвестиционное сопровождение: АО «Корпорация развития Кабардино-Балкарской Республики». МСП и экспорт: Центр «Мой бизнес» Кабардино-Балкарской Республики; Центр поддержки экспорта КБР. Промышленность: Фонд развития промышленности КБР. Туристско-рекреационный контур: АО «КАВКАЗ.РФ» – развитие ОЭЗ и курорта «Эльбрус».	горнолыжный и круглогодичный туризм (Приэльбрусье); садоводство и хранение / переработка фруктов; минеральные воды	инфраструктура туризма (канатные дороги, размещение, сервис); переработка плодово-ягодной продукции (пюре, концентраты); развитие тепличных комплексов и экспортных цепочек
Карачаево-Черкесская Республика	Инвестиционное сопровождение: АО «Корпорация развития Карачаево-Черкесской Республики». МСП и экспорт: Центр «Мой бизнес» Карачаево-Черкесской Республики; Центр поддержки экспорта КЧР. Промышленность: Фонд развития промышленности КЧР. Туристско-рекреационный контур: АО «КАВКАЗ.РФ» и резидентская инфраструктура курорта «Архыз».	туризм (Архыз и прилегающие территории); гидроэнергетика; мясо-молочный АПК; производство минеральной воды	кооперация МСП в туристическом сервисе; переработка молока и мяса с брендингом региона; развитие ремесленных и креативных индустрий как компонента турпродукта
Республика Ингушетия	Инвестиционное сопровождение: уполномоченный инвестиционный контур Республики Ингушетия (Минэкономразвития Республики Ингушетия и региональный проектный офис). МСП и экспорт: Центр «Мой бизнес» Республики Ингушетия; Центр поддержки экспорта Республики Ингушетия. Промышленность и финансы: Фонд развития промышленности Республики Ингушетия; гарантийно-микрофинансовая инфраструктура поддержки МСП. Макрорегиональный контур: АО «КАВКАЗ.РФ» – инструменты финансирования проектов СКФО.	промышленные площадки малого и среднего масштаба; агропереработка; внутренний туризм (культурно-исторические маршруты)	формирование индустриального парка с якорными резидентами (легкая промышленность, пищепереработка); логистические сервисы на межрегиональных коридорах; развитие гостиничной инфраструктуры

Субъект Российской Федерации	Конкретные региональные институты развития (организации и функциональные контуры)	Точки роста (реализуемые)	Возможные точки роста (потенциал)
Республика Северная Осетия – Алания	Инвестиционное сопровождение: АО «Корпорация развития Республики Северная Осетия – Алания»; региональный инвестиционный проектный офис. МСП и экспорт: Фонд поддержки предпринимательства Республики Северная Осетия – Алания / Центр «Мой бизнес»; Центр поддержки экспорта. Промышленность: Фонд развития промышленности Республики Северная Осетия – Алания. Туристско-рекреационный контур: АО «КАВКАЗ.РФ» – курорт «Мамисон».	транспортно-логистические функции в направлении Закавказья; пищевая промышленность и переработка; производственные кооперации в машиностроении	логистические хабы и сервисы грузоперевозчиков; развитие санаторно-курортного комплекса и медицинского туризма; переработка минерального сырья и стройматериалов
Чеченская Республика	Инвестиционное сопровождение: АО «Корпорация развития Чеченской Республики». МСП и экспорт: Центр «Мой бизнес» Чеченской Республики; Центр поддержки экспорта Чеченской Республики. Промышленность: Фонд развития промышленности Чеченской Республики. Туристско-рекреационный контур: АО «КАВКАЗ.РФ» – ОЭЗ и курорт «Ведучи».	строительный комплекс и инфраструктурные проекты; АПК и переработка; услуги и торговля	петрохимические переделы и сервисы нефтегаза; туристические кластеры (городской и природный туризм); развитие промышленных парков под кооперацию МСП
Оренбургская область	Инвестиционное сопровождение: АО «Корпорация развития Оренбургской области». МСП и экспорт: Центр «Мой бизнес» Оренбургской области; Центр поддержки экспорта Оренбургской области. Промышленность: Фонд развития промышленности Оренбургской области. Приграничный контур: региональный проектный офис по развитию логистики и кооперации с Республикой Казахстан; площадки для СВХ и транспортного сервиса.	газохимия и переработка углеводородов; металлургия и добыча сырья; пограничная торговля и логистика с Казахстаном; зерновой АПК	узлы сухопутной логистики (терминалы, СВХ, сервис); углубление газохимии (полимеры, химволокно); ВИЭ в степной зоне; переработка зерна (крахмалы, сиропы)
Самарская область	Инвестиционное сопровождение: Агентство по привлечению инвестиций Самарской области (единое окно для инвесторов). МСП и экспорт: Центр «Мой бизнес» Самарской области; Центр поддержки экспорта Самарской области. Промышленность: Фонд развития промышленности Самарской области; региональные центры кластерного развития. Инновационный контур: технопарк в сфере высоких технологий «Жигулевская долина»; ОЭЗ ППТ «Тольятти».	автомобилестроение и автокомпоненты; авиа- и ракетостроение; нефтепереработка и химия; технопарки и инжиниринг	перевод автокластера на электромобили / компоненты; композиты и аддитивные технологии для авиации; экспорт инженерных услуг и ПО для промышленности

Субъект Российской Федерации	Конкретные региональные институты развития (организации и функциональные контуры)	Точки роста (реализуемые)	Возможные точки роста (потенциал)
Саратовская область	Инвестиционное сопровождение: АО «Корпорация развития Саратовской области». МСП и экспорт: Центр «Мой бизнес» Саратовской области; Центр поддержки экспорта Саратовской области. Промышленность: Фонд развития промышленности Саратовской области. Инфраструктурный контур: региональные индустриальные парки и ГЧП-проекты в логистике, энергетике и коммунальной инфраструктуре.	машиностроение и приборостроение; нефтехимия; зерновой АПК и переработка; речная логистика Волги	химические материалы (полимеры, компаунды); портово-складская инфраструктура на Волге; производство сельхозтехники и комплектующих
Курганская область	Инвестиционное сопровождение: Инвестиционное агентство Курганской области; региональный проектный офис. МСП и экспорт: Центр «Мой бизнес» Курганской области; Центр поддержки экспорта Курганской области. Промышленность: Фонд развития промышленности Курганской области. Преференциальный контур: территории опережающего развития в моногородах Курганской области; муниципальные управляющие контуры инвестиционных площадок.	машиностроение и металлообработка; медицинские технологии и реабилитационная медицина (научно-клинические компетенции); АПК	медицинский кластер (изделия, оборудование, сервис); логистические сервисы на направлении РФ – Казахстан; переработка сельхозсырья и создание региональных брендов
Тюменская область	Инвестиционное сопровождение: Фонд «Инвестиционное агентство Тюменской области» – сопровождение проектов и подбор площадок. МСП и экспорт: Центр «Мой бизнес» Тюменской области; Центр поддержки экспорта Тюменской области. Промышленность: Фонд развития промышленности Тюменской области. Инфраструктурный контур: индустриальные парки «Боровский» и «Богандинский»; региональный ГЧП-контур.	нефтегазовый сервис и инжиниринг; нефтехимия и стройиндустрия; логистика и складские комплексы; АПК	углубление нефтехимии (спецполимеры, реагенты); водородные и газохимические проекты; экспорт сервисных компетенций для ТЭК и строительства
Челябинская область	Инвестиционное сопровождение: Фонд развития предпринимательства Челябинской области – Центр «Мой бизнес» (департамент стратегических проектов, экспертизы и сопровождения). Промышленность: Фонд развития промышленности Челябинской области. Внешекономический контур: Агентство международного сотрудничества Челябинской области. Территориальное развитие и туризм: Центр проектного развития территорий и туризма Челябинской области; гарантийный фонд МСП.	металлургия и трубное производство; тяжелое машиностроение; логистика и торговля с Казахстаном; производство строительных материалов	низкоуглеродная модернизация металлургии; индустриальные парки для кооперации МСП (метизная и инструментальная база); приграничные мультимодальные терминалы и сервисы

Субъект Российской Федерации	Конкретные региональные институты развития (организации и функциональные контуры)	Точки роста (реализуемые)	Возможные точки роста (потенциал)
Республика Алтай	Инвестиционное сопровождение: Министерство экономического развития Республики Алтай и региональный инвестиционный проектный офис. МСП и экспорт: Центр «Мой бизнес» Республики Алтай; Центр поддержки экспорта Республики Алтай; региональная микрофинансовая организация. Туристический контур: региональные институты сопровождения туристических проектов; АО «Корпорация Туризм.РФ» – федеральный контур для крупных инфраструктурных проектов.	туризм и рекреация (Алтайский туристский пояс); мараловодство и продукты здоровья; экологическое сельское хозяйство	круглогодичные курорты и инфраструктура доступности; переработка дикоросов и фитопродукции; трансграничные маршруты с Монголией, Казахстаном и КНР
Республика Тыва	Инвестиционное сопровождение: Агентство инвестиционного развития Республики Тыва; Министерство экономического развития и промышленности Республики Тыва. МСП и экспорт: Центр «Мой бизнес» Республики Тыва; Центр поддержки экспорта Республики Тыва. Промышленность: Фонд развития промышленности Республики Тыва. Межрегиональный контур: Корпорация развития Енисейской Сибири – сопровождение крупных проектов; приграничный проектный контур по направлению РФ – Монголия.	добыча полезных ископаемых (уголь и сопутствующие ресурсы); животноводство; торговля и кооперация с Монголией	развитие транспортного коридора к Монголии (погранлогистика и сервис); переработка мяса и шерсти (полуфабрикаты); распределенная энергетика и микро-сети
Алтайский край	Инвестиционное сопровождение: АО «Алтайский центр инвестиций и развития»; управление Алтайского края по развитию предпринимательства и рыночной инфраструктуры. МСП и экспорт: Центр «Мой бизнес» Алтайского края; Центр поддержки экспорта Алтайского края. Промышленность: Фонд развития Алтайского края / региональный контур льготного финансирования промышленности. Туристический контур: ОЭЗ ТРТ «Бирюзовая Катунь»; курортный контур Белокурихи.	агропереработка (мукомолье, крупы, масла); фармацевтические компетенции и БАД; туризм (Белокуриха); машиностроение для АПК	экспортно-ориентированная биофарма и нутрицевтика; глубокая переработка зерна (крахмалы, глютен); логистические хабы на направлении РФ – Казахстан
Новосибирская область	Инвестиционное сопровождение: АО «Агентство инвестиционного развития Новосибирской области» (АИР НСО). МСП и экспорт: Центр «Мой бизнес» Новосибирской области; Центр поддержки экспорта Новосибирской области. Промышленность: Фонд развития промышленности Новосибирской области. Инновационный контур: АО «Академпарк»; АО «Биотехнопарк»; промышленно-логистический парк Новосибирской области.	наука и высокие технологии (Академгородок, технопарки); логистический узел Сибири; медицинская и приборная промышленность	экспорт ИТ и инженерных услуг; производство медизделий и диагностического оборудования; фулфилмент и распределительные центры для евразийских цепочек

Субъект Российской Федерации	Конкретные региональные институты развития (организации и функциональные контуры)	Точки роста (реализуемые)	Возможные точки роста (потенциал)
Омская область	Инвестиционное сопровождение: Агентство развития и инвестиций Омской области; региональный проектный офис. МСП и экспорт: Центр «Мой бизнес» Омской области; Центр поддержки экспорта Омской области. Промышленность: Фонд развития промышленности Омской области. Преференциальный контур: ОЭЗ ППТ «Авангард»; индустриальные парки и логистические площадки на направлении РФ – Казахстан.	нефтепереработка и нефтехимия; агропереработка; транзитная логистика с Казахстаном; производство шин и химических материалов	углубление нефтехимии (спецхимия, компаунды); индустриальные площадки у погранпереходов под СВХ и складские комплексы; переработка сельхозсырья (белковые концентраты)
Республика Бурятия	Инвестиционное сопровождение: Фонд регионального развития Республики Бурятия; региональный инвестпортал. МСП и экспорт: Центр «Мой бизнес» Республики Бурятия; Центр поддержки экспорта Республики Бурятия. Промышленность: Фонд развития промышленности Республики Бурятия. Преференциальный контур: АО «КРДВ» – управляющая компания ТОР «Бурятия»; туристский контур Байкала и приграничные проекты с Монголией.	туризм на Байкале и сопредельных территориях; лесопереработка; транспортные функции БАМ / Транссиб; АПК	экологически ориентированный туризм и сервисы; глубокая переработка древесины (мебель, домокомплекты); логистика и сервисы для транзита с Монголией и КНР
Забайкальский край	Инвестиционное сопровождение: АО «Корпорация развития Забайкальского края». МСП и экспорт: Центр «Мой бизнес» Забайкальского края; Центр поддержки экспорта Забайкальского края. Промышленность: Фонд развития промышленности Забайкальского края. Преференциальный контур: АО «КРДВ» – управляющая компания ТОР «Забайкалье»; приграничный логистический контур Забайкальск – Маньчжурия.	приграничная логистика РФ – КНР (Забайкальск – Маньчжурия); добыча и первичная переработка сырья; энергетика; сельское хозяйство	индустриально-логистический парк на границе (терминалы, переработка, сервис); обогащение и металлургические переделы сырья; кластеры по ремонту подвижного состава и грузовой техники
Приморский край	Инвестиционное сопровождение: АО «Корпорация развития Приморского края»; Инвестиционное агентство Приморского края. МСП и экспорт: Центр «Мой бизнес» Приморского края; Центр поддержки экспорта Приморского края. Промышленность: региональный фонд развития промышленности. Преференциальный контур: АО «КРДВ» – управляющая компания ТОР и Свободного порта Владивосток; портово-логистические и судостроительные площадки.	портово-логистический комплекс (Владивосток, Находка); рыбная промышленность и марикультура; судоремонт; режим Свободного порта Владивосток	контейнерные хабы и складская инфраструктура; глубокая переработка рыбы (филе, сурими, биопродукты); морская робототехника и сервисы; туризм и деловой туризм
Хабаровский край	Инвестиционное сопровождение: АНО «Агентство привлечения инвестиций и развития инноваций Хабаровского края» (АПИРИ). МСП и экспорт: Центр «Мой бизнес» Хабаровского края; Центр поддержки экспорта Хабаровского края. Промышленность: Фонд развития промышленности Хабаровского края. Преференциальный контур: АО «КРДВ» – управляющая компания ТОР и режима Свободного порта Владивосток в применимых муниципалитетах края.	авиа- и судостроение; портовая логистика (Амур, Тихоокеанское побережье); лесопереработка; режимы ТОР и СПВ	инжиниринговые центры и кооперация МСП в машиностроении; логистика и переработка грузов на направлении КНР; производство оборудования для Арктики и Дальнего Востока

Субъект Российской Федерации	Конкретные региональные институты развития (организации и функциональные контуры)	Точки роста (реализуемые)	Возможные точки роста (потенциал)
Амурская область	Инвестиционное сопровождение: Агентство Амурской области по привлечению инвестиций; региональный проектный офис. МСП и экспорт: Центр «Мой бизнес» Амурской области; Центр поддержки экспорта Амурской области. Промышленность: Фонд развития промышленности Амурской области. Преференциальный контур: АО «КРДВ» – управляющая компания ТОР «Амурская»; приграничный мост Благовещенск – Хэйхэ и связанная логистическая инфраструктура.	газопереработка и газохимия; космодром Восточный и сопряженные сервисы; приграничная логистика (мост Благовещенск – Хэйхэ); АПК	кроссбордер-логистика и сервисы (СВХ, таможенные склады); производство стройматериалов и конструкций; переработка сои и зерна для экспорта; сервисы для крупной энергетики
Чукотский автономный округ	Инвестиционное сопровождение: Фонд развития Чукотского автономного округа; региональный инвестиционный проектный офис. МСП: Центр «Мой бизнес» Чукотского автономного округа; микрофинансовый и гарантийный контуры поддержки. Преференциальный контур: АО «КРДВ» – управляющая компания ТОР «Чукотка» и Арктической зоны РФ. Инфраструктурный контур: северный завоз, локальная энергетика и сервисы Севморпути.	добыча золота и цветных металлов; северный завоз и арктическая логистика; рыболовство	локальная генерация на ВИЭ и накопителях (микро-сети); сервисы Севморпути (бункеровка, ремонт); арктический туризм и научные станции
Еврейская автономная область	Инвестиционное сопровождение: инвестиционный проектный офис Еврейской автономной области; региональный уполномоченный орган экономического развития. МСП и экспорт: Центр «Мой бизнес» Еврейской автономной области; Центр поддержки экспорта ЕАО. Промышленность: региональный контур ФРП и льготного финансирования производственных проектов. Преференциальный контур: АО «КРДВ» – управляющая компания ТОР «Амуро-Хинганская»; пограничная инфраструктура на направлении РФ – КНР.	агропроизводство и переработка; логистика и торговля с КНР; транспортный коридор через Дальний Восток; лесные ресурсы	агропромышленные парки с глубокой переработкой сои и зерна; терминалы и фулфилмент у границы; деревообработка с выпуском готовых изделий
Херсонская область	Преференциальный контур: ППК «Фонд развития территорий» – управляющая компания Свободной экономической зоны на территориях новых субъектов РФ; ведение реестра участников и сопровождение заявок. Региональный контур: Министерство экономического развития Херсонской области; формируемая инфраструктура сопровождения инвестиций и поддержки МСП. Отраслевой контур: федеральные программы восстановления, модернизации ирригации, пищевой переработки и логистики.	овощеводство и бахчевые культуры; переработка сельхозпродукции; транспортно-логистические связи с Крымом; рыбное хозяйство	модернизация ирригации и водосбережение; создание пищевых кластеров (консервация, заморозка); развитие портово-логистических сервисов малой осадки

Субъект Российской Федерации	Конкретные региональные институты развития (организации и функциональные контуры)	Точки роста (реализуемые)	Возможные точки роста (потенциал)
Запорожская область	Преференциальный контур: ППК «Фонд развития территорий» – управляющая компания Свободной экономической зоны на территориях новых субъектов РФ. Региональный контур: Министерство экономического развития Запорожской области; формируемая инфраструктура сопровождения инвестиций и поддержки МСП. Отраслевой контур: федеральные программы восстановления промышленности, энергетики и транспортной инфраструктуры; проектные механизмы СЭЗ.	машиностроение и металлообработка (индустриальные компетенции); энергетика; агропроизводство и переработка	реинжиниринг и импортозамещение в машиностроении; индустриальные парки и технопарки; логистика и переработка металлолома / вторсырья
Донецкая Народная Республика	Инвестиционное сопровождение: ГУП ДНР «Корпорация развития Донбасса» – привлечение инвесторов, сопровождение проектов и ведение инвестиционного портала ДНР. Промышленность: Фонд развития промышленности ДНР; консультационный центр ФРП ДНР. МСП: региональный Центр «Мой бизнес» и инфраструктура финансовой поддержки предпринимателей. Преференциальный контур: ППК «Фонд развития территорий» – управляющая компания СЭЗ на территориях новых субъектов РФ.	металлургия и угольная промышленность; портовые функции и логистика Азовского моря; машиностроение	техперевооружение металлургии и выпуск продукции с более высокой добавленной стоимостью; развитие портово-индустриального пояса; программы конверсии и поддержки МСП в промышленной кооперации
Луганская Народная Республика	Преференциальный контур: ППК «Фонд развития территорий» – управляющая компания Свободной экономической зоны на территориях новых субъектов РФ. Региональный инвестиционный контур: Министерство экономического развития ЛНР и региональные структуры сопровождения инвестпроектов. Промышленность и МСП: Фонд развития промышленности ЛНР; Центр «Мой бизнес» ЛНР; инфраструктура микрофинансирования и гарантийной поддержки. Восстановительный контур: федеральные программы модернизации производств и инфраструктуры.	угольная отрасль и смежные сервисы; металлургические и машиностроительные компетенции; агропереработка	индустриальные парки для локализации комплектующих; модернизация энергоемких производств и повышение энергоэффективности; формирование экспортно-ориентированных цепочек переработки агросырья

Примечание – Составлено автором на основе: Инвестиционная карта Российской Федерации // Инвестиционная карта Российской Федерации. URL: <https://invest.gov.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Центры «Мой бизнес» // Мой бизнес. URL: <https://xn--90aifddrld7a.xn--plai/about/centers/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Российский экспортный центр. Региональные подразделения // Российский экспортный центр. URL: <https://www.exportcenter.ru/contacts/regions/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Минэкономразвития России. Стратегии социально-экономического развития субъектов Российской Федерации // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvenno_go_razvitiya/strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_subektov_rf/ (дата обращения: 22.06.2025).

Приложение В

Обобщающая матрица социально-экономической обстановки в приграничных регионах

Таблица В.1 – Обобщающая матрица социально-экономической обстановки в приграничных регионах

ФО	Регион	ВРП 2023, млн руб.	Инв. 2024, млн руб.	Нас. 2024, тыс.	Доходы 2024, %	Инв. прирост 2020–2024	Нас. изм. 2020–2024
Центральный федеральный округ	Белгородская область	1 341 000	236 300	1 500,7	110,3	39,40	-2,93
Центральный федеральный округ	Брянская область	627 000	118 100	1 142,4	108,5	56,96	-3,10
Центральный федеральный округ	Курская область	748 000	260 600	1 060,9	106,0	90,37	-2,85
Центральный федеральный округ	Смоленская область	557 000	108 500	864,0	111,9	66,98	-4,03
Северо-Западный федеральный округ	Республика Карелия	434 000	103 600	523,9	108,4	86,30	-3,25
Северо-Западный федеральный округ	Калининградская область	785 000	181 900	1 033,9	112,3	64,41	1,16
Северо-Западный федеральный округ	Ленинградская область	1 915 000	1 110 500	2 035,8	112,1	173,99	2,97
Северо-Западный федеральный округ	Мурманская область	1 128 000	315 200	656,4	104,3	54,20	-3,27
Северо-Западный федеральный округ	Псковская область	289 000	68 500	581,1	107,9	78,30	-3,97
Южный федеральный округ	Республика Калмыкия	167 000	23 100	266,8	114,9	-39,64	-0,78
Южный федеральный округ	Краснодарский край	4 772 000	1 119 600	5 833,0	109,7	116,05	0,29
Южный федеральный округ	Астраханская область	778 000	115 800	946,4	105,3	0,59	-2,33
Южный федеральный округ	Волгоградская область	1 385 000	364 600	2 453,9	108,1	99,31	-2,39
Северо-Кавказский федеральный округ	Республика Дагестан	1 035 000	398 600	3 232,2	103,2	45,77	2,12
Северо-Кавказский федеральный округ	Кабардино-Балкарская Республика	291 000	79 300	905,5	109,3	61,64	0,54
Северо-Кавказский федеральный округ	Карачаево-Черкесская Республика	143 000	36 600	468,3	108,7	61,01	-0,43
Северо-Кавказский федеральный округ	Республика Ингушетия	95 000	19 000	527,2	104,8	-6,65	4,60
Северо-Кавказский федеральный округ	Республика Северная Осетия-Алания	215 976,6	43 499	678,9	107,8	0,40	-11,90
Северо-Кавказский федеральный округ	Чеченская Республика	397 000	198 800	1 552,9	107,5	160,00	3,73
Приволжский федеральный округ	Оренбургская область	1 764 000	345 600	1 828,7	107,1	71,66	-2,68
Приволжский федеральный округ	Самарская область	2 647 000	568 600	3 127,8	110,3	84,30	-1,77
Приволжский федеральный округ	Саратовская область	1 345 000	316 700	2 385,2	105,8	89,55	-2,96
Уральский федеральный округ	Курганская область	380 000	84 300	753,0	109,0	90,59	-4,49

ФО	Регион	ВРП 2023, млн руб.	Инв. 2024, млн руб.	Нас. 2024, тыс.	Доходы 2024, %	Инв. прирост 2020–2024	Нас. изм. 2020–2024
Уральский федеральный округ	Тюменская область	15 947 000	3 808 400	3 890,8	108,0	65,72	2,50
Уральский федеральный округ	Челябинская область	2 589 000	549 100	3 395,8	111,9	70,42	-1,46
Сибирский федеральный округ	Республика Алтай	108 000	53 800	210,8	106,1	260,98	-0,19
Сибирский федеральный округ	Республика Тыва	123 000	42 400	337,5	107,9	119,64	1,14
Сибирский федеральный округ	Алтайский край	1 024 000	233 000	2 115,3	106,9	91,04	-3,54
Сибирский федеральный округ	Новосибирская область	2 216 436,2	590 590	2 789,5	107,3	122,27	-0,42
Сибирский федеральный округ	Омская область	316 000	44 400	566,3	106,7	-77,85	-69,85
Дальневосточный федеральный округ	Республика Бурятия	504 000	156 100	971,9	105,7	139,58	-0,92
Дальневосточный федеральный округ	Забайкальский край	718 000	279 300	984,4	107,6	120,13	-3,01
Дальневосточный федеральный округ	Приморский край	1 863 000	425 600	1 806,4	108,1	85,48	-2,78
Дальневосточный федеральный округ	Хабаровский край	1 262 000	625 600	1 278,1	107,6	157,07	-1,31
Дальневосточный федеральный округ	Амурская область	794 000	956 100	750,1	109,8	165,26	-3,05
Дальневосточный федеральный округ	Чукотский автономный округ	187 000	102 300	48,0	114,8	225,01	0,84
Дальневосточный федеральный округ	Еврейская автономная область	102 000	33 800	145,8	108,9	104,92	-4,46
Субъекты, вошедшие в состав Российской Федерации	Херсонская область	–	–	–	–	–	–
Субъекты, вошедшие в состав Российской Федерации	Запорожская область	–	–	–	–	–	–
Субъекты, вошедшие в состав Российской Федерации	Донецкая Народная Республика	–	–	–	–	–	–
Субъекты, вошедшие в состав Российской Федерации	Луганская Народная Республика	–	–	–	–	–	–
Примечание – Составлено автором на основе: Росстат. Национальные счета // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts (дата обращения: 22.06.2025) ; Росстат. Инвестиции в нефинансовые активы // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (дата обращения: 22.06.2025) ; Росстат. Демография // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 22.06.2025) ; Росстат. Уровень жизни // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13397 (дата обращения: 22.06.2025).							

Приложение Г **Индекс экономической активности приграничных регионов**

Таблица Г.1 – Индекс экономической активности приграничных регионов

ФО	Регион	ВРП 2020, млн руб.	ВРП 2023, млн руб.	рВРП 2020– 2023, %	Инв. 2020, млн руб.	Инв. 2024, млн руб.	рИнв. 2020–2024, %	Нас. 2020, тыс. чел.	Нас. 2024, тыс. чел.	измНас 2020– 2024, %	ИЭА, %	Класс ИЭА
ЦФО	Белгородская область	997 330,9	1 341 000,0	34,46	169 508,0	236 300,0	39,40	1 546,0	1 500,7	-2,93	23,64	Динамично развивающиеся
ЦФО	Брянская область	414 179,4	627 000,0	51,38	75 242,0	118 100,0	56,96	1 179,0	1 142,4	-3,10	35,08	Динамично развивающиеся
ЦФО	Курская область	523 000,5	748 000,0	43,02	136 893,0	260 600,0	90,37	1 092,0	1 060,9	-2,85	43,51	Динамично развивающиеся
ЦФО	Смоленская область	365 048,1	557 000,0	52,58	64 976,0	108 500,0	66,98	900,3	864,0	-4,03	38,51	Динамично развивающиеся
СЗФО	Республика Карелия	322 803,6	434 000,0	34,45	55 610,0	103 600,0	86,30	541,5	523,9	-3,25	39,16	Динамично развивающиеся
СЗФО	Калининградская область	549 311,2	785 000,0	42,91	110 637,0	181 900,0	64,41	1 022,0	1 033,9	1,16	36,16	Динамично развивающиеся
СЗФО	Ленинградская область	1 238 641,0	1 915 000,0	54,60	405 307,0	1 110 500,0	173,99	1 977,0	2 035,8	2,97	77,19	Динамично развивающиеся
СЗФО	Мурманская область	798 450,1	1 128 000,0	41,27	204 412,0	315 200,0	54,20	678,6	656,4	-3,27	30,73	Динамично развивающиеся
СЗФО	Псковская область	201 756,7	289 000,0	43,24	38 418,0	68 500,0	78,30	605,1	581,1	-3,97	39,19	Динамично развивающиеся
ЮФО	Республика Калмыкия	94 025,9	167 000,0	77,61	38 269,0	23 100,0	-39,64	268,9	266,8	-0,78	12,40	Слабо развивающиеся
ЮФО	Краснодарский край	2 667 228,0	4 772 000,0	78,91	518 217,0	1 119 600,0	116,05	5 816,0	5 833,0	0,29	65,08	Динамично развивающиеся
ЮФО	Астраханская область	527 290,2	778 000,0	47,55	115 116,0	115 800,0	0,59	969,0	946,4	-2,33	15,27	Стабильные
ЮФО	Волгоградская область	977 707,7	1 385 000,0	41,66	182 930,0	364 600,0	99,31	2 514,0	2 453,9	-2,39	46,19	Динамично развивающиеся
СКФО	Республика Дагестан	740 798,8	1 035 000,0	39,71	273 438,0	398 600,0	45,77	3 165,0	3 232,2	2,12	29,20	Динамично развивающиеся
СКФО	Кабардино-Балкарская Республика	180 077,5	291 000,0	61,60	49 060,0	79 300,0	61,64	900,6	905,5	0,54	41,26	Динамично развивающиеся

ФО	Регион	ВРП 2020, млн руб.	ВРП 2023, млн руб.	рВРП 2020– 2023, %	Инв. 2020, млн руб.	Инв. 2024, млн руб.	рИнв. 2020–2024, %	Нас. 2020, тыс. чел.	Нас. 2024, тыс. чел.	измНас 2020– 2024, %	ИЭА, %	Класс ИЭА
СКФО	Карачаево-Черкесская Республика	95 297,1	143 000,0	50,06	22 732,0	36 600,0	61,01	470,3	468,3	-0,43	36,88	Динамично развивающиеся
СКФО	Республика Ингушетия	70 857,4	95 000,0	34,07	20 354,0	19 000,0	-6,65	504,0	527,2	4,60	10,67	Слабо развивающиеся
СКФО	Республика Северная Осетия-Алания	179 159,0	267 000,0	49,03	31 172,0	51 400,0	64,89	690,8	678,9	-1,72	37,40	Динамично развивающиеся
СКФО	Чеченская Республика	251 873,2	397 000,0	57,62	76 463,0	198 800,0	160,00	1 497,0	1 552,9	3,73	73,78	Динамично развивающиеся
ПФО	Оренбургская область	1 046 728,0	1 764 000,0	68,53	201 333,0	345 600,0	71,66	1 879,0	1 828,7	-2,68	45,83	Динамично развивающиеся
ПФО	Самарская область	1 625 462,0	2 647 000,0	62,85	308 525,0	568 600,0	84,30	3 184,0	3 127,8	-1,77	48,46	Динамично развивающиеся
ПФО	Саратовская область	856 515,7	1 345 000,0	57,03	167 078,0	316 700,0	89,55	2 458,0	2 385,2	-2,96	47,87	Динамично развивающиеся
УФО	Курганская область	240 188,2	380 000,0	58,21	44 231,0	84 300,0	90,59	788,4	753,0	-4,49	48,10	Динамично развивающиеся
УФО	Тюменская область	7 280 596,0	15 947 000,0	119,03	2 298 102,0	3 808 400,0	65,72	3 796,0	3 890,8	2,50	62,42	Динамично развивающиеся
УФО	Челябинская область	1 602 739,0	2 589 000,0	61,54	322 198,0	549 100,0	70,42	3 446,0	3 395,8	-1,46	43,50	Динамично развивающиеся
СФО	Республика Алтай	62 850,8	108 000,0	71,84	14 904,0	53 800,0	260,98	211,2	210,8	-0,19	110,87	Динамично развивающиеся
СФО	Республика Тыва	82 230,8	123 000,0	49,58	19 304,0	42 400,0	119,64	333,7	337,5	1,14	56,79	Динамично развивающиеся
СФО	Алтайский край	664 129,2	1 024 000,0	54,19	121 961,0	233 000,0	91,04	2 193,0	2 115,3	-3,54	47,23	Динамично развивающиеся
СФО	Новосибирская область	1 358 350,1	2 216 436,2	63,17	265 706,0	590 590,0	122,27	2 801,4	2 789,5	-0,42	61,67	Динамично развивающиеся
СФО	Омская область	770 280,4	316 000,0	-58,98	200 450,0	44 400,0	-77,85	1 878,0	566,3	-69,85	-68,89	Слабо развивающиеся
ДФО	Республика Бурятия	302 800,4	504 000,0	66,45	65 157,0	156 100,0	139,58	980,9	971,9	-0,92	68,37	Динамично развивающиеся
ДФО	Забайкальский край	422 734,5	718 000,0	69,85	126 880,0	279 300,0	120,13	1 015,0	984,4	-3,01	62,32	Динамично развивающиеся
ДФО	Приморский край	1 105 673,0	1 863 000,0	68,49	229 461,0	425 600,0	85,48	1 858,0	1 806,4	-2,78	50,40	Динамично развивающиеся
ДФО	Хабаровский край	856 904,8	1 262 000,0	47,27	243 359,0	625 600,0	157,07	1 295,0	1 278,1	-1,31	67,68	Динамично развивающиеся
ДФО	Амурская область	449 317,5	794 000,0	76,71	360 434,0	956 100,0	165,26	773,7	750,1	-3,05	79,64	Динамично развивающиеся

ФО	Регион	ВРП 2020, млн руб.	ВРП 2023, млн руб.	рВРП 2020– 2023, %	Инв. 2020, млн руб.	Инв. 2024, млн руб.	рИнв. 2020–2024, %	Нас. 2020, тыс. чел.	Нас. 2024, тыс. чел.	измНас 2020– 2024, %	ИЭА, %	Класс ИЭА
ДФО	Чукотский автономный округ	119 949,4	187 000,0	55,90	31 476,0	102 300,0	225,01	47,6	48,0	0,84	93,92	Динамично развивающиеся
ДФО	Еврейская автономная область	63 177,1	102 000,0	61,45	16 494,0	33 800,0	104,92	152,6	145,8	-4,46	53,97	Динамично развивающиеся

Примечание – Составлено автором с использованием: Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 22.06.2025) ; Республика Алтай // Инвестиционный портал Республики Алтай : офиц. сайт. URL: <https://altayinvest.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Республика Саха (Якутия) // Инвестиционный портал Республики Саха (Якутия) : офиц. сайт. URL: <https://investyakutia.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Республика Бурятия // Инвестиционный портал Республики Бурятия : офиц. сайт. URL: <https://invest-buryatia.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Чукотский автономный округ // Инвестиционный портал Чукотского автономного округа : офиц. сайт. URL: <https://www.chukotka-invest.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; г. Севастополь // Инвестиционный портал города Севастополя : офиц. сайт. URL: <https://sevinvestportal.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Чеченская Республика // Инвестиционный портал Чеченской Республики : офиц. сайт. URL: <https://invest-chechnya.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Тюменская область // Инвестиционный портал Тюменской области : офиц. сайт. URL: <https://investintyumen.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Амурская область // Инвестиционный портал Амурской области : офиц. сайт. URL: <https://invest.amurobl.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Забайкальский край // Инвестиционный портал Забайкальского края : офиц. сайт. URL: <https://www.zab-investportal.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Камчатский край // Инвестиционный портал Камчатского края : офиц. сайт. URL: <https://investkamchatka.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Ростовская область // Инвестиционный портал Ростовской области : офиц. сайт. URL: <https://invest-don.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Краснодарский край // Инвестиционный портал Краснодарского края : офиц. сайт. URL: <https://www.investkuban.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Красноярский край // Инвестиционный портал Красноярского края : офиц. сайт. URL: <https://investkrsk.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Калининградская область // Инвестиционный портал Калининградской области : офиц. сайт. URL: <https://investinkaliningrad.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Самарская область // Инвестиционный портал Самарской области : офиц. сайт. URL: <https://investinsamara.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Приморский край // Инвестиционный портал Приморского края : офиц. сайт. URL: <https://invest.primorsky.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Саратовская область // Инвестиционный портал Саратовской области : офиц. сайт. URL: <https://investinsaratov.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Ленинградская область // Инвестиционный портал Ленинградской области : офиц. сайт. URL: <https://lenoblinvest.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Республика Карелия // Инвестиционный портал Республики Карелия : офиц. сайт. URL: <https://kareliainvest.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Еврейская автономная область // Инвестиционный портал Еврейской автономной области : офиц. сайт. URL: <https://invest.eao.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Курганская область // Инвестиционный портал Курганской области : офиц. сайт. URL: <https://invest45.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Хабаровский край // Инвестиционный портал Хабаровского края : офиц. сайт. URL: <https://invest.khv.gov.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Курская область // Инвестиционный портал Курской области : офиц. сайт. URL: <https://kurskoblinvest.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Оренбургская область // Инвестиционный портал Оренбургской области : офиц. сайт. URL: <https://orbinvest.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Алтайский край // Инвестиционный портал Алтайского края : офиц. сайт. URL: <https://invest.alregn.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Кабардино-Балкарская Республика // Инвестиционный портал Кабардино-Балкарской Республики : офиц. сайт. URL: <https://invest-kbr.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Сахалинская область // Инвестиционный портал Сахалинской области : офиц. сайт. URL: <https://investinsakhalin.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Волгоградская область // Инвестиционный портал Волгоградской области : офиц. сайт. URL: <https://investvolga.com/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Челябинская область // Инвестиционный портал Челябинской области : офиц. сайт. URL: <https://investregion74.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Смоленская область // Инвестиционный портал Смоленской области : офиц. сайт. URL: <https://smolinvest.com/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Воронежская область // Инвестиционный портал Воронежской области : офиц. сайт. URL: <https://invest-in-voronezh.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Мурманская область // Инвестиционный портал Мурманской области : офиц. сайт. URL: <https://invest.nashsever51.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Республика Крым // Инвестиционный портал Республики Крым : офиц. сайт. URL: <https://invest.rk.gov.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Республика Тыва // Инвестиционный портал Республики Тыва : офиц. сайт. URL: <https://invest.tuva.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Карачаево-Черкесская Республика // Инвестиционный портал Карачаево-Черкесской Республики : офиц. сайт. URL: <https://investkchr.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Брянская область // Инвестиционный портал Брянской области : офиц. сайт. URL: <https://invest32.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Белгородская область // Инвестиционный портал Белгородской области : офиц. сайт. URL: <https://belgorodinvest.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Республика Дагестан // Инвестиционный портал Республики Дагестан : офиц. сайт. URL: <https://dagestaninvestment.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Архангельская область // Инвестиционный портал Архангельской области : офиц. сайт. URL: <https://invest29.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Псковская область // Инвестиционный портал Псковской области : офиц. сайт. URL: <https://invest.pskov.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Республика Ингушетия // Инвестиционный портал Республики Ингушетия : офиц. сайт. URL: <https://investingushetia.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Омская область // Инвестиционный портал Омской области : офиц. сайт. URL: <https://investomsk.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Астраханская область // Инвестиционный портал Астраханской области : офиц. сайт. URL: <https://invest.astrobld.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Республика Калмыкия // Инвестиционный портал Республики Калмыкия : офиц. сайт. URL: <https://investkalm.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Республика Северная Осетия-Алания // Инвестиционный портал Республики Северная Осетия-Алания : офиц. сайт. URL: <https://invest.alania.gov.ru/> (дата обращения: 22.06.2025) ; Росстат. Демография // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 22.06.2025).

Приложение Д

Результаты расчета индекса состояния институтов развития и распределение по типам моделей

Таблица Д.1 – Результаты расчета ИСИР и распределение по типам моделей

ФО	Регион	ИЭА, %	ИСИР	АИ	ВЛА	ИПП	Тип модели	Квадрант ИЭА–ИСИР
Центральный федеральный округ	Белгородская область	23,64	0,38	0,64	0,26	0,24	Точечный рост	IV (рост без закрепления)
Центральный федеральный округ	Брянская область	35,08	0,44	0,61	0,34	0,37	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Центральный федеральный округ	Курская область	43,51	0,44	0,60	0,35	0,36	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Центральный федеральный округ	Смоленская область	38,51	0,48	0,65	0,40	0,39	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Северо-Западный федеральный округ	Республика Карелия	39,16	0,63	0,76	0,60	0,53	Интеграционная плотность	I (рост + закрепление)
Северо-Западный федеральный округ	Калининградская область	36,16	0,60	0,67	0,53	0,60	Функциональное насыщение	I (рост + закрепление)
Северо-Западный федеральный округ	Ленинградская область	77,19	0,65	0,84	0,67	0,43	Интеграционная плотность	I (рост + закрепление)
Северо-Западный федеральный округ	Мурманская область	30,73	0,67	0,74	0,58	0,69	Интеграционная плотность	I (рост + закрепление)
Северо-Западный федеральный округ	Псковская область	39,19	0,53	0,68	0,48	0,43	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Южный федеральный округ	Республика Калмыкия	12,40	0,43	0,55	0,40	0,35	Функциональное насыщение	III (дефицит)
Южный федеральный округ	Краснодарский край	65,08	0,53	0,71	0,49	0,40	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Южный федеральный округ	Астраханская область	15,27	0,43	0,55	0,40	0,35	Функциональное насыщение	III (дефицит)

ФО	Регион	ИЭА, %	ИСИР	АИ	ВЛА	ИПП	Тип модели	Квадрант ИЭА–ИСИР
Южный федеральный округ	Волгоградская область	46,19	0,43	0,55	0,40	0,35	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Северо-Кавказский федеральный округ	Республика Дагестан	29,20	0,43	0,55	0,40	0,35	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Северо-Кавказский федеральный округ	Кабардино-Балкарская Республика	41,26	0,43	0,55	0,40	0,35	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Северо-Кавказский федеральный округ	Карачаево-Черкесская Республика	36,88	0,43	0,55	0,40	0,35	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Северо-Кавказский федеральный округ	Республика Ингушетия	10,67	0,34	0,45	0,30	0,26	Точечный рост	III (дефицит)
Северо-Кавказский федеральный округ	Республика Северная Осетия-Алания	37,40	0,43	0,55	0,40	0,35	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Северо-Кавказский федеральный округ	Чеченская Республика	73,78	0,35	0,47	0,31	0,27	Точечный рост	IV (рост без закрепления)
Приволжский федеральный округ	Оренбургская область	45,83	0,53	0,63	0,47	0,49	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Приволжский федеральный округ	Самарская область	48,46	0,73	0,70	1,00	0,50	Интеграционная плотность	I (рост + закрепление)
Приволжский федеральный округ	Саратовская область	47,87	0,43	0,55	0,40	0,35	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Уральский федеральный округ	Курганская область	48,10	0,43	0,55	0,40	0,35	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Уральский федеральный округ	Тюменская область	62,42	0,43	0,55	0,40	0,35	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Уральский федеральный округ	Челябинская область	43,50	0,43	0,55	0,40	0,35	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Сибирский федеральный округ	Республика Алтай	110,87	0,36	0,50	0,30	0,29	Точечный рост	IV (рост без закрепления)
Сибирский федеральный округ	Республика Тыва	56,79	0,34	0,41	0,28	0,33	Точечный рост	IV (рост без закрепления)
Сибирский федеральный округ	Алтайский край	47,23	0,47	0,59	0,40	0,42	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Сибирский федеральный округ	Новосибирская область	61,67	0,64	0,72	0,58	0,62	Интеграционная плотность	I (рост + закрепление)

ФО	Регион	ИЭА, %	ИСИР	АИ	ВЛА	ИПП	Тип модели	Квадрант ИЭА–ИСИР
Сибирский федеральный округ	Омская область	-68,89	0,37	0,50	0,32	0,30	Точечный рост	III (дефицит)
Дальневосточный федеральный округ	Республика Бурятия	68,37	0,43	0,57	0,38	0,35	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Дальневосточный федеральный округ	Забайкальский край	62,32	0,49	0,61	0,44	0,43	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Дальневосточный федеральный округ	Приморский край	50,40	0,60	0,83	0,51	0,46	Функциональное насыщение	I (рост + закрепление)
Дальневосточный федеральный округ	Хабаровский край	67,68	0,50	0,65	0,46	0,39	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Дальневосточный федеральный округ	Амурская область	79,64	0,46	0,58	0,42	0,38	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Дальневосточный федеральный округ	Чукотский автономный округ	93,92	0,43	0,55	0,40	0,35	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Дальневосточный федеральный округ	Еврейская автономная область	53,97	0,41	0,55	0,35	0,32	Функциональное насыщение	IV (рост без закрепления)
Примечание – Расчеты выполнены автором на основе: данных статистического сборника Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025 : стат. сб. / Росстат. М., 2025. 1035 с. ; материалов таблицы Б.1, приложение Б и таблицы Г.1, приложение Г ; Инвестиционная карта Российской Федерации // Инвестиционная карта Российской Федерации. URL: https://invest.gov.ru/ (дата обращения: 22.06.2025) ; Центры «Мой бизнес» // Мой бизнес. URL: https://xn--90aifddrld7a.xn--p1ai/about/centers/ (дата обращения: 22.06.2025) ; Российский экспортный центр. Региональные подразделения // Российский экспортный центр. URL: https://www.exportcenter.ru/contacts/regions/ (дата обращения: 22.06.2025); Минэкономразвития России. Стратегии социально-экономического развития субъектов Российской Федерации // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategii_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_subektov_rf/ (дата обращения: 22.06.2025).								

Приложение Е

Расчет и интерпретация корреляционных взаимосвязей ключевых социально-экономических показателей приграничных регионов по федеральным округам

Таблица Е.1 – Корреляционные взаимосвязи ключевых показателей в приграничных регионах ЦФО

Корреляционная пара	Период / показатели	Значение r	Качественная оценка
ВРП–Инвестиции	2023/2024: ВРП 2023 / Инвестиции 2024	0,6430	умеренная положительная
ВРП–Население	2023/2024: ВРП 2023 / Население 2024	0,9315	сильная положительная
Инвестиции–Население	2024: Инвестиции 2024 / Население 2024	0,5329	умеренная положительная
ВРП–Доходы	2023/2024: ВРП 2023 / Реальные доходы 2024	0,0841	слабая положительная
Инвестиции–Доходы	2024: Инвестиции 2024 / Реальные доходы 2024	-0,5778	умеренная отрицательная
Население–Доходы	2024: Население 2024 / Реальные доходы 2024	-0,0479	слабая отрицательная
№ (число регионов)	4		
Примечание – Составлено автором с использованием: данных таблицы Г.1, приложение Г и программы Excel.			

Таблица Е.2 – Исходные значения показателей приграничных регионов ЦФО для корреляционного анализа

Регион	ВРП 2023 (млн руб.)	Инвестиции 2023 (млн руб.)	Население 2023 (тыс. чел.)	Реальные доходы 2023 (% к пред. году)	Инвестиции 2024 (млн руб.)	Население 2024 (тыс. чел.)	Реальные доходы 2024 (% к пред. году)
Белгородская область	1 341 000	236 300	1 500,7	110,3	39,40	-2,93	110,3

Регион	ВРП 2023 (млн руб.)	Инвестиции 2023 (млн руб.)	Население 2023 (тыс. чел.)	Реальные доходы 2023 (% к пред. году)	Инвестиции 2024 (млн руб.)	Население 2024 (тыс. чел.)	Реальные доходы 2024 (% к пред. году)
Брянская область	627 000	118 100	1 142,4	108,5	56,96	-3,10	108,5
Курская область	748 000	260 600	1 060,9	106,0	90,37	-2,85	106,0
Смоленская область	557 000	108 500	864,0	111,9	66,98	-4,03	111,9
Примечание – Составлено автором с использованием: данных таблицы Г.1, приложение Г и программы Excel.							

Таблица Е.3 – Корреляционные взаимосвязи ключевых показателей в приграничных регионах СЗФО

Корреляционная пара	Период / показатели	Значение r	Качественная оценка
ВРП–Инвестиции	2023/2024: ВРП 2023 / Инвестиции 2024	0,9531	сильная положительная
ВРП–Население	2023/2024: ВРП 2023 / Население 2024	0,8853	сильная положительная
Инвестиции–Население	2024: Инвестиции 2024 / Население 2024	0,9454	сильная положительная
ВРП–Доходы	2023/2024: ВРП 2023 / Реальные доходы 2024	0,3068	умеренная положительная
Инвестиции–Доходы	2024: Инвестиции 2024 / Реальные доходы 2024	0,4218	умеренная положительная
Население–Доходы	2024: Население 2024 / Реальные доходы 2024	0,6787	умеренная положительная
№ (число регионов)	5		
Примечание – Составлено автором с использованием: данных таблицы Г.1, приложение Г и программы Excel.			

Таблица Е.4 – Исходные значения показателей приграничных регионов СЗФО для корреляционного анализа

Регион	ВРП 2023 (млн руб.)	Инвестиции 2023 (млн руб.)	Население 2023 (тыс. чел.)	Реальные доходы 2023 (% к пред. году)	Инвестиции 2024 (млн руб.)	Население 2024 (тыс. чел.)	Реальные доходы 2024 (% к пред. году)
Республика Карелия	434 000	103 600	523,9	108,4	86,30	-3,25	108,4
Калининградская область	785 000	181 900	1 033,9	112,3	64,41	1,16	112,3
Ленинградская область	1 915 000	1 110 500	2 035,8	112,1	173,99	2,97	112,1
Мурманская область	1 128 000	315 200	656,4	104,3	54,20	-3,27	104,3
Псковская область	289 000	68 500	581,1	107,9	78,30	-3,97	107,9
Примечание – Составлено автором с использованием: данных таблицы Г.1, приложение Г и программы Excel.							

Таблица Е.5 – Корреляционные взаимосвязи ключевых показателей в приграничных регионах ЮФО

Корреляционная пара	Период / показатели	Значение r	Качественная оценка
ВРП–Инвестиции	2023/2024: ВРП 2023 / Инвестиции 2024	0,9964	сильная положительная
ВРП–Население	2023/2024: ВРП 2023 / Население 2024	0,9890	сильная положительная
Инвестиции–Население	2024: Инвестиции 2024 / Население 2024	0,9964	сильная положительная
ВРП–Доходы	2023/2024: ВРП 2023 / Реальные доходы 2024	-0,1345	слабая отрицательная
Инвестиции–Доходы	2024: Инвестиции 2024 / Реальные доходы 2024	-0,1077	слабая отрицательная
Население–Доходы	2024: Население 2024 / Реальные доходы 2024	-0,1601	слабая отрицательная
№ (число регионов)	4		
Примечание – Составлено автором с использованием: данных таблицы Г.1, приложение Г и программы Excel.			

Таблица Е.6 – Исходные значения показателей приграничных регионов ЮФО для корреляционного анализа

Регион	ВРП 2023 (млн руб.)	Инвестиции 2023 (млн руб.)	Население 2023 (тыс. чел.)	Реальные доходы 2023 (% к пред. году)	Инвестиции 2024 (млн руб.)	Население 2024 (тыс. чел.)	Реальные доходы 2024 (% к пред. году)
Республика Калмыкия	167 000	23 100	266,8	114,9	-39,64	-0,78	114,9
Краснодарский край	4 772 000	1 119 600	5 833,0	109,7	116,05	0,29	109,7
Астраханская область	778 000	115 800	946,4	105,3	0,59	-2,33	105,3
Волгоградская область	1 385 000	364 600	2 453,9	108,1	99,31	-2,39	108,1
Примечание – Составлено автором с использованием: данных таблицы Г.1, приложение Г и программы Excel.							

Таблица Е.7 – Корреляционные взаимосвязи ключевых показателей в приграничных регионах СКФО

Корреляционная пара	Период / показатели	Значение r	Качественная оценка
ВРП–Инвестиции	2023/2024: ВРП 2023 / Инвестиции 2024	0,9804	сильная положительная
ВРП–Население	2023/2024: ВРП 2023 / Население 2024	0,9917	сильная положительная
Инвестиции–Население	2024: Инвестиции 2024 / Население 2024	0,9948	сильная положительная
ВРП–Доходы	2023/2024: ВРП 2023 / Реальные доходы 2024	-0,6325	умеренная отрицательная
Инвестиции–Доходы	2024: Инвестиции 2024 / Реальные доходы 2024	-0,6223	умеренная отрицательная
Население–Доходы	2024: Население 2024 / Реальные доходы 2024	-0,6666	умеренная отрицательная
№ (число регионов)	6		
Примечание – Составлено автором с использованием: данных таблицы Г.1, приложение Г и программы Excel.			

Таблица Е.8 – Исходные значения показателей приграничных регионов СКФО для корреляционного анализа

Регион	ВРП 2023 (млн руб.)	Инвестиции 2023 (млн руб.)	Население 2023 (тыс. чел.)	Реальные доходы 2023 (% к пред. году)	Инвестиции 2024 (млн руб.)	Население 2024 (тыс. чел.)	Реальные доходы 2024 (% к пред. году)
Республика Дагестан	1 035 000	398 600	3 232,2	103,2	45,77	2,12	103,2
Кабардино- Балкарская Республика	291 000	79 300	905,5	109,3	61,64	0,54	109,3
Карачаево- Черкесская Республика	143 000	36 600	468,3	108,7	61,01	-0,43	108,7
Республика Ингушетия	95 000	19 000	527,2	104,8	-6,65	4,60	104,8
Республика Северная Осетия-Алания	215 977	43 499	678,9	107,8	0,40	-11,90	107,8
Чеченская Республика	397 000	198 800	1 552,9	107,5	160,00	3,73	107,5
Примечание – Составлено автором с использованием: данных таблицы Г.1, приложение Г и программы Excel.							

Таблица Е.9 – Корреляционные взаимосвязи ключевых показателей в приграничных регионах ПФО

Корреляционная пара	Период / показатели	Значение r	Качественная оценка
ВРП–Инвестиции	2023/2024: ВРП 2023 / Инвестиции 2024	0,9768	сильная положительная
ВРП–Население	2023/2024: ВРП 2023 / Население 2024	0,7236	сильная положительная
Инвестиции–Население	2024: Инвестиции 2024 / Население 2024	0,8546	сильная положительная
ВРП–Доходы	2023/2024: ВРП 2023 / Реальные доходы 2024	0,9993	сильная положительная
Инвестиции–Доходы	2024: Инвестиции 2024 / Реальные доходы 2024	0,9839	сильная положительная
Население–Доходы	2024: Население 2024 / Реальные доходы 2024	0,7481	сильная положительная
№ (число регионов)	3		
Примечание – Составлено автором с использованием: данных таблицы Г.1, приложение Г и программы Excel.			

Таблица Е.10 – Исходные значения показателей приграничных регионов ПФО для корреляционного анализа

Регион	ВРП 2023 (млн руб.)	Инвестиции 2023 (млн руб.)	Население 2023 (тыс. чел.)	Реальные доходы 2023 (% к пред. году)	Инвестиции 2024 (млн руб.)	Население 2024 (тыс. чел.)	Реальные доходы 2024 (% к пред. году)
Оренбургская область	1 764 000	345 600	1 828,7	107,1	71,66	-2,68	107,1
Самарская область	2 647 000	568 600	3 127,8	110,3	84,30	-1,77	110,3
Саратовская область	1 345 000	316 700	2 385,2	105,8	89,55	-2,96	105,8
Примечание – Составлено автором с использованием: данных таблицы Г.1, приложение Г и программы Excel.							

Таблица Е.11 – Корреляционные взаимосвязи ключевых показателей в приграничных регионах УФО

Корреляционная пара	Период / показатели	Значение r	Качественная оценка
ВРП–Инвестиции	2023/2024: ВРП 2023 / Инвестиции 2024	0,9999	сильная положительная
ВРП–Население	2023/2024: ВРП 2023 / Население 2024	0,7190	сильная положительная
Инвестиции–Население	2024: Инвестиции 2024 / Население 2024	0,7073	сильная положительная
ВРП–Доходы	2023/2024: ВРП 2023 / Реальные доходы 2024	-0,5984	умеренная отрицательная
Инвестиции–Доходы	2024: Инвестиции 2024 / Реальные доходы 2024	-0,6117	умеренная отрицательная
Население–Доходы	2024: Население 2024 / Реальные доходы 2024	0,1266	слабая положительная
№ (число регионов)	3		
Примечание – Составлено автором с использованием: данных таблицы Г.1, приложение Г и программы Excel.			

Таблица Е.12 – Исходные значения показателей приграничных регионов УФО для корреляционного анализа

Регион	ВРП 2023 (млн руб.)	Инвестиции 2023 (млн руб.)	Население 2023 (тыс. чел.)	Реальные доходы 2023 (% к пред. году)	Инвестиции 2024 (млн руб.)	Население 2024 (тыс. чел.)	Реальные доходы 2024 (% к пред. году)
Курганская область	380 000	84 300	753,0	109,0	90,59	-4,49	109,0
Тюменская область	15 947 000	3 808 400	3 890,8	108,0	65,72	2,50	108,0
Челябинская область	2 589 000	549 100	3 395,8	111,9	70,42	-1,46	111,9
Примечание – Составлено автором с использованием: данных таблицы Г.1, приложение Г и программы Excel.							

Таблица Е.13 – Корреляционные взаимосвязи ключевых показателей в приграничных регионах СФО

Корреляционная пара	Период / показатели	Значение r	Качественная оценка
ВРП–Инвестиции	2023/2024: ВРП 2023 / Инвестиции 2024	0,9923	сильная положительная
ВРП–Население	2023/2024: ВРП 2023 / Население 2024	0,9594	сильная положительная
Инвестиции–Население	2024: Инвестиции 2024 / Население 2024	0,9297	сильная положительная
ВРП–Доходы	2023/2024: ВРП 2023 / Реальные доходы 2024	0,2309	слабая положительная
Инвестиции–Доходы	2024: Инвестиции 2024 / Реальные доходы 2024	0,2351	слабая положительная
Население–Доходы	2024: Население 2024 / Реальные доходы 2024	0,2190	слабая положительная
№ (число регионов)	5		
Примечание – Составлено автором с использованием: данных таблицы Г.1, приложение Г и программы Excel.			

Таблица Е.14 – Исходные значения показателей приграничных регионов СФО для корреляционного анализа

Регион	ВРП 2023 (млн руб.)	Инвестиции 2023 (млн руб.)	Население 2023 (тыс. чел.)	Реальные доходы 2023 (% к пред. году)	Инвестиции 2024 (млн руб.)	Население 2024 (тыс. чел.)	Реальные доходы 2024 (% к пред. году)
Республика Алтай	108 000	53 800	210,8	106,1	260,98	-0,19	106,1
Республика Тыва	123 000	42 400	337,5	107,9	119,64	1,14	107,9
Алтайский край	1 024 000	233 000	2 115,3	106,9	91,04	-3,54	106,9
Новосибирская область	2 216 436	590 590	2 789,5	107,3	122,27	-0,42	107,3
Омская область	316 000	44 400	566,3	106,7	-77,85	-69,85	106,7
Примечание – Составлено автором с использованием: данных таблицы Г.1, приложение Г и программы Excel.							

Таблица Е.15 – Корреляционные взаимосвязи ключевых показателей в приграничных регионах ДФО

Корреляционная пара	Период / показатели	Значение r	Качественная оценка
ВРП–Инвестиции	2023/2024: ВРП 2023 / Инвестиции 2024	0,5260	умеренная положительная
ВРП–Население	2023/2024: ВРП 2023 / Население 2024	0,9404	сильная положительная
Инвестиции–Население	2024: Инвестиции 2024 / Население 2024	0,4247	умеренная положительная
ВРП–Доходы	2023/2024: ВРП 2023 / Реальные доходы 2024	-0,3751	умеренная отрицательная
Инвестиции–Доходы	2024: Инвестиции 2024 / Реальные доходы 2024	-0,1099	слабая отрицательная
Население–Доходы	2024: Население 2024 / Реальные доходы 2024	-0,6292	умеренная отрицательная
№ (число регионов)	7		
Примечание – Составлено автором с использованием: данных таблицы Г.1, приложение Г и программы Excel.			

Таблица Е.16 – Исходные значения показателей приграничных регионов ДФО для корреляционного анализа

Регион	ВРП 2023 (млн руб.)	Инвестиции 2023 (млн руб.)	Население 2023 (тыс. чел.)	Реальные доходы 2023 (% к пред. году)	Инвестиции 2024 (млн руб.)	Население 2024 (тыс. чел.)	Реальные доходы 2024 (% к пред. году)
Республика Бурятия	504 000	156 100	971,9	105,7	139,58	-0,92	105,7
Забайкальский край	718 000	279 300	984,4	107,6	120,13	-3,01	107,6
Приморский край	1 863 000	425 600	1 806,4	108,1	85,48	-2,78	108,1
Хабаровский край	1 262 000	625 600	1 278,1	107,6	157,07	-1,31	107,6
Амурская область	794 000	956 100	750,1	109,8	165,26	-3,05	109,8
Чукотский автономный округ	187 000	102 300	48,0	114,8	225,01	0,84	114,8
Еврейская автономная область	102 000	33 800	145,8	108,9	104,92	-4,46	108,9
Примечание – Составлено автором с использованием: данных таблицы Г.1, приложение Г и программы Excel.							

Таблица Е.17 – Сводные коэффициенты корреляции по федеральным округам (приграничные территории)

ФО	№	ВРП–Инв (2023/2024)	ВРП–Нас (2023/2024)	Инв–Нас (2024)	ВРП–Доходы (2023/2024)	Инв–Доходы (2024)	Нас–Доходы (2024)
ЦФО	4	0,643	0,931	0,533	0,084	-0,578	-0,048
СЗФО	5	0,953	0,885	0,945	0,307	0,422	0,679
ЮФО	4	0,996	0,989	0,996	-0,135	-0,108	-0,160
СКФО	6	0,980	0,992	0,995	-0,632	-0,622	-0,667
ПФО	3	0,977	0,724	0,855	0,999	0,984	0,748
УФО	3	1,000	0,719	0,707	-0,598	-0,612	0,127
СФО	5	0,992	0,959	0,930	0,231	0,235	0,219
ДФО	7	0,526	0,940	0,425	-0,375	-0,110	-0,629
Примечание – Расчеты и интерпретация выполнены автором на основе: Росстат. Национальные счета // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts (дата обращения: 22.06.2025) ; Росстат. Инвестиции в нефинансовые активы // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (дата обращения: 22.06.2025) ; Росстат. Демография // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 22.06.2025) ; Росстат. Уровень жизни // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13397 (дата обращения: 22.06.2025).							

Приложение Ж

Методические подходы к оценке результативности институтов развития и приграничных экономических отношений

Таблица Ж.1 – Современные авторы и методики оценки программ институтов развития и приграничных экономических отношений

Автор(ы)	Год	Методика	Ключевой акцент	Ограничения
Скривен М.	1966	Безцелевая оценка (goal-free evaluation)	Оценка программы по фактическим эффектам без жесткой привязки к заранее заданным целям	Ограниченно применима к формализованным государственным программам с жесткой системой KPI
Терехов А.Г., Тихонов Р.М., Серебрянников В.В.	2008	Аудит эффективности проектов и программ	Комплексная проверка результативности, экономичности и практической значимости программных решений	Сильнее ориентирован на аудиторскую проверку, чем на анализ приграничных взаимодействий
Павлов К.В., Андреева И.Г., Сапрыка В.А., Шмигирилова Л.Н.	2011	Методика изучения управления межрегиональными проектами и программами	Принципы анализа управления социально-экономическими проектами и программами межрегионального сотрудничества	Сформулирована для межрегионального взаимодействия и требует адаптации к современным трансграничным условиям
Шаш Н.Н.	2011	Оценка эффективности программного бюджета	Связь программного бюджета, целей, показателей и оценки результативности	Ориентирована преимущественно на бюджетно-программный контур
Шаш Н.Н., Бородин А.И., Киселева Н.Н.	2011	Оценка эффективности региональных экологических программ	Апробация программной оценки на отраслевом региональном материале	Отраслевая специализация ограничивает прямой перенос результатов

Автор(ы)	Год	Методика	Ключевой акцент	Ограничения
Волков Д.Г.	2014	Методика оценки удовлетворенности государственными программами	Учет восприятия программ населением и включение показателей удовлетворенности	Субъективность оценок и зависимость от качества социологических данных
Комарова А.В.	2014	Сравнительная адаптация зарубежного опыта оценки целевых программ	Использование опыта Южной Кореи для совершенствования отечественных методик оценки	Высокая зависимость от институционального контекста страны-донора
Юсупов Р.М., Бостанова А.И.	2014	Теоретико-методические основы разработки государственных программ	Методические аспекты проектирования региональных государственных программ	Больше внимания разработке программ, чем итоговой оценке эффективности
Официальный сайт Белого дома США	2014	Оценка результативности программ (PART)	Стандартизированная оценка результативности федеральных программ и их бюджетной обоснованности	Разработана для федеральной системы США и требует институциональной адаптации
Бреусова А.Г.	2015	Оценка эффективности государственных программ	Систематизация критериев и процедур оценки результативности государственных программ	Ограниченное внимание межтерриториальным и трансграничным эффектам
Гусев М.А.	2016	Сравнение методик оценки эффективности госпрограмм в субъектах РФ	Сопоставление региональных подходов к расчету эффективности программ	Методики трудно унифицировать из-за различий региональных практик
Зверев К.Л.	2018	Единая методика оценки эффективности программ субъектов РФ	Обоснование унификации процедур оценки реализации государственных программ	Унификация может снижать чувствительность к региональной специфике
Беланова Н.Н., Чиркунова Е.К., Корнилова А.Д.	2019	Анализ результативности и эффективности госпрограммы в промышленности	Оценка реализации государственной программы на отраслевом материале	Отраслевая привязка ограничивает универсальность методики

Автор(ы)	Год	Методика	Ключевой акцент	Ограничения
Афанасьев М.П., Шаш Н.Н.	2022	Интегральная оценка финансового сектора и результатов программного развития	Агрегация индикаторов, связь мероприятий и результатов, алгоритм ранжирования	Слабая чувствительность к институциональной специфике приграничья
Клисторин В.И., Седипкова С.В.	2021	Сравнительный анализ региональных методик	Сопоставление весов показателей и логики оценки программ субъектов РФ	Высокая зависимость от конкретной региональной методики
Макаров Д.Н.	2022	Оценка эффективности как элемент механизма реализации госпрограмм	Анализ применяемой практики и ее ограничений	Ориентация преимущественно на программный, а не территориальный объект
Хмелева Г.А., Костромин К.О., Скреблов Н.И.	2023	Оценка состояния и рисков приграничных геостратегических территорий	Риск-ориентированный и пространственный анализ	Ограниченное внимание к процедурной стороне оценки
OECD	2024	Рамка трансграничного управления	Архитектура управления, стратегия, финансирование, продвижение и участие заинтересованных сторон	Нуждается в адаптации к российской статистике и правовой среде
Европейская комиссия	2007	Инструмент соседства и партнерства для трансграничного сотрудничества	Стратегические рамки и приоритеты программ приграничного сотрудничества	Нормативная рамка Европейского союза требует адаптации к иной правовой и институциональной среде
Гилмор Дж.Б.	2007	Внедрение инструмента PART	Интеграция бюджетирования и оценки результативности программ	Сильная зависимость от административной системы США
Пикок С.	2008	Программное бюджетирование и предельный анализ	Оценка распределения ресурсов и программных приоритетов в здравоохранении	Отраслевая специализация и зарубежный контекст ограничивают прямое применение

Автор(ы)	Год	Методика	Ключевой акцент	Ограничения
Барилари А., Бувье М.	2010	Новая финансовая архитектура государства и программное управление	Связь бюджетной реформы, управления по результатам и финансовой подотчетности	Описывает французский контекст и требует адаптации
Фурсов В.А., Алиева З.М., Мальсагова Х.С.	2024	Мониторинг реализации госпрограмм на региональном уровне	Структурированный подход к мониторингу, контрольные точки, сопоставление плановых и фактических значений	Недостаточный учет трансграничных эффектов
Себенцов А.Б.	2024	Институциональный анализ приграничного сотрудничества	Формы и типы приграничного сотрудничества, институциональная трансформация	Методика носит преимущественно качественный характер
Команда CrossQuality / ITEM	2024	Качественная оценка трансграничного сотрудничества	Экспертные интервью, семинары, опросы, секторный анализ индикаторов	Высокая зависимость от качества экспертной выборки
ESPON	2024	Территориальная оценка воздействия программ приграничного сотрудничества	Пошаговая итоговая оценка территориального эффекта программ приграничного сотрудничества	Сфокусирована на программном воздействии, а не на всей системе приграничных отношений
Бай Т.О.	2025	Методические подходы к оценке эффективности госпрограмм в ДФО	Сопоставление региональных методик расчета эффективности	Региональная локализация результатов
Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Афанасьев М.Ю., Ильин Н.И., Гусев А.А.	2025	Оценка результативности регионального управления	Комбинация количественных и качественных подходов, ориентация на качество жизни	Подход шире приграничной проблематики и требует адаптации
Примечание – Составлено автором на основе: Scriven M. Goal-Free Evaluation, in Ernest R. House ed. School Evaluation: The Politics and Process. Berkely, Calif.: McCutchan. 1966. 70 p. ; Терехов А.Г., Тихонов Р.М., Серебрянников В.В. Аудит эффективности проектов, программ, изобретений и открытий. М.: Экономика. 2008. 366 с. ; Юсупов Р.М., Бостанова А.И. Теоретико-методические аспекты разработки государственных программ на региональном уровне // Управление экономическими				

Автор(ы)	Год	Методика	Ключевой акцент	Ограничения
системами: электронный научный журнал. 2014. № 4 (64). С. 1-17 ; Беланова Н.Н., Чиркунова Е.К., Корнилова А.Д. Анализ результативности и эффективности реализации государственной программы в сфере развития промышленности // Российский экономический интернет-журнал. 2019. № 2. С. 1-14 ; Афанасьев М.П., Шаш Н.Н. Финансовый сектор экономики: динамика и факторы развития // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2022. № 20. С. 295 ; Бреусова А.Г. Оценка эффективности государственных программ // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2015. № 2. С. 128–136 ; Гусев М.А. Сравнение методик оценки эффективности государственных программ в субъектах Российской Федерации // Методология устойчивого экономического развития в условиях новой индустриализации: сборник трудов международной конференции. Крым. 2016. С. 355–360 ; Зверева В.А. Совершенствование процесса управления государственными программами субъектов Российской Федерации путем разработки единой методики оценки эффективности их реализации // Вестник современных исследований. 2018. № 5.4. С. 152–154 ; Волков Д.Г. Анализ зарубежного опыта и разработка методики удовлетворенности государственными программами в России // Практический маркетинг. 2014. № 9. С. 21 ; Комарова А.В. Использование опыта Южной Кореи для совершенствования методик оценки эффективности реализации государственных целевых программ // Перспективы науки. 2014. № 10. С. 116 ; Neighbourhood & Partnership Instrument // European Commission. URL: https://commission.europa.eu/system/files/2020-06/db_2021_programme_statement_european_neighbourhood_instrument_eni.pdf (дата обращения: 15.08.2024) ; Павлов К.В., Андреева И.Г., Сапрыка В.А., Шмигирилова Л.Н. Разработка методики оценки состояния проектов и программ межрегионального приграничного сотрудничества // Региональная экономика: теория и практика. 2011. №. 6. С. 2-8 ; Шаш Н.Н. Построение программного бюджета и оценка эффективности программ // Финансовый журнал. 2011. № 2. С. 55–64 ; Assessing Program Performance // Официальный сайт Белого дома США. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/omb/performance/index.html (дата обращения: 16.08.2024) ; Gilmour J.B. Implementing OMB's Program Assessment Rating Tool (PART): Meeting the Challenges of Integrating Budget and Performance // OECD Journal on Budgeting. 2007. Vol. 7, № 1. С. 1-40 ; Peacock S. An Evaluation of Program Budgeting and Marginal Analysis Applied in South Australian Hospitals. Melbourne. 2008. 128 p. ; Barilari A., Bouvier M. La LOLF et la nouvelle gouvernance financière de l'État. Paris: LGDJ. 2010. 266 p. ; Шаш Н.Н., Бородин А.И., Киселева Н.Н. Оценка эффективности региональных экологических программ // Финансовый журнал. 2011. № 4. С. 61 ; Клисторин В.И., Седипкова С.В. Анализ методик оценки государственных программ субъектов РФ // Мир экономики и управления. 2021. Т. 21, № 4. С. 159–174 ; Бай Т.О. Методические подходы к оценке эффективности государственных программ в Дальневосточном федеральном округе // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17, № 1. С. 1-13 ; Фурсов В.А., Алиева З.М., Мальсагова Х.С. Оценка эффективности и мониторинг реализации государственных программ на региональном уровне // Региональные проблемы преобразования экономики. 2024. № 5 (163). С. 72–79 ; Макаров Д.Н. Методика оценки эффективности как важный элемент механизма реализации государственных программ РФ // Новизна. Эксперимент. Традиции. 2022. Т. 8, № 3 (19). С. 40–45 ; Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Афанасьев М.Ю., Ильин Н.И., Гусев А.А. Метод оценки результативности регионального управления // Вестник Российской академии наук. 2025. Т. 95, № 4. С. 75–89 ; Кузавко А.С. Приграничные регионы в условиях интеграции: теоретические оценки и практические результаты // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 2. С. 108–130 ; Хмелева Г.А., Костромин К.О., Скреблов Н.И. Современное состояние и риски развития приграничных геостратегических территорий // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № 1. С. 1-14 ; Себенцов А.Б. Приграничное сотрудничество в порубежье России: в поисках новых подходов и форм // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 4 (71). С. 11–25 ; OECD. Building More Resilient Cross-border Regions: Considerations in Governance and Partnerships. Paris : OECD Publishing. 2024. URL: https://www.oecd.org/en/publications/building-more-resilient-cross-border-regions_d5fd3e59-en.html (дата обращения: 12.06.2025) ; Колосов В.А., Себенцов А.Б., Морачевская К.А. Формальные границы и трансграничные взаимодействия: страна-регион-муниципалитет // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 3. С. 21–41 ; Лебедева Т.В., Туктамышева Л.М., Свиридов И.С. Оценка перспектив устойчивого приграничного взаимодействия российских постцелинных регионов Урала и Сибири с Республикой Казахстан // Юг России: экология, развитие. 2024. Т. 19, № 3. С. 154–168 ; CrossQuality Handbook for Assessing the Quality of Cross-Border Cooperation. 2024. URL: https://crossborderitem.eu/en/publications/crossquality-handbook-for-assessing-the-quality-of-cross-border-cooperation/ (дата обращения: 12.06.2025) ; ESPON. TIA CBC, Territorial Impact Assessment for Cross-Border Cooperation. 2024. URL: https://www.espon.eu/projects/tia-cbc-territorial-impact-assessment-territorial-impact-assessment-cross-border (дата обращения: 12.06.2025).				